

на
боевом
посту

БП

9'91

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Подранки. Из строя — в инвалиды?

В. Астафьев: «Заполнять верой души..»

Тайна яхты «Элезия»

Жили-были старик со старухой у самого синего неба, так высоко в горах, что и в былые спокойные времена радость редко добиралась до их села. А вот беда добралась. Земля, на которой они родились и прожили всю свою жизнь, вдруг по чьей-то злой воле стала для них чужой. И оказались они на обочине дороги, не ведущей никуда.

Пустеют села Нагорного Карабаха. У редких оставшихся на месте жителей милиция проверяет паспорта, в которых вымараны сведения о прописке.

Внутренние войска делают все, чтобы обезвредить тех, кто не даст людям спокойно жить. Но бородастые оборотни от открытого боя уходят, предпочитая стрелять в безоружных, вымещать зло на стариках, женщинах и детях.

ФОТО Б.БУЛГАКОВА

**ЧУЖАЯ
ЗЕМЛЯ
СВОЯ**

За нашу Советскую Родину!

на
боевом
посту

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

9'91

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД СССР

Главный редактор
А.Г. ГОРЛОВ.
Редакционная
коллегия:
В.Ш. АМЕРХАНОВ
(зам главного
редактора),
В.В. АФАНАСЬЕВ,
Б.Р. БОРУКАЕВ,
В.И. БУСЫГИН
(ответственный
секретарь),
В.П. ВОРОЖЦОВ,
Ю.В. ДУРНЕВ,
Э.В. КАЛАЧЕВ,
И.Т. КОЗЛОВ,
Н.П. КУЗЬМИН,
В.В. МУРАТОВ,
Е.А. НЕЧАЕВ,
Л.А. ПАНКРАТОВ,
Л.Н. ПЕЧЕВОЙ,
Н.Н. ПРОКОПЕНКО,
Л.Л. СМЕРНОВ,
П.А. СТУДЕНИКИН,
В.Н. УСКОВ
(зам. главного
редактора),
А.Г. УШАР,
В.С. ФРОЛОВ,
А.А. ШЕМАЕНКОВ,
В.И. ЯКУБОВСКИЙ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБ-
ЛОЖКИ: такие парни не
подведут.

Фото
А. АЛЕКСАНДРОВА.

ДЕТСТВО-

**ЭТО МЫ
ВЧЕРА**

Часто ли, обремененные повседневными заботами, общаемся мы со своими детьми, умеем ли заглянуть в их мир, полный новизны и чудесных открытий? А ведь наши дети — это мы вчера. Самыми светлыми воспоминаниями возвращается наше детство. И нет выше долга — обеспечить сегодня подрастающему поколению право светло и радостно вспоминать свои детские годы.

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА.

“Свет мой, зеркальце! скажи...”
Фото Р.РЯЗАНОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

■ АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

КОРОВНИКОВ А. «Внутренние войска путчистов не поддержали»	2
УШАР А. Подранки	7

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

КИСЛЫЙ Ю. «СВ»: «зона» на колесах	30
ШАХОВ Г. Иван, помнящий родство	36
Письма читателей	39

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

НАЙДИЧ М. С полным правом (стихи)	14
ПОДНЕСЕНСКИЙ А. Красные капли дождя (повесть)	16
СИЛКИН В. Стихи	58
БЕЗУГЛОВ А. Тайна яхты: «Элегия» (роман, окончание)	59
Сагоги всмятку (сатира, юмор)	81

■ ПУБЛИЦИСТИКА

ГЕРАЩЕНКО В. Сколько углов у «круглого стола»?	43
АСТАФЬЕВ В. «Заполнять верой души...»	48
КУПЦОВ В. Время Алексея Рыкова	54

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ТОВКАЙ Г. Не мечом единым (медитация, психотропика, транс и искусство боя)	84
Между нами, женщинами	92
СЕВОДНЯЕВ В. Ступени зрелости (о жизни собачьей: советы специалиста)	94
Клуб знакомств «Возможна встреча»	95

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ «А что такое внутренние войска сегодня? Это пожарные, если можно так сказать, это люди, стоящие на водоразделе добра и зла...» — таково убеждение героя очерка «Генерал Нечаев и его сыновья», и оно определяет все его поступки, всю его жизнь.

■ Впервые публикуется в советской печати роман «Агиты Кристи «Свидание со смертью», в котором вновь дебютирует известный всем читателям Эркюль Пуаро.

Журнал
зарегистрирован
в Госкомпечати СССР
25 сентября 1990 года
под № 241

ATTENTION FOREIGN READERS!

East View Publications
handles:
o subscriptions
o back issues
o advertising
for Na boevom postu.
For further details,
please contact us at:

EAST VIEW PUBLICATIONS,
12215 North 28th Place,
Minneapolis, MN 55441 USA
voice: (612) 550-0961
fax: (612) 559-2931

Адрес редакции:
107120, Москва, Сыромятнический проезд, 8.

Телефоны:
секретариата — 361-82-57.

Отделов:
войсковой жизни — 361-35-23
социально-политических проблем — 361-82-87
военного очерка и публицистики — 361-86-27
литературы и критики — 361-85-28
культуры и массовой работы — 361-89-39
издательства и рекламы (вопросы подписки) — 361-80-97
художественного оформления — 361-85-21
литературных приложений — 361-85-52
бухгалтерии — 361-85-80.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов.

Сдано в набор 10.07.91 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 13,3.

Тираж 105 000 экз. Заказ № 2250

Подписано к печати 25.09.91 г.
Усл. печ. л. 8,4+вкл. 7/8 п. л.
Цена 90 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда» Хорошевское шоссе, 38.
123826, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Народный депутат РСФСР

Александр КОРОВНИКОВ:

«ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА ПУТЧИСТОВ НЕ ПОДДЕРЖАЛИ»

Народный депутат РСФСР Александр Коровников в большую политику пришел не от сохи. После окончания в 1976 году Ленинградского высшего политического училища МВД СССР и до избрания на I съезде народных депутатов России в Верховный Совет республики он последовательно занимал должности от замполита роты до начальника политотдела полка, окончил Военно-политическую академию. Карьера для офицера-политработника внутренних войск довольно удачная. Казалось бы, служить да служить, не печалась о будущем... Но как, если видишь, что общество находится на краю пропасти, понимаешь, что дальше так жить нельзя. Поэтому и дал Александр Венедиктович согласие баллотироваться кандидатом в народные депутаты РСФСР. И победил, несмотря на четырех конкурентов и довольно сильные антиармейские настроения среди избирателей.

До трех черных августовских дней мало кто принимал всерьез возможности и авторитет российского парламента: позиция центра казалась неизбежной хотя бы только потому, что в его ведении находились такие мощные «аргументы», как армия, КГБ и МВД. Попытка узурпации власти «восьмеркой» путчистов рассеяла все иллюзии. Организованный заговорщиками государственный переворот с треском провалился, столкнувшись с новыми политическими силами, представленными в лице российского парламента, и народом, решительно выступившим против антиконституционного ГКЧП.

Среди защитников «Белого дома» двое с половиной суток провел и Александр Коровников. Затем в составе группы, возглавляемой вице-президентом А. Руцким, вылетел в Крым. 22 августа многие телезрители видели Александра Венедиктовича рядом с освобожденным из блокадного кольца Президентом страны М. С. Горбачевым. И вот мы встретились с председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по делам инвалидов, ветеранов войны и труда, социальной защите военнослужащих и членов их семей А. Коровниковым в его рабочем кабинете в здании Дома Советов России на Краснопресненской набережной.

— Александр Венедиктович, где застало вас известие о государственном перевороте и как развивались события, непосредственным участником которых вы стали!

— Об отстранении М. С. Горбачева от исполнения обязанностей Президента СССР группой путчистов я узнал 19 августа в 7 часов утра. Ко мне на квартиру прибежал мой помощник М. Григорьев и сообщил о случившемся. Не мешкая, я выехал в «белый дом». Вице-президент России А. Руцкой кратко ввел меня в обстановку и добавил, что через один-два часа соберется Президиум Верховного Совета РСФСР, где будет дана оценка происшедшему и определены наши дальнейшие действия.

Б. Ельцина, И. Силаева, Р. Хасбулатова в здании парламента республики еще не было. И мы толком не знали, где они и что с ними.

Но вскоре поступило сообщение о том, что Ельцин и Хасбулатов выехали в Дом Советов.

— Как же им удалось ускользнуть от гзбистов!

— У меня, например, есть информация, что по плану заговорщиков Ельцин и Хасбулатов должны были быть арестованы на даче и специальные группы КГБ туда выехали. Но... опоздали где-то минут на двадцать и разминувшись по дороге.

Пока еще много непроверенных свидетельских показаний. Нужно время, чтобы расставить все на свои места.

454

Не прошло и пятнадцати минут после того, как нам сообщили, что Президент и Председатель Верховного Совета РСФСР выехали в «Белый дом», а в зале, где шло заседание Президиума, появился Р. Хасбулатов. Он сразу взял его проведение в свои руки. Президиум Верховного Совета России принял обращение к народу и заявил о том, что произошел государственный переворот с использованием вооруженной силы. Мы к тому времени знали, кто возглавляет путч, и приняли решение подготовиться к защите «Белого дома».

— Чем вам пришлось заниматься в эти три кульминационных для судьбы страны дня!

— Только не делами инвалидов, ветеранов войны, социальной защитой военнослужащих... Защищать приходилось все, что сделала демократия, начиная с 1985 года. А если конкретно, то мне была поручена охрана и оборона 8-го подъезда Дома Советов. К середине дня 19 августа мы начали выдавать оружие народным депутатам, умеющим им владеть.

— Но Дом Советов РСФСР к военному ведомству никакого отношения не имеет. Тогда, если не секрет, откуда появилось в здании оружие! Не было ли его накопление и хранение предчувствием надвигающихся событий!

— Нет, оружия в российском парламенте никто не накапливал. Пистолеты и автоматы, выдаваемые народным депутатам, являлись всего лишь штатным оружием сотрудников внутренних дел РСФСР, выполнявших обязанности по охране Дома Советов и по различным причинам (болезнь, отпуск, командировка) отсутствующих в этот день. Кроме того, были вооружены люди из службы безопасности Президента, вице-президента и премьер-министра России. Имелось также небольшое количество автоматов в «НЗ», но их для всех желающих просто не хватило.

— Александр Венедиктович, в российском парламенте предполагали, что Дом Советов могут взять штурмом!

— Да, мы понимали, что так называемый ГКЧП может пойти на все самое худшее. И наши опасения вскоре подтвердились. Первый ультиматум был предъявлен к середине первого дня путча. Суть его заключалась в следующем: к 16 часам мы должны разоружиться и покинуть «Белый дом». Вот когда нам это предложили, то мы сразу приступили к возведению баррикад вокруг здания Верховного Совета РСФСР, к тому же москвичи и многие гости столицы уже спешили к нам на помощь. Без них разве бы мы сумели удерживать танки?!

В первый день обороны «Белого дома» на нашу сторону перешло сыскное бюро «Алекс», вневедомственное охранное подразделение «Колокола». На защиту законного правительства России встали многие бывшие воины-афганцы, представители казачества. Вечером этого дня к нам прик-

нули танковый и мотострелковый батальоны, посланные ГКЧП блокировать Дом Советов. В ночь с 19 на 20 августа о своем намерении защищать «Белый дом» сообщил воздушно-десантный полк.

— Как проявили себя в эти три дня внутренние войска?

— Внутренние войска путчистов не подержали. Руководство войск МВД СССР высказалось в первый день переворота однозначно: личный состав частей и подразделений проявляет лояльность к российскому парламенту и мест постоянной дислокации не покинет. Более того, 20 августа в Верховный Совет республики позвонил начальник штаба Центрального управления внутренних войск МВД СССР генерал-майор А. Баскаев и выразил готовность направить на защиту «Белого дома» бригады специальных моторизованных частей милиции и спецназа («краповые береты»).

Показателен и такой факт. Не стала на сторону заговорщиков и дивизия ОМСДОН. У нас даже шутка такая среди депутатов появилась, дескать, путч провалился лишь потому, что в нем не участвовала дивизия имени Дзержинского.

— Утром 21 августа, я был в этой дивизии и по общему настроению понял, что люди в подавляющем большинстве относятся к ГКЧП критически...

— Да, всем, кто не хотел больше быть рабом тоталитарного режима, если не в первый день, то уж во второй точно стало совершенно ясно, что этому комитету доверять нельзя. Был просто какой-то театр абсурда: о гипертоническом кризе Павлова вся страна узнает через пять минут, а чем же все-таки болен Президент СССР, никто не может установить в течение трех суток! Невооруженным глазом было видно: идет закулисная игра, причем с примитивным сценарием и бездарной работой исполнителей. Поэтому в армии, во внутренних войсках офицеры, прапорщички, сержанты и солдаты, понимая все это, в подавляющем большинстве не стали на сторону гэкачепистов.

При встрече с Президентом России я сообщил Борису Николаевичу, что внутренние войска в период путча проявили верность российскому руководству. Ни один солдат мест постоянной дислокации не покинул, а командование войск не приняло решения о выполнении задач, поставленных ГКЧП.

— Александр Венедиктович, как вы считаете, надо ли расследовать деятельность внутренних войск в дни переворота и что ожидает тех руководящих лиц, которые проводили или пытались провести в жизнь указания путчистов?

— Поскольку всем ясно, что личный состав войск антиконституционный комитет заговорщиков не поддержал, то и расследовать нечего.

— Александр Венедиктович, два труд-

нейших дня обороны «белого дома» его защитники выстояли. Наступил день третий — решающий...

— 21 августа, как и было за два дня до этого решено на Президиуме, начала работу сессия Верховного Совета РСФСР. Ей предстояло обсудить политическую ситуацию в стране и высказать свое отношение к ГКЧП. По-прежнему ничего не было известно о Президенте СССР. Тогда на сессии решили сформировать из членов правительства и народных депутатов России группу, которая должна будет вылететь в Крым на мыс Форос и выснить всю правду о том, что случилось с М. С. Горбачевым. С нами находились И. Силаев, Е. Примаков и В. Бакатин. Возглавлял группу вице-президент России А. Руцкой.

— Были ли включены в группу, вылетающую в Крым, военнослужащие? В средствах массовой информации встречалось по этому поводу немало разночтений.

— Всего в группу вошли 54 человека. 33 из них — курсанты и преподаватели Рязанской высшей школы МВД СССР — были вооружены. Мы располагали сведениями, что Горбачев блокирован на своей даче, и не исключалась возможность применения силы для его освобождения. Из военнослужащих в группе находился лишь я, да и то облаченный в гражданскую одежду. Времени на сборы практически не оставалось. Я даже не успел взять из своего кабинета автомат.

Для полета Б. Н. Ельцин выделил нам самолет Президента России. Кстати сказать, утверждение помощника вице-президента РСФСР А. Стерлигова в своем интервью «Известиям» о том, что нам пришлось силой захватывать предназначенный для полета авиалайнер, не соответствует действительности. Экипаж не ожидал, и, как только группа разместилась в салоне, самолет взял курс на Крым.

Во время полета мы разработали три варианта посадки: на военный аэродром в Бельбек, находящийся в 60 км от президентской дачи, в аэропорты Севастополя и Симферополя. Военный аэродром отказал, сославшись на загруженность посадочной полосы: попереки нее стоит самолет, и нет возможности его убрать. Севастополь вообще промолчал на наш запрос. Тогда мы созвонились с Ельциным. Борис Николаевич сообщил, что Симферополь готов нас принять и уже дано распоряжение городским властям о выделении нам транспорта для поездки на мыс Форос. Но минут за 15—20 до подлета к Симферополю Бельбек неожиданно дал согласие нас принять. Было в этом что-то потрясающее, однако А. Руцкой принял смелое решение изменить курс и садиться на военный аэродром, поскольку он расположен близко к президентской даче.

Почему Александр Владимирович так торопился? Дело в том, и мы это знали, что Крючков и Язов, опережая нашу группу на 4 часа, вылетели в Крым. С одной сто-

роны, появлялась уверенность в том, что Президент жив. А с другой, мы не знали, зачем они так спешат, и волновались за судьбу М. С. Горбачева, так как уже в воздухе нам сообщили о блокировании президентской дачи и неусыпном наблюдении спецслужб КГБ за всеми дорогами, ведущими из Севастополя и Симферополя к мысу Форос.

В полете мы отработали варианты защиты на случай вооруженного нападения на нас по дороге к президентской даче. Тщательно продумали свои действия при выходе из самолета, чтобы сократить до минимума степень риска для присутствовавших на борту членов Совета безопасности страны и правительства России. Со стороны заговорщиков ничего хорошего ожидать не приходило, когда все планы переворота летят к черту, их действия могут стать совершенно непредсказуемыми. Мы отдавали себе отчет в том, что при посадке нас могут не только блокировать, но и даже попытаться уничтожить. Подозрительным казалось и поведение диспетчерской службы военного аэродрома: вначале категоричный отказ принять наш самолет, а затем неожиданно милостивое «добро» на посадку. В общем, надо было готовиться ко всяким неожиданностям.

За окном иллюминатора серой лентой мелькнула взлетно-посадочная полоса. Упругий толчок, и самолет, резко теряя скорость, побежал по бетонке. Место стоянки ему определили в самом дальнем уголке аэродрома. Подумалось: убирают подалеже от посторонних глаз, чтобы прихлопнуть, как муху.

Во избежание провокации группу Рязанской высшей школы МВД СССР решили оставить в салоне. Первыми по трапу спустились двое телохранителей вице-президента и премьер-министра России. Затем из самолета вышли Руцкой, Силаев, Бакатин и Примаков, в расчете, что их узнают и огонь открывать не будут.

Все обошлось благополучно. Нас встречал народный депутат Украины (к сожалению, фамилию его я не запомнил), который предоставил в наше распоряжение две «Волги» и «уазик». Оказывается, ему совсем недавно сообщили о нашем прилете, и он просто физически не мог обеспечить нас необходимым транспортом. Пришлось довольствоваться малым.

Оставив вооруженную охрану в самолете, мы выехали по направлению к мысу Форос. Через десять километров пути увидели идущие с большой скоростью навстречу две «Волги» — командование Черноморского флота выделяло нам дополнительный транспорт.

Расстояние от военного аэродрома до президентской дачи всего ничего, но мне почему-то казалось, что мы едем со скоростью черепахи. Всех волновала одна мысль: застанем ли Горбачева в добром здравии или нет? Но вот наконец-то в над-

вигающихся сумерках мы увидели ограждение президентской дачи. У первого КПП нас завернули: сотрудник ГАИ сказал, что надо ехать к главному въезду.

У ворот нас встретили вооруженные люди. Кому они подчинялись, мы не знали. В этот момент я видел, как шесть крытых армейских тентовых грузовиков отъезжали от основного ограждения президентской дачи. Было довольно темно, но кого они увозили, не трудно догадаться. (Разговаривая позже с офицерами из охраны М. С. Горбачева, я узнал, что дача действительна была в плотном кольце сотрудников спецслужб госбезопасности, но к нашему приезду ее уже охраняли люди Президента СССР).

За ворота разрешили пройти только восьмерым. Руцкому, Силаеву, Бакатину, Примакову, Сергееву — начальнику отдела информации Совмина РСФСР, Столярову — председателю ЦКК КП России, Федорову — министру юстиции РСФСР и мне.

На обширной территории президентской дачи находилось несколько жилых и служебных строений. Дом, в котором проживал М. С. Горбачев с семьей, стоял в отдалении, почти у самой кромки моря. К нему вели несколько дорог. Нас рассадили в четыре машины, провезли примерно метров 30 и высадили у первого здания. К нам подошли вооруженные рослые парни и повели к дому, где должен был быть Президент. Но шли мы каким-то, как мне сразу показалось, окольным путем. Узкая, шириной не более полуметра тропинка вела вдоль сплошной стены. Справа от нас были служебные постройки.

Идем цепочкой, молчим. Каждый думает о своем, но, видимо, о главном: где Президент, увидим ли мы его? Послышался шелест прибрежной гальки: значит, осталось пройти совсем немного. За углом последнего перед пляжем коттеджа открывается вид на президентскую дачу. Поворачивая голову направо, вверх и встречаюсь взглядом с... шефом КГБ Крючковым, стоящим в четырех-пяти метрах от нас на веранде. Чуть поодаль от него замер Язов. Ни они, ни мы не проронили ни слова.

— Вас, видимо, специально провели по этой дорожке, чтобы Крючков и Язов смогли поближе рассмотреть, кто же все-таки приехал к Горбачеву!

— Не исключено, так как это был не самый удобный и короткий путь от центральных ворот до президентской дачи.

У дверей нас встретил начальник охраны Президента. Попросил несколько минут подождать, а затем ввел в гостиную. Вскоре вышел и Михаил Сергеевич. Чувствовалось, что он рад такому повороту событий и взволнован. Первые его слова были: «Я ждал вас и верил: вы обязательно пробьетесь ко мне...» Затем он каждого из нас обнял и поцеловал.

В ходе беседы, продлившейся около часа, Михаил Сергеевич рассказал, что, когда мы вылетели в Крым, ему подключили

телефонную связь, и он разговаривал с Ельциным. На вопрос, встречался ли он с Крючковым и Язовым, ответил: «Нет. Я принял решение, пока не переговорю с вами, никого у себя не принимать». К тому времени мы уже знали, что на дачу Президента СССР специальными рейсами прилетели Лукьянов и Ивашко.

Узнав о государственном перевороте, М. С. Горбачев записал свою речь на магнитофонную пленку. С нее сняли четыре копии и по линии его службы безопасности сумели передать в Москву. При встрече с депутатами России эту пленку Президент показал, демонстрировали ее в своей программе и тележурналисты: «Взгляда».

— Александр Венедиктович, М. С. Горбачев, выступая по телевидению, сказал, что его охрана сумела при помощи старых приемников и куска проволоки прослушивать «Би-би-си», «Свободу», «Голос Америки». Неужели на даче Президента СССР не нашлось современной радиоаппаратуры!

— Мне думается, что Михаил Сергеевич под старыми приемниками подразумевал те, которые имелись в служебных помещениях и в личном пользовании охраны.

— Как проходило возвращение Президента СССР в Москву!

— А. Руцкой очень решительно настоял на том, чтобы М. С. Горбачев вылетел с нами в Москву этой же ночью. Командовать сегодня буду я, категорично заявил Александр Владимирович, и Михаил Сергеевич возражать не стал. Правда, он предложил вначале лететь на своем большом президентском самолете, но А. Руцкой его переубедил: «Ни в коем случае, Михаил Сергеевич. Только нашим самолетом, потому что экипаж проверенный и ему мы полностью доверяем».

Здесь же мы разработали план, как нам с наименьшим риском вывезти в Москву Президента и его семью. Кроме нас, восьмерых, и Михаила Сергеевича в этот план никто посвящен не был.

Для принятия мер предосторожности мы с А. Руцким поторопились на аэродром. На тропинке, ведущей к автомашине, неожиданно встретились с Лукьяновым и Ивашко, поспешно направляющимися к президентской даче. Это произошло так внезапно, что ни мы, ни они не знали, как себя вести. Пауза явно затягивалась. Вдруг Лукьянов резко протянул руку Руцкому: «Саша, здравствуй!» Александр Владимирович так же быстро ответил на рукопожатие и негромко произнес что-то типа «здорово». С Ивашко через некоторую паузу он тоже поздоровался. А когда мы поспешили дальше, я спросил, зачем он это сделал, ведь мы только что на конкретных фактах доказали Михаилу Сергеевичу причастность Лукьянова к заговору. В ответ Руцкой произнес буквально следующее: «Понимаешь, во всем еще предстоит разобраться, а мне Лукьянов вручал Золотую Звезду, и я до сей поры помню, как тогда он пожимал мне руку».

Как мы позже узнали, Михаил Сергеевич принял Лукьянова и Ивашко, но разговаривал с ними в присутствии Бакатина, Примакова и Силаева, причем в довольно резкой форме. Руцкой среди них быть не могло, он в это время находился на аэродроме, хотя многие средства массовой информации сообщили в спешке, что Александр Владимирович присутствовал на этой беседе.

Первой на аэродром прибыла колонна машин, сопровождавшая Президента СССР и его семью. За ними подъехали Крючков, Язов, Лукьянов, Ивашко и другие лица, добивавшиеся встречи с М. С. Горбачевым. Их разместили в большом президентском самолете. К нам, так определил А. Руцкой, вместе с Президентом поднялось 32 человека.

Перед самым вылетом было принято решение взять к себе еще и Крючкова — так безопаснее, ведь он оставался Председателем КГБ и мог натворить кучу гадостей. В большой президентский самолет поднялись два народных депутата России и, сославшись на просьбу Горбачева, пригласили Крючкова к нам на борт. Отказаться он не смог. Его охрану — восемь человек — наши ребята блокировали в большом президентском самолете.

В полете Крючков вел себя спокойно. И только во Внуково, когда все покинули салон, а с ним остались один из телохранителей Силаева и я, он посмотрел в иллюминатор, увидел, как встречают Президента, и спросил: «Я арестован?» Мы промолчали. Но тут к нам поднялся заместитель министра внутренних дел РСФСР Дунаев и сказал, что Крючкова можно звать. Его провели по запасному трапу, посадили в «рафик» и отвезли в специально подготовленное место в Подмоскowie.

Несколько позже я узнал, что ордера на арест всей «восьмерки» подписаны, и как только приземлится большой президентский самолет, Язов будет немедленно арестован.

Михаил Сергеевич после посадки самолета во Внуково сразу уехал домой.

— **Переворот не удался и, как говорится, слава Богу и народу, отстоявшему здание Верховного Совета РСФСР. Какие теперь будут приняты меры по усилению защиты законного правительства России на случай непредвиденных обстоятельств!**

— С первых дней работы Верховного Совета и правительства Российской Федерации вопрос создания республиканских внутренних войск неоднократно поднимался. Но по различным причинам дальше парламентских дебатов дело не продвигалось. Теперь же сама жизнь доказала, что силы безопасности у России, как суверенной республики, должны обязательно быть. В одном из указов Президента РСФСР, изданном во время путча, сказано о необходимости формирования национальной гвардии России. Под руководством А. Руцкова создана и работает группа народных

депутатов — военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов МВД СССР и офицеров внутренних войск, которая разрабатывает концепцию и модель будущих войск республиканской гвардии. Подчиняться они должны только Президенту РСФСР. Совет Министров республики в своем постановлении определит все виды обеспечения войск.

Пока предложены два варианта формирования национальной гвардии: взять за основу уже существующие части внутренних войск, дислоцирующихся в крупных российских городах, или же ограничиться созданием сил безопасности в Москве, а затем поэтапно разворачивать их на всей территории России.

Что касается ныне действующих внутренних войск страны, то с их реформированием до заключения Союзного договора торопиться не следует. Только после его подписания можно будет с достаточной долей уверенности определить: какие соединения и части оставить под юрисдикцией центра, а какие передать республикам. Поэтому принимать указы о переподчинении войск республикам только потому, что они дислоцируются на их территории, преждевременно. Но существуют и другие точки зрения на решение этой проблемы.

— **Александр Венедиктович, Союзному парламенту до вооруженных защитников страны не было дела. Может быть, российские депутаты возьмут на себя социальную защиту военнослужащих! Пожалуй, нет ни одного государства в мире, где бы семья защитников Отечества влачили существование у черты бедности, не имели элементарных бытовых условий.**

— В нашем комитете Верховного Совета РСФСР подготовлен проект закона о социальных гарантиях военнослужащих на территории Российской Федерации. Но это было сделано до путча, и теперь некоторые положения документа предстоит пересмотреть. Мы однозначно понимаем, что так безответственно относиться к военнослужащим — людям государственным — дальше нельзя: мы просто потеряем армию. Поэтому, считаю, зарплату офицерам и прапорщикам надо поднимать в несколько раз. Они должны получать, как это принято в цивилизованных странах, не менее высококвалифицированного рабочего с обязательным учетом индексации цен. Необходимы оговоренные законом гарантии в обеспечении военнослужащих жильем, трудоустройстве членов их семей, медицинском обслуживании и т. д. Все это мы предусмотрели, и пакет предложений по социальной защищенности офицеров, прапорщиков, членов их семей в целом нами уже подготовлен.

— **Будем надеяться, что в Российском парламенте за словом последует дело!**

— Думаю, так оно и будет.

Беседу вел майор А. СИМОНОВ.

486

ДО ПЕРВОГО БОЯ

«МЫ УЖЕ подходили к баррикадам, когда в нас полетели гранаты и пули. Первым же взрывом меня ранило двумя осколками в левую ногу. Я упал... Рядом со мной лежал молодой солдат из нашей роты Тараканов. Пули и осколки буквально изрешетили его» (рядовой запаса ОЛЕГ ШЕЛДЯКОВ).

...Спустившись с дерева и взяв в руки палку, наш дикий пращур вскоре смекнул, что этим примитивным природным устройством тоже надо пользоваться умеючи. Ибо оно о двух концах. Так и повелось с тех пор: прежде чем послать своего воина под камни, стрелы и пули, держава делала из него человека, сведущего в ратном деле, дабы он не чувствовал себя пушечным мясом, живой лишнийю. Иначе грош цена воинству такому.

Увы, то, что было пороками, теперь — нравы. В грубые, невежественные, слабоцивилизованные времена историк и, по мнению Фридриха Энгельса, первый достойный упоминания военный писатель нового времени, считавшийся в эпоху Леонида Брежнева человеком, олицетворяющим собой пренебрежение нормами морали, Никколо Макиавелли пришел к такому выводу: «Обучение это... закаленность тела, приучение его к лишениям... владение оружием и, наконец, умение сохранять порядок в походе».

Спросите солдата, чем из приведенных четырех составляющих обучения он занимается усерднее всего. И тот, кого не смутят ваша напускная строгость и начальственный отблеск звезд на погонах, как на духу признается: «приучением к лишениям». Чего-чего, а вот этого — в избытке. Закономерно, что воинство, которому и без того жилось не сладко, оказалось под большим спудом. Тем паче внутренние войска, еще вчера почти невидимые, незаметные, а сегодня — незаменимые. Хлопот полон рот. И вот уже практически не хватает времени на «закаленность тела» и «владение оружием». До того ли? Худобедно сердитыми на все и вся командирами и изрядно потрепанными в идеологических баталиях политработниками поддерживается порядок в рядах солдат, оз-

ПОДРАНИКИ

любленных донельзя желчными, несправедливыми нападками антиармейски настроенных трибунов. Но главное — «приучение к лишениям»: абсолютный минимум затрат сил и средств, а связь с обучением, хотя и косвенная, второстепенная, все же есть. Убежден, что в этой области военного дела нашему солдату равных нет. И, что самое удивительное, даже в таких немыслимых условиях солдат действительно является гарантом спокойствия и порядка. Трудно вообразить, на что он был бы способен, если его научить «военному делу настоящим образом», а не так, чтобы продержался лишь до первого боя.

РЯДОВОЙ запаса АЛЬФРЕД ШАРАПОВ, инвалид III группы: «До событий в Баку мой призв: прослужил три месяца. Кто был ротным? Не успел запомнить. Командиром части, кажется, Черных. Подготовка! Практически никакой не было. Ни физической, ни специальной. Драили полы и посуду, стояли «на тумбочке». Пригласили нас как-то на показательные занятия, посмотрели мы, как крепкие парни ловко оттесняют условную толпу. Красиво. И этим тема была исчерпана. Ребята еще шутили потем, неужели десантников, танкистов, ракетчиков так же учат: показали парашют — прыгай, показали танк — заводи, поехали, показали ракету — запускай!! Хотя тут все ясно: у них же дорогостоящая техника, ее беречь надо. А вместо нас новых пришлют, чего понапрасну суетиться! Словом, дальше началась практика».

Стоит ли говорить о том, что практиковался рядовой Альфред Шарапов недолго. И это вполне объяснимо. Не стал, да и не мог он в столь короткие сроки стать солдатом внутренних войск, способным выполнить специфическую задачу на улице большого города и уцелеть. Альфред даже элементарной военной терминологией не овладел («Пригласили нас как-то на занятия... Красиво»), ротного своего не запомнил, звание командира части не знает — не приучен, говоря об офицере, называть его значение и фамилию, потому что там, в посудомойке и на уборке территории, где он «готовился» к предстоящей кровопролитной «спасительной миссии», этим офицерам, конечно же, делать было нечего. Там и старшины с запасом хватало. Не удивительно, что в своем первом и последнем бою Альфред успел сделать так немного, удивительно, что он сделал даже больше, чем умел — прибыл на «поле брани» и не покинул его без приказа: «Мы увидели на перекрестке скопление автомашин. И вдруг у меня под ногами раздался взрыв. Потом еще и еще рядом. В нас начали стрелять. Все солдаты роты отбежали и укрылись на тротуаре [!], чтобы их не подстрелили. Мне потом рассказали: позади ехал автобус, из которого тоже стреляли, и хотел разда-

вить нас, лежавших на дороге. Сам почти ничего не помню. Последнее, что почувствовал — боль и ощущение, что ноги не слушаются. Будто чужие. Очнулся в реанимации — тяжелое осколочное ранение мягких тканей обеих ног...»

Не только дока, даже человек, безнадёжно далекий от тактики и стратегии боя, поймет из этих несвязных, обрывочных, но характерных воспоминаний, что по-военному грамотными действия наших солдат назвать трудно. Спасибо им великое, что не дрогнули под огнем и в конце концов одержали верх. Но какой дорогой ценой! И не их это вина, а наша беда, что в таком огромном и — что бы там ни говорили — богатом государстве хронически не хватает людей для службы в войсках правопорядка, почти нет материальных и технических средств для качественного обучения молодых рекрутов, да что деньги — зачастую попросту нет времени на их подготовку, едва успеваем «обозначить ориентиры»: то там, то здесь вспыхивают очаги межнациональной розни. Их надо срочно гасить. Не умением, так числом. А как же учеба? Жизнь научит? Если останешься жить...

В вооруженных силах США есть «Медаль готовности к бою». Да не обидится тот, кто считает себя профессионалом, но, введи ее сейчас очередным указом во внутренних войсках, немногие солдаты, впервые оказавшиеся в горячих точках, удостоились бы этой награды. Принять бой и быть готовым к нему — суть разные понятия. А вот парадокса, уверен, не избежали бы: по-прежнему вручали бы наши родные «За боевые заслуги» и «За отвагу» за скрупулезность числа кандидатов на «Медаль готовности к бою». Вот ведь как — отвагой умение заменили. Потому и потери такие несем. К счастью, принято наконец решение — вчерашних новобранцев в пекло боя не посылать. Пока не поймут, почему фунт лиха.

С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ

АС КОГО, к примеру, спросится за экипировку военнослужащих, брошенных на ликвидацию массовых беспорядков, как говаривали встарь, с открытым забралом? У мифического Ахилла было только одно незащищенное место — пята. И этого хватило его недругам, чтобы свести с ним счеты. Наши ратники порой уязвимы отовсюду. А держатся.

Сержант запаса ОЛЕГ РАДЧЕНКО, инвалид III группы: «Подняли нас и доблестную кишиневскую милицию. Стоим. Трудно сказать, с чего началась заваруха, но то, что она должна была начаться — факт, ибо милиция тут же испарилась. У нас даже примета такая была: если стоят блюстители порядка, грозные и невозмутимые, все будет тихо, как только исчезли — жди беды. Так что и на этот раз команда «впе-

ред!» касалась только нас. Но что может сделать с рычащей, оцетинившейся палками и металлическими прутьями многотысячной толпой сотня солдат!! С абсолютно голыми руками. Одежды, как в увольнение. Досталось нам, конечно...

А вскоре опять буза. Экипированы — фифти-фифти. Нет, не каждый второй по полной схеме, а каждый первый по чуть-чуть. Все разукомплектовано: у кого грудь «бронником» прикрыта, у кого спина, щитов нет, дубинок тоже, о «сферах» и речи тогда не вели. Приказали лечь костями, но толпе дорогу преградить. Легли. Синякам и ушибам счёту не было. Потрепали нас изрядно, долго потом раны зализывали. И то рады были, что живы остались».

Первый блин? Если бы. Совсем не впервой тогда бросили внутренние войска на обеспечение общественного порядка. И раньше били нас круто и беспощадно, так что горький опыт был. Выводов из него не было. И средств защиты тоже. Сегодня перемены к лучшему наступили. Но ведь на дворе 1991-й, а началось все в 1986-м.

Я отнюдь не идеализирую качество наших боевых «доспехов», но без них противостояние толпе, вооруженной камнями, бутылками с горючей смесью, арматурой и прочей неотъемлемой атрибутикой «борцов за демократию», — самоубийство. Безусловно не избежали бы мы потерь и при полной оснастке. Но то, что их было бы многократно меньше — аксиоматично. Выходит, не только экстремисты и иная сволочь прорезывали ряды войсковых цепочек, но и те, кто своевременно не обеспечил солдат положенным. Здесь важно уловить разницу: не об излишествах и дополнительных средствах защиты речь — о норме. Не до жиру, как говорится, быть бы живую.

Того же Олега Радченко при полной боевой вывести из строя — немало пришлось бы повозиться: статью и силой бог не обидел. Однако неожиданным, но ощутимым подспорьем толпе хулиганствующих подонков явились «некоторые неувязки в вопросах экипировки личного состава»...

ОБСТАНОВКА у здания МВД Молдовы в тот ноябрьский вечер накалилась до предела: крики, взрывы. «Тревога!» Распределение «доспехов». Сержант Радченко надел каску — глядь, дужка крепления сломана. Мелочь, но при малейших движениях головой каска съезжает на глаза. Что делать — снова надел фуражку. И тут заметил, что еще не нюхавший пороху солдат его взвода рядовой Федоров с отчаянием в глазах мается с бронезиловым — «липучки» не держат, выслужили свой срок. Подумал: не идти же парно нагишом — отдал свой щит. И десяти шагов не сделал навстречу осатаневшей толпе — страшный удар по голове: рухнул как подкошенный. Так кто же боль-

ше виноват в многоэтажном диагнозе, с которым, как с путевкой в жизнь, уволели двадцатилетнего инвалида, ослепшего на один глаз? Неведомый подлец и трус, метнувший из толпы увесистый булыжник в сержанта, или конкретный клерк при погонах, обеспечивший взвод специального назначения в пропорции один к двум: одна каска — две головы, один щит — два солдата? Что уж говорить об оснащении «обычных» подразделений? Тут ни факты, ни свидетельства не нужны — достаточно логического умозаключения. Но все же взвод, где довелось послужить верой и правдой сержанту Радченко, отличался от других, «простых»: «Если в часть привозили что-нибудь очень тяжелое — разгрузку поручали спецназу. Только такие тренировки нам и организовывали сверху».

Ну и, разумеется, когда ощутило пахло жареным, рассеивание «кулинаров» тоже поручали спецназу. Все, больше принципиальных отличий не было.

Диву даешься, какие поразительные выводы из создававшейся пиковой ситуации делают наши двадцатилетние ветераны с инвалидными книжками, калеки-подранки, чьи моральные страдания неизмеримо ощутимее физических. Они и в этом нелепейшем положении свои плюсы видят: довольны, что в таких «заброшенных» боевых звюдах и ротах к минимуму сведена неуставщина, в борьбе с которой в конвойных подразделениях затупили и копы, и перья. Логика и абсурдна, и проста: любой конфликт становится невыносимым, ибо как же после этого битый небитого из беды выручать станет? Им же стоять плечом к плечу в одной войсковой цепочке. То, чего долгие годы командиры и политработники не смогли добиться активными мерами и научно выверенными рекомендациями, пришло само.

Старшина запаса ВЛАДИМИР ДЗЕБАН: «Шли на службу по улицам Баку. Дорогу перегородили автобусы и грузоемки, за которыми, мы видели это, схоронились люди. Неожиданно из окон общежития в нас полетели гранаты и бутылки, из-за баррикад открыли автоматический огонь. Тут-то меня и зацепило. В этой короткой схватке один солдат погиб, пятнадцать раненых».

Рядовой запаса СТАНИСЛАВ ВОВЧЕНКО: «Получили сообщение — нападение на колонну. В одном из двух «броников», которые послали на помощь, был я. Когда подъехали к высоте, с которой здорово стреляли, подполковник Чекарчев крикнул: «Все на месте. Двое за мной!» Одним из этих двоих стал я, другим — ефрейтор Махаев. Карабкаемся. Тут что-то шевельнулось в кустах. Я прыгнул и лишь на несколько секунд опередил боевика с гранатой в руке. Связали его. Махаев остался охранять, а я — за подполковником. Не сразу «достали» мы их точку, откуда из гранатомета, пулемета и карабина ребят огнем поливали. Но обезвредили все-

таки. И когда казалось, что самое худшее позади, раздалось еще несколько выстрелов их снайпера с другой высоты. И Чекмареву, и мне пули попали в грудь. Я вот выжил, хотя и с трудом, а Чекмарев... Классный мужик был, Афган прошел. Говорил мало, «работал» хорошо. Но как-то сказал, что даже там, на чужой земле, они постоянно ощущали себя частицей Родины. А здесь, на родной, оказались заложниками. Меня представили к ордену Красного Знамени, но что-то пока ничего не слышно, хотя столько времени прошло».

ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ

НАГРАДЫ были обещаны многим подранкам. Если не всем. Коли не лжет присловье и вправду обещанного три года ждут, некоторые дождутся звездного часа уже в следующем, 1992-м. Чуть-чуть осталось, пустяки. Когда Олег Радченко лежал в больнице со своим однополчанином Андреем Мурановым, также потерявшим зрение на один глаз, их навестила большая группа офицеров во главе с генерал-майором Е. Нечаевым. Тогда и услышал впервые, что представлен он к ордену Красной Звезды, а Муранов — к медали «За отвагу». Правда, не придал этому значения. Когда днем и ночью находишься во власти жуткого ощущения, будто в голове у тебя ежесекундно разрывается миниатюрная граната, многое в жизни кажется пустым и бессмысленным: представили так представили, лишь бы глаза видели да боли не изматывали до изнурения. Уже дома вспомнил о тех больничных посулах.

Человека всегда словно магнитом тянет в те места, где испытал он сильное эмоциональное потрясение, неважно, добрые или горькие воспоминания остались от него в наследство. Потому-то спустя много лет фронтовики возвращаются на поля былых сражений, узники — на пепелище ненавистных концлагерей. Первым желанием Олега, как только встал на ноги, было побывать в родной части, повидать боевых друзей, с которыми в одной цепочке стояли под градом камней и металлических болванок. И выстояли.

Случайно встретился в части с начальником штаба полка подполковником Мищенко. Он-то и сказал: извини, друже Олег, служил ты славно, дай Бог каждому, но награды ваши зажали. Кто? Приехала, говорит, комиссия из Киевского управления и посчитала наши действия неправомерными. Не поверилось Олегу, кинулся к друзьям: неужели? Те с грустью кивают: действительно, собрал всех какой-то майор из Киева и прямо с порога бухнул — дурака вы свалили, ребята. Не стоило, мол. И потому о наградах не заикайтесь.

Радченко будто второй раз по голове саданули. Только теперь уже те, кого он

по наивности своими считал. Тут же в запале написал начальнику управления внутренних войск по Украинской ССР и ССР Молдова генерал-лейтенанту Н. Алексе. «Сообщаю, — ответил ему генерал, — что командованием войск вы представлены к награждению медалью «За отличие в воинской службе» I степени».

Можно было махнуть рукой на манер Василия Теркина и примирительно продекларировать классическое: «...Зачем мне орден, я согласен на медаль». Но...

Сержант запаса ОЛЕГ РАДЧЕНКО: «Дело было уже не в награде (не ради нее гробились) — в принципе. Служили мы — нами крутили, как хотели. Уволились — опять крутят. Написал генералу Нечаеву. Получил теплое, доброе письмо со словами признательности за хорошую службу и известием, что включен я в проект указа о награждении орденом «За личное мужество». Прошло еще полгода (со дня ранения — полтора) — тишина. Муранову тоже ничего не дали. Выходит, кто-то и впрямь свалил дурака: или мы тогда, когда, не обсуждая приказов, не деля их на правомерные и неправомерные, шли вперед в Ереване и Кишиневе, или они теперь? Иначе как это называется!»

ДАВАЙ разберемся, Олег. По-моему, это все тот же заклеянный газетно, но непоколебленный реально бюрократизм, с которым ты вплотную столкнулся в войсках и который зажал тебя в тиски после увольнения в запас. Пока он жив, таким, как ты и твои боевые друзья, неизменно будет чего-нибудь НЕ ХВАТАТЬ. Вы хронически будете лишними, чужими даже среди своих. Сначала тебе НЕ ХВАТИЛО каски и шлема, чтобы не остаться калекой, в то время как тот, кто должен был тебя экипировать с головы до пят, жив-здоров и не подозревает о твоём незавидном существовании.

Потом, Олег, тебе НЕ ХВАТИЛО ничтожной справки для собеса на оформление нищенской пенсии по инвалидности. Не один месяц ходил ты (а каково тем, кто лишился ноги, а не глаза?) — обивал пороги этого странного, не любящего людей учреждения. И когда казалось, что все бумаги собраны до кучи, женщина-инспектор, нагло глядя тебе в здоровый глаз, заявила: у тебя нет справки, что ты служил в армии. Напрасно ты пытался доказать — нервы сдали, — что в военном билете и прочих ворохах бумаг черным по белому написано, где и сколько ты прослужил, по какой статье уволен. Только себе навредил. Нет, ей не жалко было этих злосчастных денег, не из своего кармана платить — просто, являясь винтиком огромной чиновничьей, бюрократической машины, она и не может работать иначе, как не наплевав тебе в душу. Это стиль. И когда тебе все-таки «отвалили» 44 рубля в месяц (а Муранову Андрею и вовсе

до целковых начислили; можно сказать, по дешевке от глаза избавился), у того же инспектора, естественно, НЕ ХВАТИЛО времени, дабы объяснить, что тебе по всем советским законам положено удостоверение участника войны, дающее право на льготы.

Впрочем, не только у бесчувственно-деревянного инспектора райсобеса НЕ ХВАТИЛО времени на подранка, честно выплывшего свой воинский долг. Увы, в родных войсковых частях командованию тоже, оказывается, НЕ ХВАТИЛО такта, участия и порядочности, чтобы озаботиться дальнейшей судьбой выбывших из строя по ранению Муранова, Шляхового, Вовченко, Дзэбана, Радченко, Шелдякова, Шарпова, десятков других. Может быть, потому один из наших «бывших» с болью в голосе обронил: «Уволен по ранению — это не причина и не следствие. Это — приговор, не подлежащий обжалованию».

«Врачи сказали, что пальцы ног не будут работать никогда. По инвалидности назначили какую-то подачку. Сейчас немного набросили, но ведь и эту пенсию не будут платить всю жизнь. Материально обеспечен плохо и со страхом жду перекомиссию. Там опять скажут: иди работать закрыщиком или бухгалтером. А я — сварщик... был. Можно попробовать, конечно, подучиться — ведь вся жизнь впереди. Но в городе предприятия переходят на новую систему хозяйствования. Уже сейчас здоровые люди никому не нужны, кто ж инвалида возьмет!» [Рядевой запаса А. ШАРАПОВ].

Неужто и милосердие нам не по карману? И не по средствам нам пристальнее взглянуть в нелегкие судьбы молодых ветеранов? Озаботиться их заботами? Не деньгами, так вниманием, добрым словом изредка поддерживать их. Считать по-прежнему своими, хоть этим как-то заглаживая вину перед подранками.

К слову, о деньгах. Слава Богу и правительству СССР, недавно выделили и деньги. Правда, герои этой публикации, к сожалению, получили свои ранения несколько раньше, чем в державные головы пришла эта, казалось бы, естественная мысль — выплачивать крупные страховые суммы за ранения и инвалидности. Но спасибо и на том.

И еще: война есть война, пуля — дура и, может статься, опять кого-нибудь не спасет заветная «броня». Но только бы броней не покрылись сердца сослуживцев, соотечественников, наши с вами сердца. Забвение героев — что может быть страшнее?

Подполковник А. УШАР.

От редакции. Материал уже готовился к печати, когда стало известно, что сержант запаса Олег Радченко награжден орденом «За личное мужество», а рядовой запаса Станислав Вовченко — орденом Красной Звезды. Поздравляем!

«На голом энтузиазме долго не протянешь»

Не секрет, что есть офицеры, прапорщики, которые всеми правдами и неправдами стараются перевестись из оперативных частей в более «спокойные». Причин тут много, но главное — постоянная чрезмерная служебная нагрузка, частые командировки в горячие точки страны, связанные с риском, опасностью для жизни. И все это практически ничем не компенсируется. Более того, семьи многих военнослужащих не обеспечены жильем, да и какая уж тут служба, когда сам на аюгах, а где-то за тысячу километров супруга с ребятишками по чужим углам мается...

Мне могут возразить, мол, а как же долг, честь и тому подобное! Все правильно: тот, кто добровольно избрал путь военного человека, знал, на что шел. И все же на одном патриотизме и голом энтузиазме долго не протянешь.

К чему все это я клоню! А к тому, что настало время менять подход к комплектованию, материальному и иному обеспечению частей оперативного назначения. Во-первых, на мой взгляд, туда надо направлять офицеров, прапорщиков по их собственному желанию — таких, не сомневаюсь, найдется вполне достаточно. Во-вторых, риск, вечный дискомфорт из-за разъездов по городам и весям должны весомо материально компенсироваться. И наконец, следовало бы подумать о создании условий для планового перевода военнослужащих из оперативных частей в другие — нельзя же всю службу находиться в неопределенном состоянии.

Отдаю отчет себе в том, что высказанные предложения [а они, кстати, не только мои, но и многих моих сослуживцев] непросто реализовать. Многие упирается в деньги, которые в нынешней ситуации в стране трудно найти. Но меняться что-то должно! И уже сейчас. Ведь речь в конечном итоге идет о том, как эффективнее выполнять войскам задачи по поддержанию общественного порядка в нашем собственном доме.

Старший лейтенант Л. НИКОЛАЕВ.

Ордена Красной Звезды управление внутренних войск по Северо-Западу и Прибалтике.

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Здесь по-прежнему звучат выстрелы, льется кровь. Но воины внутренних войск продолжают выполнять поставленные задачи.

Еще долго будут болеть раны командира разведгруппы капитана А. Прончева, полученные во время одной из операций... Но даже в таких жестоких условиях солдаты не черствеют душой. И есть утешение в этой жизни — любимец Вулкан, которого всегда можно потрепать за ухо.

Фото В. КОВАЛЕВА.

ЛИКУЮТ СОТНИ ТЫСЯЧ, А МИЛЛИОНЫ МОЛЧАТ

Наверное, за всю более чем семидесятилетнюю историю Советской России не было высказано в нашей отечественной прессе столько очернительных и горьких слов, сколько выплеснуто по поводу Октября, коммунизма и Ленина после известных событий 19 — 21 августа.

О путче, а скорее, омерзительном спектакле, разыгранном по слишком примитивному сценарию (благо, что в нем не приняли участия внутренние войска, оставшись верными конституционному долгу), написано много. Равно как и о победе демократов, которая сравнивается по своему размаху с Октябрем. Оппортунистическое руководство ЦК поставило партию на колени, бросило миллионы коммунистов.

Победители и сейчас не придут в себя от столь неожиданного успеха. Настолько растерялись, что не сразу сообразили, что забыли, как в борьбе с путчистами они настаивали на требовании: «Президенту — открытый микрофон» и потому непростительно позволили себе во время первой же встречи с Президентом устроить ему психологическую пытку. И хотя Президент горячо уверял: «Не думайте, что вы меня загнали в ловушку!», в таковой он и оказался. Преданный вчерашними соратниками, практически всеми министрами, он понял, что спасение не в отстаивании социалистического выбора, а в союзе с демократами, в компромиссе...

А компромисс — это реальная власть Бориса Ельцина. Твердая исполнительная власть сегодня спасение для страны. Но будет ли она таковой, покажет время.

А пока сносятся памятники, издаются антиконституционные акты, которыми приостанавливается деятельность общественных организаций, начинается борьба за дележ захватываемого имущества, зданий и дворцов. Перецапались российские власти и московская мэрия.

Под видом борьбы с путчистами идет чистка органов власти от тех, кто не признает воззрений демократов. Следственные комиссии устраивают допросы, требуют отчета, где был тот или иной человек в дни путча.

На ключевые посты идут свои люди. И что с того, что Сергей Красавченко не специалист в области правоохранительной. Может он работать начальником ГУВД Москвы только потому, что некогда был заместителем у Гавриила Попова в бытность его главным редактором экономического журнала. Да и заместители у Красавченко под стать — детский врач, контролер, экономист. Однако возстали депутаты Моссовета. Тут же мэр назначает опять-таки своего человека — Аркадия Муратова. И только после вмешательства Верховного Совета и Президента России восторжествовал здравый смысл. К сожалению, это не всегда так.

Убраны негодные, а скорее, люди с иными убеждениями, из средств массовой информации, прежде всего Кравченко и Спиридонов. Сменились руководители ряда органов печати, например военной. Виктор Филатов, который из сухого, нечитаемого издания сделал пусть спорный, но интересный публицистический «Военно-исторический журнал», оказался выброшенным из седла. Ну что ж, чистить так чистить, чтоб с плюрализмом покончить раз и навсегда.

Сотни тысяч, что сделали августовскую революцию, ликуют, а миллионы, кто каждый день приходит к пустым прилавкам, молчат. А может, они на что-то еще надеются? И потому ждут.

Но сколько же моему народу ждать? Не обманут ли его в очередной раз?

Андрей КРУПНОВ.

Михаил НАЙДИЧ

С полным правом

Михаил НАЙДИЧ — известный советский писатель. Он родился в 1924 году, прошел Великую Отечественную, а в послевоенное время закончил Уральский государственный университет имени А. М. Горького. Автор более двадцати книг стихов и прозы, вышедших в Москве и на Урале. Живет в Свердловске.

МОЕ

«Это небо — мое,
эти степи — мои!» —
говорил я
и скидывал руки, как птица.
А ребята постарше, свое затаив,
улыбались:

«Пацан еще... Это простится!..»
«Да и как тут иначе?
Ведь в той стороне,
где простор полевой
иль дорога лесная,
наклонялась любая травинка
ко мне!..

Это ж только сегодня,
под старость, я знаю:
надо было пройти
сквозь лихие бои
и отдать свою юность броскам,
переправам,
чтоб спокойно потом
говорить с полным правом:
«Это небо — мое, эти степи — мои!»

ДО СИХ ПОР

ИВАНУ МИХАЙЛОВИЧУ ЗАХАРОВУ

Пора забыть, но не могу:
стель пронеслась одностонно —
врага отбросили от Дона
и жгли костры на берегу.

Дрозды вдруг ожили в садах,
и ветерок боялся дунуть.
А что вернусь опять сюда —
об этом я не смел и думать.

И вот вернулся... Над рекой
стою, мечтаю. А река-то
вся в мелкой зыби золотой
у берегов, у перекатов.

И словно бы прошли века,
стирая годы, как мгновенья.
Но кажется — хранит река
костров солдатских отраженья...

КОГДА РВАНЕМСЯ

Еще лежим в траве.
А даль сквозная
в огне, дыму густом.
Кромешный ад.
Свистят снаряды
(это штамп, я знаю,
но что поделать,
все-таки свистят!).

Когда же мы
с удвоенною силой
рванемся и опять пойдём в дыму,
ты не шепчи мне:
«Осторожней, милый!» —
ведь в этот час тебя я не пойму.

* * *

Я люблю тебя свято — до боли,
не прикидываясь святым.
Я бы даже на минном поле
собирал для тебя цветы.

Собирал бы, росинки звенели,
и тревожно бы щурился глаз.
Ведь в любви, как в саперном деле,
ошибаются только раз.

ИЗ ПИСЬМА

Где-то там, внизу — речушка, лиф,
ну а здесь вершины в синем дыме.
Постарайся, посмотри на юг —
встретятся глаза твои с моими.
Что тебе о нас?.. Бивачный быт,
строгости военного похода.
Ничего, что писем нет полгода —
ты пока не верь, что я убит.

ПОГИБШИЕ РЕБЯТА

...В тревоге травы смикли,
Им вспомнились бои;
Желтеют ваши снимки,
Товарищи мои.
И снова пухом белым
Покрылись деревья,
И ничего не сделать.
И жизнь всегда права.
Погибшие ребята!
Вы все же вдалеке,
Последняя граната
Давно не в кулаке.
Вам если что и снится —
Не орудийный бас.
...А тучная пшеница
Корнями возле вас.

ЧАС ПОЭЗИИ

В этом зале просторном
стены не крашены,
бледнолицые парни,
одетые в серое.
Я сказал им: «Товарищи!»
(надо бы — «граждане») —
потому-то майор покосился,
наверное.

Тишина — что за нею?..
Ни кашля, ни ругани.
Кто-то явно потупился,
смотрит лишь под ноги.
Я читаю стихи им
о маршале Жукове,
и они меня слушают,
слушают все-таки.

Осужденные парни,
гляжу я с глаза им,
как в туман над рекой,
как на кухонный чад.
«Месяц август, теплынь,
ну а мы замерзаем», —
почему-то глаза их
невольно кричат.

Мое сердце стучится —
пойми!.. что-то сделай!..
Нелегко догадаться
иль просто понять,
кто есть кто:
кто преступник закоренелый,
ну а кто оступился
и встанет опять.

За оконцем пустырь.
И скуная трава лишь
молча жухнет,
не рвется, увь, к небесам.
Ах, скорее, скорее б
сказать мне: «Товарищи!»
всем, кто здесь,
кто вернется, наверное, к нам...

Полковник Анатолий Владимирович Поднесенский — старший преподаватель военного училища. До этого служил в войсках на самых различных должностях, так что знает тонкости ратного дела не понаслышке.

Он — участник VII семинара литераторов внутренних войск. Повесть «Красные капли дождя» — первая публикация автора.

ПРОЗА

1. СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД

30 августа

Специальное донесение начальника войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии.

Доношу, что в ночь на 26.8.44 крупная банда неустановленной численности пыталась перейти государственную границу... При столкновении с подразделениями погранотряда, потеряв 10 человек убитыми и 2 пленными, отошла обратно на сопредельную территорию. Часть банды неустановленной численности сумела прорваться в глубь нашей территории и скрыться в лесах.

Мероприятия: для прикрытия железной дороги и усиления охраны объектов дополнительно выставлены две войсковые группы численностью 30—35 человек в районах...

Командир... стрелковой бригады ВВ НКВД.

12 сентября

Выписка из показаний захваченного во время операции в Кременецких лесах пленного унтер-офицера о связях банд УПА с немецко-фашистским командованием.

Пленный фельдфебель Г., по национальности немец, унтер-офицер, захваченный при попытке просочиться через линию наших заслонов в районе Камыки, на предварительном допросе показал: «Немецкое командование имеет с бандами УПА связь и помогает оружием и боеприпасами. Наша группа находилась в банде, которой командует некто Перун, и ожидала переброски за линию фронта на германскую территорию, взамен чего банда должна была получить оружие и боеприпасы, сбрасываемые немцами с самолета».

Пленный также показал, что не так давно в районе Подкамень был переброшен в тыл Красной Армии организованный и вооруженный немцами батальон.

Начальник оперативного отделения штаба... стрелковой бригады ВВ НКВД.

1 октября

Записка по «ВЧ» командиру... стрелковой бригады ВВ НКВД.

Ставлю в известность, что в последнее время значительно активизировала боевые действия в районе Кременецких лесов банда под командованием Перуна.

21.09.44 банда напала на узкоколейную железную дорогу под Ракитно. Бандитами разобрано 40 м пути, уведено несколько рабочих, произведено крушение поезда, сжуженого дровами.

27.09.44 банда численностью до 80 человек, переодетых в форму красноармейцев, напала на село Лохчу. Убит председатель сельсовета, вырезано восемь семей советского и партийного актива.

¹ Главный провод ОУН — центр (штаб) организации украинских националистов.

² Сотня — подразделение УПА (украинской повстанческой армии) численностью 120 — 150 человек.

2 На боевом посту № 9

29.09.44 в районе населенного пункта Стейно бандитами убито 12 военнослужащих Красной Армии и произведено крушение грузового поезда.

Предлагаю:

1. Совместно с органами НКВД организовать и провести чекистско-войсковую операцию по уничтожению банды Перуна.

2. Провести мероприятия по активизации политико-воспитательной работы среди личного состава и местного населения, направленные на выявление и уничтожение бандгруппы.

3. О ходе подготовки к операции докладывать ежедневно.

Заместитель начальника ВВ НКВД Украинского округа.

* * *

10 октября

Выписка из показаний задержанной священной окружного провода ОУН Пешко Стефании.

Задержанная нарядом... сп связанная окружного провода ОУН Стефания Пешко показала: «Нам стало известно, что войска готовят против нас операцию, изучают время посещения боевиками населенных пунктов, организуют облавы и поиск наших людей в ночное время... Чтобы избежать столкновения с войсками, Перун дал указание приходить в села не ранее двух-трех часов ночи и быть особо внимательными...»
Начальник штаба... сп НКВД.

— Обложили, — сказал Регент и забарабанил пальцами по карте, лежащей перед ним на столе.—Куда бы мы ни сунулись—езде энкавэдисты. Только за три последних дня потеряли таких боевиков, как Косач, Чуйный, Осип... Они хорошие бойцы, но хреновые разведчики. Не профессионалы. Потому предлагаю свою кандидатуру: готов возглавить очередную разведгруппу. Ты как, Перун, возражений не имеешь?

Перун знал Регента очень хорошо. Вместе они были курсантами разведшколы абвера, что близ озера Квенц под Берлином, вместе в сороковом году преподавали в спеццентре абвера в Кракове, обучая диверсионной работе тех, кому вскоре предстояло включиться в борьбу с Советами, вместе же засылались на территорию России до июня сорок первого, за что заслужили похвалу начальства — руководителей центра полковников Штольца и Оберлендера.

Весной сорок первого, согласно одному из разделов плана «Барбаросса», адмирал Канарис поручил Оберлендеру договориться с главным проводом ОУН¹ о формировании в составе полка особого назначения «Бранденбург-800» националистического батальона «Нахтигаль» (Соловей). Перун и Регент надели форму немецких офицеров с желто-голубой ленточкой на погонах, стали командовать подразделениями... Впрочем, тогда они еще были Григорием Вернго и Станиславом Маснаком, прозвища получили позже, когда стали «работать» в ближних тылах Красной Армии. И вот теперь Перун — командир сотни², а прибывший к

нему на связь Регент — референт краевого провода¹ ОУН, человек, которого высоко ценили в СБ — службе безопасности. И сейчас Регент просто играет роль подчиненного перед Перуном: на самом деле он волен поступать так, как считает нужным сам. Потому Перун отвечает на заданный вопрос дипломатически:

— Думаю, стоит пройти в район Лохчи, там пока затишье, и мы сможем провести операцию по ликвидации активистов.

— Правильно, Лохча. — Регент встал, прошелся из угла в угол бункера. — Если я не вернусь завтра к полудню... Если останусь жив... Я найду тебя, Перун, мы еще послужим нашей идее!

Утром следующего дня к командиру сотни вбежал командир четы² Лялюсь:

— Беда, Перун, энкаведисты!

— Где? — Вериге, на ходу застегивая портупею, зашагал к выходу.

— Идут со стороны Лохчи. Перед расцветом там стрельба была слышна — видеть, наших разведчиков били. Во всяком случае, из группы Регента никто пока не вернулся.

— Общая тревога. Командиров ко мне. Будем биться.

* * *

20 октября
Из доклада командования... стрелковой бригады ВВ НКВД начальнику ВВ НКВД Украинского округа:

Докладываем о результатах операции по ликвидации оуновской банды Перун в Кременецких лесах.

На основании агентурно-разведывательных данных, а также путем допроса задержанных бандитов было установлено место расположения банды Перуна. В целях уничтожения банды был разработан план операции с привлечением наибольшего количества войсковых сил и оперативных работников.

Операция протекала с 15.10 по 18.10 включительно. С первого ее дня начались боевые столкновения, вначале с боевым охранением банд, а по мере продвижения в глубь леса — с основными силами. Со стороны бандитов применялись минометы, пулеметы, ручное вооружение.

В отдельных местах бои продолжались по 5—8 часов. Бандиты пытались уйти из окружения, переходили в атаку, но повсюду уничтожались.

Нами захвачены трофеи: пушек — 4, минометов — 9, станковых пулеметов — 12, мин к минометам — 310, ручных гранат — 365, мотоциклов — 3...

В числе захваченных живыми — 35 немцев, пятнадцать немцев убиты. Все они принимали участие в боях в составе банды. Как стало известно из предварительных допросов пленных, в банде был проводник центрального провода ОУН Ре-

гент. Ему, а также главарю банды Перуну удалось скрыться. Нами принимаются энергичные меры по их обнаружению и задержанию.

2. ЛЕЙТЕНАНТ АЛЕКСЕЙ КАМИНСКИЙ

Все в мире построено на случайностях, думает Алексей Каминский, глядя в темное окно вагона. Как он, к примеру, стал офицером? Одна девочка-одноклассница на выпускном балу сказала, что выйдет замуж только за военного. Вот Алешка и поехал в училище... А она, эта девочка, через три года прислала ему телеграмму с приглашением на бракосочетание. Так показанному и было в тексте: бракосочетание. А мужем ее стал учитель химии, хилый очкарик...

Еще одна случайность — то, что Каминский служит в поселке Сосновка, недалеко от станции, тоже с красивым названием — Таежная. На первом курсе еще дело было: Алексей длинный, под два метра, вот и долбанулся о притолоку блиндажа на полевых занятиях, набил на лбу шишку. Курсовой офицер тогда же и сказал ему: вы у нас, Каминский, как сосна теперь, с шишкой. И пристала клякуха до конца учебы. А распределение — в Сосновку. Ребята обхототались.

Знакомство с Таней — тоже случайность. Полтора года назад в Москве — проездом в столице был, из отпуска возвращался — пошел на выставку Константина Васильева, битый час стоял перед его «Ожиданием». И девочка одна стояла. Так получилось, что одновременно, можно сказать, в ногу, отошли от картины, и улыбнулись по этому поводу, встретившись глазами. Потом по городу путешествовали, в кафе забрели. И здесь неприятная история произошла. За соседним столиком резвилась веселая компания, пятеро парней. Алексей с Татьяной — так звали его знакомую — танцуют, а они в полный голос цакости в их адрес говорят. То ножки девушки им

¹ Краевой провод — территория одной, двух областей, где действовали оуновцы.

² Чета — подразделение УПА.

не нравятся, то рост Каминского... Короче, специально на скандал нарываюся, Таня шепчет: не обращай, мол, внимания, но разве можно не обращать? Извинился Алексей перед ней и — к парням. Так, мол, и так, драку затевать не хочу, но прошу в дальнейшем не хамить. Секунд десять была немая сцена, потом один из пятерки встает из-за стола и нарочито громко начинает базар: ты, мол, детка, наверное, Игоря Звонкова не знаешь, потому дуй отсюда по-хорошему и не смей больше вякать...

Каминский сейчас и сам не может детально вспомнить, как получилось, что схватил он за запястье руку этого самого Звонкова. То ли тот уже драться полез, то ли Алексею надоело гадости выслушивать. Но так или иначе от пожатия лейтенанта у парня такое лицо сделалось, что отпустил его Алексей, побоялся, что тот, не дай бог, в обморок грохнется. И упал бы Звонков, не будь под ним стула. Но остальные четверо с мест соскочили: «Пойдем, салага, выйдем»...

Кто знает, чем бы кончилось все это, не появившись возле них пожилой мужчина, седой как лунь, но, видно, еще крепкий, с волевым, уверенным взглядом. Первым его заметили парни, он за спиной Каминского оказался, — и сразу сникли, перестали кричать. Звонков улыбнулся было этому мужчине, но так жалко и неуверенно, как будто ждал от него подзатыльника. «Вон! — негромко произнес незнакомец и тронул за рукав Алексея. — Вы уж простите их, подлецов. Сто грамм выпьют — и теряют рассудок».

Парни тотчас вышли из кафе, Алексей с Таней тоже не стали задерживаться — настроение их было испорчено.

Все в мире построено на случайностях. Едет сейчас Каминский в свою Сосновку, где то кафе и где тот Звонков, и вот на ж тебе — в поезде проходит рядом с ним тот крепкий седой старикан, от чьего взгляда вытянулась в струнку пьяная компания. Конечно же, Алексея он не узнал: тот ведь с Таней в гражданском костюме был. Да и память у стариков, само собой разумеется, неважная. Подойти поздороваться, напомнить о давнем деле и спросить, почему его так безговорочно послушались эти шалопаи? Но, вполне возможно, старик и об этом забыл — не обернувшись, зашел в купе, закрыл дверь. Видно, улегся спать, время ведь уже ночное...

3. ПЕРУН. 1944—1960 ГОДЫ

То, что его формирование принимает последний бой, Перун знал. Эти внутренние войска — войска башковитые, дело свое делают профессионально, и полагаться сегодня надо не на силу оружия, а на хитрость. И еще: как птица отвлекает хищника от гнезда, так и энкавэдистов надо подальше отвести от этого бункера: ведь почти ря-

дом закопаны ящики, в которых хранятся... О, много там хранится. То, без чего потеряла бы смысл та стратегия, которую в последние дни разрабатывали Перун и Регент. Уходить, уходить отсюда надо, даже если придется подставить под пули своих людей.

Тяжелым был бой. Перун, Лялюсь и еще двое высочили из окружения, можно сказать, чудом. Ушли в глухие чащобы, где был резервный, известный одному Перуну схрон. Три недели жили в нем. Не голодали: еды, как и оружия, там было припасено много. Потом командир уже не существующей сотни принял решение выдвинуться на запад, попытаться перейти линию фронта. Фронт ведь каждый день отодвигается, и можно вообще остаться на территории «советов».

Вышли из схрона в ночь, а уже утром натолкнулись на засаду. Группа проходила в то время опушкой леса, спрятаться от огня солдат было невозможно. Перун упал при первых же выстрелах. Боевики, увидев, что потеряли вожака, взяли резко влево, туда, где темнел сосняк. Обреченные, они дрались до последнего патрона...

— Эти готовы, — сказал один из бойцов, подбирая автоматы, лежавшие подле убитых. — А вот четвертый где? Упал-то вроде вон там, у осины.

— Раз упал, значит, лежит, — ответил сержант, рыжеусый, с лицом, как дробью, побитым оспой. — Отсюда не уйти, все как на ладони.

Но сколько ни искали бойцы, не нашли никого. Вызвали проводника с собакой. Тот беспомощно пожал плечами:

— Порошок на следах рассыпан, товарищ сержант.

— Махра, что ли?

— Нет, не наш порошок, немецкий, От него теперь мой Рекс не скоро очухается.

— Жалко. Видно, большую птицу упустили.

...Перун упал не только из хитрости, он действительно схлопотал пулю, но та так хорошо вошла в плечо, что умудрилась не задеть кости. Однако крови он потерял немало, и к исходу дня — а Григорий весь день шел, ни на минуту не останавливаясь, — рана начала нестерпимо жечь, рука отекала. От погони он оторвался, но понял, что на запад идти сейчас не резон, что его и караулят как раз на западных стезях-тропках. И Перун пошел на восток. За полночь пробрался к знакомому дому, постучал условным сигналом в окно. Здесь жила «файна панночка» Кристина, вдовушка, чей муж был в отряде Перуна, но погиб еще летом. Из-за Кристи и погиб: не стоило ему, плешивому, кривоногому, брать в жены такую красавицу, не стоило знакомить своего командира с ней, а потом из-за этого же бросаться на Перуна с кулаками.

Кристина завела его в дом, с любовью своей горячей сразу же полезла, а уж потом рану промывать начала.

— У меня тут...—он показал глазами на карман пиджака.—Возьми, тебе нес.

И вот уже держит Крестя на ладони золотую цепочку и два колечка с камешками.

— Снял с кого? — спрашивает подозрительно.

Перун знает: брезглива панночка, бросит золото в печь, если узнает правду.

— Магазин хлопцы взяли, оттуда, так что не бойся, не запачканы подарки.

Расцвела сразу Крестя, опять целовать его принялась да ласковые польские слова нашептывать.

— Подожди, подожди, радость моя. Где шкатулка, которую я тебе передавал?

В шкатулке — стопка документов. Знал Перун, зачем копил их, отбирая у убитых красноармейцев и селян. Теперь вот листает, прикидывает, какой лучше ему подойдет. Пожалуй, вот этот. Красноармеец Дорошевич, демобилизованный из армии по случаю тяжелого ранения и контузии. Лицом схож, даже очень. И рана — тоже в правое плечо. Славно и то, что имя менять не придется: Григорием звали Дорошевича, Григорием Петровичем.

— Самогонку будешь, Гриша? — спросила его Крестя.

— Не бы, — буркнул Перун. Но потом поднял глаза на вдовушку, увидел ее, ждущую, зовущую, страстную, и уже по-другому сказал: — Неси стопки.

Весной сорок пятого года списанный подчистую боец Григорий Петрович Дорошевич появился в небольшом подмосковном городке. Этим же летом женился, взял фамилию жены. Любопытствующим объяснил: из родственников никого не осталось, всех немцы на Смоленщине побили, и детей не будет — жена тяжело переболела. Так что все равно конец роду. Чтоб меньше страшное вспоминалось, лучше, чтоб и фамилия не вступала.

В пятидесятом Григорий Мокрецов стал студентом одного из московских институтов, заочником, естественно. В том же году бросил на центральном почтамте открытку по адресу, который прочно сидел в голове. И делал это регулярно каждые полгода. В пятьдесят третьем он похоронил жену, остался бобылем, пил мало, женщин не водил... В общем, соседом был при мерным.

В пятьдесят пятом Мокрецову в первый раз пришла к новогодним праздникам поздравительная открытка. С тех пор перед каждым январем он вытаскивал из почтового ящика открытку с коротким трафаретным текстом «Поздравляю... Желаю». Подпись была везде одинакова: «Стас».

Станислав Маснак, Регент.

Перун был почти уверен, что это именно он шлет ему послания. Скорее всего, не сам, а через кого-то.

В последних числах декабря шестидесятого в дверь его комнаты постучали, и на пороге появился незнакомый мужчина.

— Слава Украине, друже Григорий, — сказал гость.

— Героям слава, — последовал ответ.

Человек, прибывший от Регента, гостил у Перуна недолго. Посоветовал при возможности перебраться в Москву, дал деньги, оставил новый адрес, по которому следовало теперь посылать открытки. Бад-Годесберг — название этого города в ФРГ Григорий слышал впервые.

4. ЛЕЙТЕНАНТ АЛЕКСЕЙ КАМИНСКИЙ

Ладно, бог с ним, с этим седым интеллигентным старичком из соседнего купе, думает Алексей. Раз случай свел их здесь, то почему бы не предположить, что эта встреча не последняя и что удастся все-таки перебраться двумя-тремя фразами. «А помните?» — спросит Алексей. «Ну как же, как же, эти выпившие парни... Один из них мой родственник, мне, празо, до сих пор стыдно за него. А вы были тогда с девушкой, красивая такая...» — «Это теперь моя невеста...»

Может, так сложится разговор, может, иначе, но Татьяны он, конечно же, коснется. В конце концов, это из-за нее лейтенант Каминский и в то кафе попал, и к столику к парням подошел.

Вот так началось знакомство с той, которую он теперь называет невестой. Полтора года назад он проводил ее домой, до двери квартиры, и ушел, записав на память только номер дома и квартиры, не узнав даже фамилии. Вернувшись в свою Сосновку, погрузившись с головой в служебные хлопоты, он вроде бы и забыл о кареглазой москвичке. Но однажды, когда выдалась-таки свободная минута, пошел бродить по тайге, собрал букет красно-желтых осенних листьев и загрузил о том, что негрядом Татьяны, что некому подарить этот изумительный букет, некому показать ни веселого барабанишка дятла, ни семью маслят, ни сердито пыхтящего ежа. Вернулся, сел за письмо, написал и о маслятах, и о букете, вложил в конверт маленький багряный листок. Улица, номер дома, номер квартиры, просто Тане, без фамилии...

Не думал, что письмо найдет адресата, но — нашло. Так и завязалась переписка с Таней, Таней Калинкиной. Два человека, не знавшие друг друга, решили доверить свои мысли письмам, ничего не тая, ни перед кем не лукавя. Писалось им легко, читалось залпом. И через полгода переписки обом показалось, что они знакомы с детства и лишь временно разлучены, и вскоре кончится это время разлуки.

И вот — дали Алеше отпуск. Неделю погостил он у родителей, в Белоруссии, потом махнул в столицу. Позвонил ей по телефону и услышал в ответ:

— Алеша? Татьянки нет, она сейчас в институте, но вы приезжайте, сейчас же, мне надо поговорить с вами.

Ясно, подумал Каминский, мама сейчас скажет, что напрасно я пишу, звоню, что

дочь ее никогда не уедет из Москвы, не свяжет свою судьбу с военным, что ей надо учиться, посещать театры...

С тяжелым сердцем ехал он сюда, но лучше уж сразу объясниться. И попросить, чтобы она все же разрешила встретиться и поговорить с Татьянкой.

Дверь ему открыла хрупкая, лет сорока пяти, женщина, улыбнулась, и... И Алексей понял, что не надо бояться разговора с ней.

— Алеша, я купила книжные полки и хочу, чтоб до прихода Татьянки они уже висели. Да, кстати, меня зовут Анастасия Васильевна.

Он протянул ей цветы и спросил, как заправский слесарь:

— Дрель, сверла, молоток есть?

— Да все есть. Кроме мужских рук.

Алексей уже знал из писем: муж Анастасии Васильевны, бывший офицер, списанный из войск НКВД по состоянию здоровья — в пятидесятых был на Западной Украине, сражался с бандами националистов, там его и ранило, — работал инженером, умер шесть лет назад. Струнулся с места старый осколок под сердцем, и...

Когда Татьяна пришла с лекций, Каминский уже сидел за праздничным столом и держал в руке рюмку с клюковкой домашнего приготовления.

— Приезжайте ко мне в гости, под Сосновкой этой ягоды — болота красного цвета, честное слово.

— Ты что же меня, Алеша, как тещу приглашаешь, что ли? — смеялась в ответ Анастасия Васильевна.

Веселый разговор подхватила Татьяна, и ни у кого из троих не было чувства неловкости, скованности, хотя тему они затрагивали очень личную:

— ...А что, Татьяна, поехала бы из Москвы в тайгу?

— А почему бы и нет? Я люблю клюкву. Пирог с ней!..

Остановился Алексей в столице у дальних родственников, но почти все время проводил с Татьянкой. И ни разу не завидли они разговор о своем будущем в серьезном тоне. Лишь когда Каминский уезжал в свою роту, он задал ей вопрос, из-за которого, собственно, и приехал в Москву:

— Мне... ждать тебя в Сосновке?

— Да, — просто, не смущаясь, ответила та.

— Когда?

— Сдам сессию, переведусь на заочное... Месяца через три. Так, говоришь, рай там, да? Цветы, ягоды, орехи?

Глаза у нее стали лукавыми, и Алексей ответил:

— Врал я все. Там грязь по уши, в дождь по поселку без сапог шагу не сделаешь. Потом, печи надо дровами топить, воду из реки носить, в кино — в соседний поселок бегать. После всего этого ни цветов, ни ягод и видеть не захочешь.

— Захочу, — сказала она...

Поезд подходил к Сосновке. В темное окно вагона бились невидимые капли дождя, а это означало, что от станции Таежной до своего дома надо будет добираться действительно через непролазную грязь.

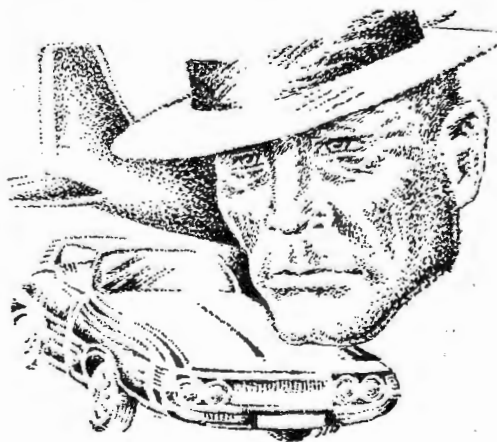
«Эх, установилась бы через три месяца теплая сухая погода...»

5. ЭПИЗОДЫ 1966-ГО

Бад-Годесберг.

Утренний «Боинг» прибыл из Мюнхена в Бонн точно по расписанию. Из пассажиров, спускавшихся по трапу самолета, трудно было чем-нибудь выделить человека лет сорока пяти, одетого в светлый плащ — в тот сезон такие плащи были в моде у людей среднего возраста — и темную фетровую шляпу — такие тоже носили многие. Если уж очень присмотреться, то можно было наверняка сказать одно: пассажир этого утреннего рейса не рассчитывал на то, что его здесь будут встречать. Не вертел головой, не искал знакомых лиц, вместе с толпой вошел в здание аэровокзала, здесь не задержался, и без багажа — прилетел налегке — вышел к стоянке автомобилей. Здесь почти сплошь стояли черные «опели», ухоженные, неразличимые друг от друга, но человек в светлом плаще только один раз рассеянно окинул их ряд и подошел к машине, стоявшей шестой во втором ряду. Открыл дверцу, сел рядом с водителем, даже не посмотрев на него, но шофер на это, похоже, совсем не обиделся, тут же включил двигатель, и «опель» сорвался с места.

За всю дорогу в салоне машины не было произнесено ни слова.

Миновали здание бундестага, промчались по набережной Рейна до южных окраин столицы и здесь выскочили на автостраду, ведущую к Бад-Годесбергу — городу дипломатических вилл. Здесь остановились у неяркого коттеджа, такого же, как и

десятки других вдоль улицы. И здесь человека из самолета никто не встречал. Он поднялся на крыльцо коттеджа, без стука вошел в помещение, оказался в приемной, где роль секретарши выполнял молодой человек с крутыми плечами. Он привстал навстречу гостю:

— Как долетели, господин Маснак? — и, не дожидаясь ответа, продолжил, показывая глазами на обтянутую кожей дверь: — Господин Крейн вас ждет.

Крейн оказался худощавым невысоким мужчиной, может, лишь чуть старше, чем Маснак.

— Коньяк, виски, водку, розового вина? — предложил он, когда Станислав сел в одно из кресел за массивный дубовый стол.

— Стакан самогона.

— Придется немного подождать, сейчас сгоняю своего человека во Львов, — лишь чуть улыбувшись, сказал Крейн. — А вы за это время мне расскажете еще раз историю с этими ящиками, которые предстоит вывезти отсюда же к нам.

— И только из-за этого стоило меня срочно выдергивать из мюнхенской постели?

— Есть и у меня интересная информация... Но — по порядку. Сначала я вас слушаю.

— Ящики — это не сокровища озера Типлицее¹, но определенный интерес они все же представляют. В них картотека гестапо и абвера, между прочим, на некоторых из тех людей, которые, скажем так, неплохо сейчас устроились, находятся на хозяйственных и даже партийных должностях. Они бы были полезны для нас.

— Диверсии? Но ведь это сегодня не модно, Станислав?

— А я и не говорю о диверсиях. Я говорю о политике. Мы предложим им политические методы борьбы с коммунистическими Советами. Они согласятся, они ведь почти ничем не рискуют.

— Кто знал о содержимом ящиков? Наверное, ваш Перун, которому и предстоит разыскать их, а кто еще? Я к тому, что не могла ли произойти утечка информации, не могли ли чекисты выйти на документы?

— Вряд ли. Даже Перун был уверен, что мы прячем не только и не столько бумаги, сколько золото и камешки, добытые в грабежах.

— Фу, Станислав, какие вы слова употребляете. Вы кем были на Украине, бандитами или освободителями?

— Я уже не играю в красивые слова, господин Крейн, говорю так, как было. Так вот, Перун к золоту был неравнодушен и постарался убрать всех, кто имел к ящикам отношение. На днях он поедет туда, постарается в деревнях найти тех, кто приютил бы на неделю пять-шесть грибников из столицы...

— А потом вы хотите перебросить Перуна сюда?

— Думаю, он заслужил это.

— Не возражаю. Но на востоке ему предстоит еще одно дело. Об этом я и хотел потолковать с вами. Есть недалеко от Москвы небольшой такой городок физиков, и есть среди этих физиков несколько толковых ученых, к которым надо подобрать ключ... А Перуну мы будем платить, и хорошо, так что он в накладе не останется.

Деревня Ожиновка.

После сорок четвертого Григорий Вериго здесь не бывал ни разу, а ведь прошло более двадцати лет. Хотелось иногда сесте в поезд и хотя бы проехаться по здешним местам, глядя на них только из окна вагона... Но Вериго был профессионалом и умел подчинять желания долгу.

Теперь можно пройти по улицам Ожиновки спокойно, будучи уверенным, что тебя никто не узнает. Грибников сюда со всех краев прибывает масса, так что местные в новые лица и не глядят. Да и местные за два десятка лет изменились.

А лес не меняется. Посуше в нем стало, троп больше — это да. Но и поляны узнаются, и два огромных дуба живы, те, что служили хорошим ориентиром для поиска одного из схронов... Вот здесь был схрон, рассекретили его энквэdistы, забросали гранатами. Дальше — овраг должен начаться. Вот он, овраг. Теперь километра три вдоль него пройти — и будет место, где зарыты ящики...

Черт, это было трудно предвидеть. Овраг углубился, и намного, а вот там, где были закопаны ящики, произошел обвал. Тонны земли съехали вниз, похоронив под собой клад. Придется попотеть. Если чекисты тут не «потели»: а вдруг при обвале ящики оказались наверху. Да нет, все равно бы ведь раскапывали, искали. Не видно следов раскопок.

Пора возвращаться.

Интересно, тут ли живет еще «файна панночка» Кристина? Вот дом. Постарел, как человек, окошко всего одно горит, значит, не много человек под его крышей. Забор покосился. Нет, видно, мужика здесь...

Вроде и не хотел Вериго, а ноги сами понесли его к крыльцу. Постучался, услышав шум за дверью, попросил:

— Хозяйка, воды грибнику не вынесешь, а? Умаялся, пока по лесу вашему плутал.

Упал крючок с двери, вышла на крыльцо хозяйка. Она! Те же глаза, то же лицо, та же высокая шея. Пока не узнала его, шарится недовольно:

— Кто послал? Нету у меня, мил человек, самогонки, завязала я с этим делом.

— Да я ж воды прошу, хозяйка!

Вздрыгнула, руку на грудь себе положила — знакомый жест.

— Гри... Григорий?

И вот они уже сидят за столом, и Перун ловит на себе ее испуганные взгляды. И при свете лампочки замечает: сдала,

¹ Озеро в Австрии, где, отступая, гитлеровцы затопили секретный архив.

сдала «файна панночка!» Мешки под глазами, морщины, но это не главное — неприятной она стала! Шов вон на рукаве платья разошелся, на голове волосы как копна соломы после бури, тряпки по всей комнате валяются. И запах стоит... Бражный запах. Не только гонит, но и пьёт Кристина, это понятно. Опустилась. Ну да бог ей судья. Другое сейчас тревожит Перуна: эти испуганные глаза бывшей любовницы. Чего боится-то? Надо узнать.

— Ты, Кристина, наверное, догадываешься, зачем я здесь? Прослышал, что есть у тебя для меня новости, и вот примчался. Так что выкладывай, кто тут мной интересовался.

— Откуда?.. — она уронила руки, и нижняя губа ее задрожала.

— Оттуда, — грубовато сказал он и показал пальцем в потолок. — Все знаю. Так что не таи.

Она прерывисто вздохнула, словно переислив всхлип, и начала:

— Это весной еще... Ага, весной. В лесу пацаны ящик какой-то нашли, притащили в село, а милиция отобрала, открыла... Там документы на моего мужа были, и еще много других документов. Ну, милиция и пришла: чего, мол, знала о муже, кто был тут...

— И ты обо мне сказала?

— Так соседи ж тебя видели! Милиционер так и сказал, чтоб не отпиралась, мол, видел тебя Демидович. И цепочку, и кольца отобрали, те, помнишь?

— Ну и ладно, — мягко сказал Перун. — Это все не страшно, Кристина, им меня все равно не найти. Ты же, надеюсь, второй раз не выдашь? Вот и хорошо. А теперь послушай: я выйду, вернусь через пару часов, ты же из дому — ни ногой, договорились? Приду — потолкуем о нашем будущем. Уехала бы отсюда со мной? Я ведь тебя по-прежнему, честное слово... Я холост...

Она кольнула его недоверчивым взглядом.

Перун вышел, зашагал к лесу, но как только почувствовал, что уже не виден из ее окна, остановился, крадучись, вернулся к ее забору, стал так, чтоб в поле зрения попало ее крыльцо. Наверняка ее просили сразу же дать сигнал, если появится в тутовых краях бывший командир сотни Перун! Вся суть в том, готова ли она эту просьбу выполнить...

Так, погас свет, выскочила Кристина на крыльцо, с замком завозилась... Только бы сейчас шум не подняла!

Он нарочито громко хлопнул калиткой: — Вот черт, одно дело забыл, пришлось возвращаться. Послушай, Кристя... Зайдем на минутку, спросить хочу...

Она обреченно взглянула на соседний дом, тронула за плечо нежданного гостя, словно толкнуть хотела, но потом, пятясь, послушно зашла в дом.

Из протокола осмотра места происшествия:

«...На полу комнаты следов, пригодных для идентификации, не обнаружено. Дверь в комнату открыта. Комната размером четыре на пять метров окнами выходит в сад... Ставки на окна закрыты.

Труп Янковской Кристины лежит в центре комнаты у стола, головой к двери, на спине».

Из заключения медэксперта:

«Резкая синюшность кожных покровов и наличие в коже лица, и особенно на веках, небольших кровоизлияний (экхимоз), а также горизонтальное направление странгуляционной полосы свидетельствуют, что смерть наступила от удушения петлей, накинута сзади...»

Из протокола допроса Демидовича Станислава Адамовича.

Вопрос: Скажите, Демидович, были ли у Янковской в последние дни посторонние люди?

Ответ: В тот вечер, когда ее... это самое... В тот вечер я видел, как к ней заходил мужчина. У меня пацаны яблони часто обрывают, ну я и сел с вечера в угол сада, где малинник. Вижу: идет. А он меня не видел. Но я-то сразу и не поверил, что это он...

Вопрос: Вы хотите сказать, что опознали этого человека?

Ответ: Так говорю же, не поверил себе сначала. Про себя отметил: ишь, как на Перуна похож по походке. Тот так ходил: корпус вперед, а голова поднята, как у кобры. Потом слышу, насчет воды говорит Кристине. Мне эти уловки знакомы, я так про себя и отметил: алкаш, за самогонкой пришел. Как и все, он у нее минут двадцать был, потом вышел, и я к себе в хату как раз ушел.

Вопрос: Вы можете сейчас утверждать, что видела, как в дом Кристины Янковской входил, а потом выходил оттуда именно командир бандитской сотни, действовавшей здесь в годы войны, Перун?

Ответ: Походка его. И рост вроде его. Опять же, Крестю убил. А может, и другой какой алкаш. Я ведь ее предупреждал: ты, говорил, это самое... доиграешься с бражкой...

Вопрос: Вы можете подробно описать портрет Перуна?

Ответ: Так чего ж. Записывайте...

Москва.

Через два дня после возвращения из поездки на Украину Григорий Петрович Мокрецов пошел на стадион «Динамо», вполне искренне поболел за любимую команду и совершенно незаметно для посторонних глаз поменялся футболными программками с соседом по ряду. Другими словами, он доложил начальству о поездке, о том, что из общего количества ящиков один, с документами, приходится вычесть, и с нетерпением ждал решения

Стаса. Стас, конечно, не может не понимать, что чекисты, обнаружив такую ценную для себя находку, усилят бдительность, перекопают или уже перекопали овраг, ищут тех, кто мог прятать как раз этот клад. А значит, и Перуна ищут... Если Маснак все же примет решение задействовать в операции по розыску ящиков Мокрецова, значит, решил подставить его, наказать за прокол с Янковской. И тогда надо будет рубить все концы, скрыться и от своих, навсегда распрощавшись с мечтой перебраться на Запад и пожить в достатке...

Следующую игру «Динамо» играло через неделю. И опять Григорий Петрович оказался на одной скамье с бывшим соседом...

Прочитав программку, полученную из его рук, так, как требовали того специальные навыки, Мокрецов радостно вздохнул. Опасная поездка на Украину откладывалась на неопределенное время. На днях же он должен был получить большую сумму денег и приступить к операции «Физик»...

6. ПИСЬМА, И НЕ ТОЛЬКО ОНИ...

На почте ему сказали: «Вам, Алексей Николаевич, теперь пишут почти столько, сколько всей роте, вместе взятой». И вручили четыре письма. Одно — из дому, от мамы с папой. Другое — от друга по училищу, он теперь в Ташкенте. Еще два — с одинаковым обратным адресом: Москва. От Татьянки и... Анастасии Васильевны.

Очень разные все письма. Мама тревожится, как Алексей у столичных тегок отдохнул, не приболел ли, не выслать ли ему теплые носки. Васья Картавцев о своих любовных похождениях треплется. То, что треплется, Каминский наверняка знает. Он ведь и от других ребят из Ташкента вести получает, и они пишут, как пашет лейтенант Картавцев. Не сегодня-завтра ротным станет, в газетах о нем уже дважды писали, на совещаниях и собраниях имя его повторяют: инцидент, активист, нешаблонный взгляд... Крутится парень как белка в колесе, девчонок вряд ли и во сне видит, так что — треплется.

Татьянка сообщает об учебе и о том, что ежесекундно думает о нем. И хоть чувствует, что нелегко будет найти работу, что трудно будет привыкнуть после столичных магазинов и театров к Сосновке, но уже потихонечку начинает жить тайгой. Даже крем от комаров купила. Усмехается Алексей: не видела ты, Татьяна, местных комаров, они и с кремом кого угодно слопают.

Большое письмо написала Анастасия Васильевна. Доброе письмо. И — немного тревожное. Еще раз перечитывает Алексей густые строчки.

«...Понимаешь, Алеша, и у меня муж был военным, и я знаю, что такое жить во времях, вагончиках. Не страшусь, что Та-

тьянке будет трудно в бытовом плане: умные женщины даже любят с нуля начинать, а дочь я считаю именно такой. Еще знаю, что не обидишь ты ее, я людей и по первой встрече умею разглядеть, а с тобой больше недели «чай гоняли», как вы любите говорить. Переживаю я только, Алеша, что в моральном плане дочери будет очень даже нелегко. Она дни, когда ее отец, то есть, мой муж, был военным, помнит, как хорошую сказку. Папа — офицер, это тогда гордо звучало. У папы важная задача, он шпионов и бандитов ловит! Не улыбайся, Алеша, читая это, но так воспитывалась, воспринимала мир военных Татьянка. Она помнит: все они подтянутые, красивые, молодцеватые... Не хочу сказать, что она в изолированном мире росла, но одно дело — видеть офицеров на Красной площади, и совсем другое — в лесной колонии. У моей младшей сестры сын под Архангельском служил в ваших войсках, ездила она туда, потом рассказывала нам, что там видела. Офицеры заросшие, в рыжих сапогах, матерятся даже в присутствии посторонних. Я, конечно, понимаю, что, вполне возможно, та рота не характерна для ваших войск, но мне, как матери, все же тревожно...»

Характерна, не характерна — не в этом дело, думает лейтенант Каминский, прерывая чтение. Невольно косится на свои сапоги. Не блеск, конечно, в нынешнюю распутицу никакой гуталин с грязью не справится. Вот сейчас — триста метров прошел по поселку, а такое впечатление, что сутки по болотам полз.

Написать сегодня же Татьянке, чтоб не спешила с отъездом в Сосновку?

Не сказка тут, далеко не сказка. Не с образованными шпионами тут дело имеешь. Убийца сидит — чтоб добыть чужой кошелек, ударил ножом старика. Насильники есть, разбойники, держатели притонов, воры. Всем им хочется на волю не для того, чтоб начать жизнь по-новому. Ненавидят они солдат, а пуще — офицеров, прапорщиков. Ну как же — душить свободы, их свободы. Получать неслестные оценки от осужденных — это еще куда ни шло. Но когда в твой адрес на автобусных остановках, на улице райцентра подростки гадости говорят... А в газетах, журналах? Как военный — так недоумок. Хорошо еще, сами военные понимают свою значимость. Не жалеет лейтенант Алексей Каминский, что выбрал такую профессию.

А как Татьяна? Не пожалеет через полгода, через год, что у суженого ее, скажем так, не слишком чистая работа?

7. БОЛЬШАЯ ИГРА

— Что, дядя, курить не найдется?

— Не найдется, племяш.

Они стояли в темном ночном дворе, человек лет пятидесяти, с объемистым портфелем, какие возят с собой командированные, и четверо парней, все, несмотря на

раннюю теплую осень, в кожаных перчатках. Тот, которого называли дядей, прислонился спиной к деревянной беседке и зорко следил за каждым движением нежданных племянников. Он только что вышел из ресторана, идти ему было абсолютно некуда — в гостиницы не попадешь, знакомых в столице нет — и решил до утра покемарить в беседке ближайшего двора. Здесь его и нагнала четверка, сидевшая в том же ресторане за соседним столиком.

— Учтите, пацаны, я драться умею, и хоть одному из вас, но горло порву.

Парни не слишком решительно переглянулись, в конце концов взгляды всех устremились на того, кто выглядел из всей нападавшей компании, пожалуй, похилее других. Тот и заговорил:

— Тогда давай договариваться, дядя: ты нам кошелек и портфель, мы тебе — свободу.

— Вот тебе-то я горло и порву...

Неизвестно, чем бы это закончилось, не раздайся из темноты короткая трель свистка и грубоватый окрик:

— Сержант, вызывай патрульную!

Нападавшие бросились врассыпную, лишь хлячок на секунду замешкался и тут же поплатился за это: мужчина «достал» его кулаком по скуле. Удар этот был так хорош, что парень перелетел через кустарник и шлепнулся у бетонного забора, почти рядом с проломом, которым он в принципе и хотел воспользоваться, убегая от милиции. Двор этот был ему знаком, и через дырку уже приходилось убегать.

Голоса преследователей — рядом, и почти нет надежды на то, что в этот раз удастся от них уйти. Он выскочил на дорогу, и — о, везение! — рядышком тормознул «жигуленок», открылась дверца:

— Прыгай!

Минут пять ехали молча. Водитель, уже пожилой, полностью седой мужик, несколько раз взглянул на пассажира, потом спросил:

— Простите за любознательность, но вы не Звонков? Не сын Геннадия Юрьевича? Игорь?

— Ну и что? — настороженно спросил парень.

— Значит, Игорь. Да ничего. Вы не помните меня? Я в парке с вашим отцом когда-то в шахматы любил играть... Кто это вам губы разбил? Девчонку не поделили?

— Вроде этого, — Игорь покосился на водителя. Да, знакомое лицо. Бывают же совпадения!

Откуда ему было знать, что для того, чтобы эта встреча в машине состоялась, хозяйину «жигуленка» пришлось не один день изучать все маршруты Игоря Звонкова, знакомиться с его привычками и повадками.

— А вас, простите, как зовут? — спросил Игорь, вытирая платком кровь с губ.

— Григорий Петрович. Впрочем, сейчас заедем ко мне, залечим вашу губу и познакомимся поближе. Вы ведь куда не торопитесь?

Со Звонковым-старшим, ученым, занимающимся проблемами космоса, Мокрецову не удалось сойтись близко. Поначалу что-то наметилось — познакомились за шахматной доской в парке, на рыбалку вместе пару раз съездили, но потом случилось непредвиденное: у Звонкова умерла жена. Он прервал связи со всеми, ушел с головой в науку, в которой, судя по информации Маснака, добился уже очень многого. Всю любовь, кроме физики, вложил в единственного сына. Своеобразной была эта любовь: не ограничивать Игоря ни в чем, не взваливать на его плечи никакие заботы. Потому привольно жилось студенту третьего курса Игорю Звонкову до тех пор, пока его запросы не стали перегонять возможности отца...

Григорий Петрович усадил Игоря на кресло за журнальным столиком, извинился:

— Бардак у меня, конечно. Всю жизнь холостякую. — Вытащил из бара бутылку бананового ликера — такую Игорь видел только в западных видео, сказал, словно бы между прочим: — Если желаешь чего-нибудь покрепче, выбери сам.

Бар был заставлен бутылками, причем такими, что у Звонкова дух захватило. Он ошалело взглянул на Мокрецова.

— Сам не пью, — пояснил тот. — Держу для друзей. А для друзей держать никогда не расточительно... Ты бы папе позвонил, чтоб он не волновался. Утром я тебя к дому подвезу.

— Да-да, спасибо...

Проговорили они до утра. Расстались друзьями.

— Заезжай ко мне, всегда буду рад. И если финансовые затруднения — не стесняйся. Я одинок, тратиться не на кого, а ты, вижу, человек высокого полета, и когда сам на ноги встанешь — рассчитаешься сторицей.

Затраты на Звонкова-младшего были щедро определены Маснаком уже давно. Игра стоила свеч. Сына ученого надо было переправить на Запад, причем так, чтоб об этом сначала узнал только отец. Ради сына, надо полагать, он бы согласился ехать куда угодно, или передать какие угодно документы, чтоб Игоря возвратили в Союз. Но даже если бы физик и не пошел на переговоры, партию все равно можно было считать выигранной. Вряд ли человеку, чей сын бежал за границу, доверят работу, сопряженную с соблюдением государственной тайны. Да и он сам морально не сможет работать отныне с полной отдачей. А его голова способна на многое.

Операция со Звонковым должна была стать последней для Перуна: по ее завершении он вправе был отбыть к хозяевам, туда, где ждала его вилла с видом на море. Стаислав Маснак уверял в своих посланиях, что сам подберет ему такую виллу. И не было вроде повода для тревог, если бы Игорь не подкидывал ему проблемы за проблемой. Нет, на Запад он сог-

ласился уехать сразу, после первого же прозрачного намека. Об отце при этом даже и не вспомнил. Но не это печалило Перуна. Мерзавец мальчишка становился неуправляемым: затевал драки в ресторанах, безбожно пил, пропадал неделями с девушками на дачах... На нравственность своего подшефного Перуна было заплевать, но бесконтрольный парень мог ведь влипнуть в такую историю, которая помешала бы планам большой игры. Потому Григорий Петрович отлавливал Игоря в разных компаниях, увозил его к себе и опускался до чтения нотаций.

— Чего тебе надо? Денег? Попроси у меня, а не отнимай кошелек у первого встречного. Женщину? Приводи ее сюда. Силы некуда девать? В спортивный кружок запишись.

— А я не могу, может быть, без приключений. Мне, может быть, просто приключения нравятся!

— Не перепутай их с уголовщиной.

Называется, накаркал Мокрецов. Взяли Звонкова-младшего, когда тот с дружкой сделал попытку ограбить инкассатора, хотя накануне получил триста рублей от отца на карманные расходы. Суд был скорый, и схлопотал сын ученого шесть лет.

Такой срок был ужасен для Перуна. На Западе его ждали как опытного разведчика, с блеском прошедшего последнюю операцию, неудачник им был не нужен. О всех его бывших заслугах скоро забудут, если провалится операция «Физик». Операция — это ведь не одна история со Звонковым, о, нет! Ему дали пять фамилий, и ко всем пятерым он пробовал находить ключи. Потом трое уехали работать в Новосибирск, и богатую информацию о них он передал кому надо. Четвертый не вернулся изграничной командировки, попросил там политическое убежище. На него у Мокрецова было хорошее досье: и с кем жене изменял, и что о властях говорил, и что пить предпочитал... Досье попало в страну, куда поехал ученый, чуть раньше его самого. Потому он там и остался. Это — плюс для Перуна. Но история со Звонковым может все перечеркнуть.

Выход виделся один: «вытащить» мальчишку из колонии и переправить-таки его за кордон. Звонков-старший и сейчас уже выбит из равновесия, а потом он вообще лишится всяческой опоры, легче с ним будет торговаться.

Маснак дал «добро», познакомившись с планами Перуна. Оставалась ерунда: стать Мокрецову на время физиком Геннадием Юрьевичем Звонковым и поехать проводить своего беспутного сына в колонию, находящуюся в неведомом лесном поселке Сосновка. Сделать паспорт — ерунда. Главное, чтоб там, в этой чертовой Сосновке, Игорь не сделал квадратные глаза при встрече...

Но все обошлось лучшим образом. Удалось поговорить с пацаном и договориться обо всем. За себя Перун был спокоен: не зря протирал штаны под Берлином и

Краковом в свое время. Лишь бы Звонков не подвел...

8. НОЧНЫЕ ВЫСТРЕЛЫ. ЭПИЗОДЫ

На следующий же день после свидания со Звонковым-младшим «Геннадий Юрьевич» уехал из Сосновки. Билет на поезд ему купил один из офицеров колонии, у которого на станции Таежная были знакомые в кассе. Поезд ушел в пятнадцать часов с копейками, а в восемнадцать со стороны глухого леса к сосновской колонии вышел обычного вида грибник с объемным рюкзаком за плечами. Ступал он мягко, аккуратно, сквозь сплетения веток словно просачивался — те даже не вздрагивали.

Быстро темнело, но грибник и не думал торопиться выходить из чащобы. Наоборот, забравшись в гущу малинника, он снял рюкзак и привалился к нему, словно решив покемарить. Но он не заснул, настроенно смотрел по сторонам и время от времени — на часы. Наконец встал, принялся возиться с рюкзаком. Достал оттуда целлофановый мешок, набитый ветошью, налил туда жидкости из фляги, наверх положил бумажный конверт с темно-красным порошком, куда капнул жидкости, теперь уже из пробирки. Вытащил из рюкзака еще два таких же мешка, точь-в-точь повторил с ними такую же операцию. Потом очень осторожно направился с мешками в сторону забора, поверх которого была протянута колючая проволока и тихонько раскачивались под ветром фонари.

Уложив мешки на опушке леса, Перун занял позицию, с которой лучше всего просматривалась деревянная вышка с маячившим на ней часовым. Вынул пистолет с утолщением на стволе...

— Что здесь у вас, Малинин, все нормально? В сон не клонит?

Начальник караула сержант Малинин улыбнулся на слова проверяющего, лейтенанта Каминского:

— Спят только те, кому положено. Чаю хотите, товарищ лейтенант? Лимон есть.

Алексей взял в ладони горячую кружку:

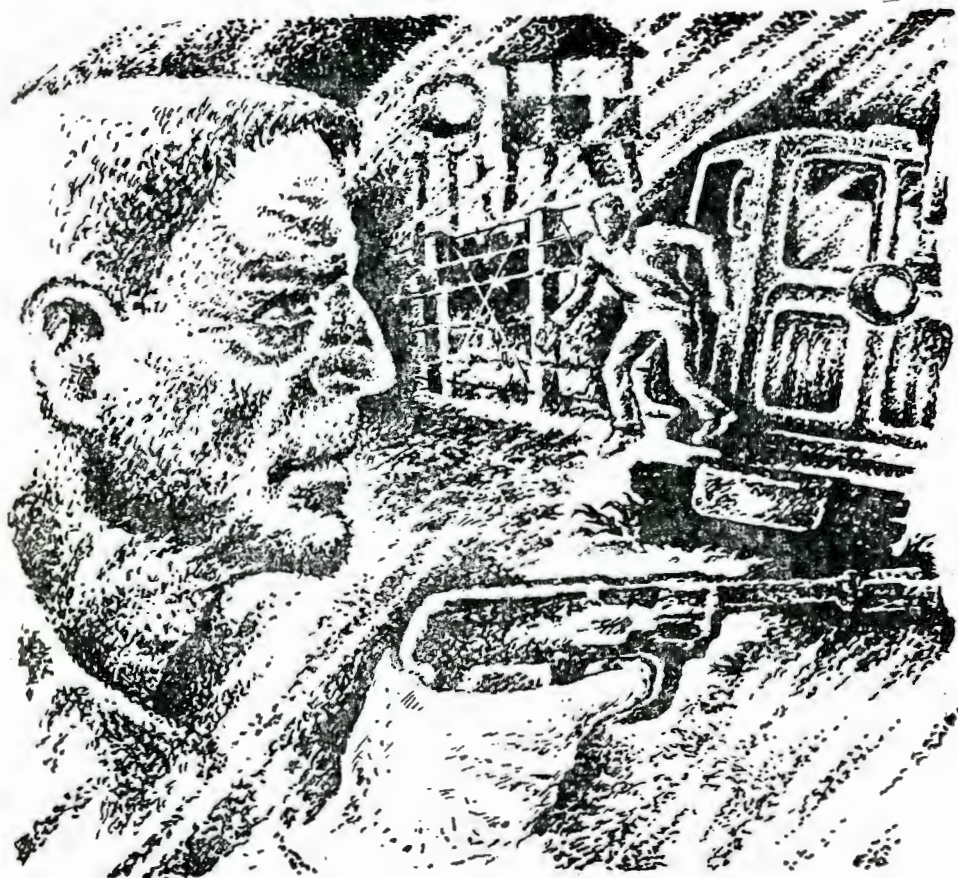
— Ого, цейлонский чаек. Посылка кому-то пришла, да?

— Пришла. Жена ефрейтора Коркия прислала. Товарищ лейтенант, а правду говорят, что вы тоже собираетесь жениться?

— Это ж кто говорит? — удивился Алексей.

— А что, тут места тихие, хорошие. Я б сам здесь жил, — вместо ответа сказал сержант. — И служба нормалек. За семь лет из колонии — ни одного побега. А что, тут им некуда бежать, дорог нет, одна железнодорожная станция, и все. А по тайге не уйдешь — собаки возьмут.

— Ну, против собак порошки есть.

— У зеков наших? Нет, это в кино про шпионов порошки. У наших разве что махра найдется. Да и она — откуда?..

Где-то рядом, со стороны леса, раздались ружейный выстрел. Потом — еще один. И еще. Тотчас зазвонил телефон. Часовой пятого поста доложил: на опушке леса вспыхнули три костерочка, и в них, такое впечатление, взрываются охотничьи патроны. Не закончив доклад, часовой вскрикнул и замолчал.

Тревожная группа выскочила в ночь.

* * *

При первом же взрыве патрона вдруг ожил мотор стоявшего в зоне трактора. Он стоял уже здесь вторые сутки, тракторист сказал, что что-то в нем сломалось, и надо вызывать механика. Механик же был занят более срочной работой...

В общем, трактор, стоявший в противоположной стороне от той, где прогремели выстрелы, рванул с места, смял под себя забор, не останавливаясь, пошел по прямой в сторону болота. На ходу из него выпрыгнул человек, побежал к лесу и скрылся за порослью берез. Часовой третьего поста, отвлеченный событиями, происходя-

щими вдали — там по-прежнему раздавались взрывы и вспыхивали разноцветные сполохи, — схватился за телефонную трубку лишь тогда, когда трактор уже совершил таран и выскочил за пределы зоны. Беглеца он не заметил и стал бить короткими очередями по уходящей машине.

Игорь Звонков бежал, не плутая, лишь изредка поглядывая на вышку пятого поста, как на ориентир. Будь на то его воля, он избрал бы, конечно, другой маршрут: туда, куда ушел своим ходом трактор, подалее от выстрелов и суеты. Но он следовал строго инструкции, полученной от Григория Петровича.

* * *

— Итак, — ротный склонился над картой и скорее себе, чем стоявшим рядом, сказал: — Только без паники. Что мы имеем? Побег. На таран. Куда беглец мог уйти? А, Каминский?

— Трактор проломил забор с южной стороны, товарищ капитан. Патроны взрывались на севере. Тревожная группа поначалу туда и выдвинулась, потом побежала к пролому.

— Это я уже слышал. Где зека искать, скажи.

— А он кто?

— Пацан, двадцать лет, первая сидка. У нас недавно. Между прочим, сын большого ученого, и этот ученый только вчера уехал отсюда, на свиданку приезжал. Интересно?

— Конечно, не отец, но кто-то же ему помогал! Мешки, начиненные патронами, химией. Все сделано профессионально, товарищ капитан.

— Я ему про Фому, а он — про Ерему. Знаю, что профессионально, знаю, что сам бы этот Звонков на побег не решился. Но куда он ушел, на юг, где станция, где ближе к трассе, или на север, где ничего нет, кроме деревьев и болот? Притом, учти, именно с северной стороны запыливали эти костерчики, привлекая наше внимание, и часовой был ранен на пятом, северном посту. И лес здесь от забора подалее. Словом, все говорит за то, что беглец дал деру на юг, так?

— Подозрительно, что именно все говорит. Тот, кто ждал беглеца, вдруг и это ушел, а? Он же ас.

— Соображаешь. Генералом станешь, если за побег этот вообще с нас погони не снимут.

— Да разве мы виноваты, товарищ капитан? Мы ведь делали почти все правильно.

— Правильно, лейтенант, это когда осужденный линию охраны преодолеть не может... Ладно, об этом потом. Итак, посты мы выставляем согласно плану розыска, они в основном на юге, а вот резервная группа идет на север. Кто ее возглавит?

— У нас в резерве только один командир взвода, лейтенант Филимонов. Но он недавно прибыл к нам, не знает ни людей, ни тайги...

— Опять правильно. Экипируйся, бери ребят и... Через буреломы беглецы, конечно, не пойдут, как бы умны они ни были, но одно мы знаем наверняка: им надо как можно быстрее уйти подалее от зоны, выскочить из радиуса розыска. Я бы на их месте воспользовался просекой, вот этой, старой. А ведет она к кладбищу староверов, что у заброшенного поселка. Отсюда это двенадцать километров.

* * *

— Погоди, — сказал Перун.

Звонков, трусивший чуть впереди него, остановился, испуганно и нервно спросил: — Устали, да? Нам уже не догонять?

— Это ты уже в мыле, а за меня не беспокойся. Просто надо тебе одежду сменить, а тряпки твои утопить в этом ручье. Держи.

Он вытащил из рюкзака короткие резиновые сапоги, куртку-ветровку, лыжную шапочку, спортивные брюки. Сброшенную Игорем одежду связал в узел, туда же вложил тяжелый булыжник, прошел метров пятьдесят вниз по ручью, там утопил поклажу.

— А теперь слушай, Игорь... Впрочем, ты уже не Игорь. Я тебе паспорт новый

подготовил, будешь ты теперь Яшей, Яковом Ройзенем, пока не пересечешь границу. Так вот, слушай: ты — грибник, бери целлофановый пакет и уходи от меня вперед метров на пятьдесят. Такую дистанцию будем держать до тех пор, пока я сам к тебе не подойду. Меня для тебя нет, понял?

— Понял. Ты только одно скажи, Григорий Петрович: на кой хрен я тебе?

— Парень думать начал, — проворчал Перун. — Когда я тебя поил-кормил, что, в голову такие вопросы не приходили?

— Отец... Вас попросил отец? И в Москве вы меня опекали по его просьбе, да? И за границу?..

— Если бы, — грустно и тихо сказал Перун. И потом уже повеселее: — Все проще: я — шпион иностранной державы и выполняю задачу центра.

Звонков захохотал, но под тяжелым взглядом Григория Петровича испуганно умолк.

9. ВСТРЕЧА У ЗАБРОШЕННОГО ПОСЕЛКА

— Ты вот что, — сказал напоследок ротный лейтенанту Каминскому. — Конечно, не забывай, что преследуешь профессионала, причем, высокого класса. Но и ты сам ведь не грузчик, чему-то же и тебя учили, понял? Я к тому, чтоб не только ногами шевелил, но и мозгами...

Пока мозгами шевелить нечего. Розыскная группа идет краем просеки и не находит никаких следов беглеца. Начался занудный мелкий дождь, бьет прямо в лицо. Но дождь -- это хорошо. Больше шансов, что этот неведомый Звонков и его напарник наследят: то ли поскользнутся, то ли отпечатают шаг на мокрой глине...

Ефрейтор Дребот связался по радиостанции с ротой. Пока рядовые Халходжаев и Брюхович наблюдают за лесом, Каминский вслушивается в голос командира роты:

— Уточняя обстановку, записывая данные по беглецу. Звонков Игорь Геннадьевич, 1965 года рождения, москвич, рост сто семьдесят, волосы темно-русые, глаза серые, нос тонкий, прямой, брови прямые, горизонтальные, рот большой, уши малые, прилегающие...

Черт возьми!

Москва, кафе, пьяная компания, сероглазый большеротый парень. «Ты что, Игоря Звонкова не знаешь?..» Неужели он? Лейтенант Каминский прислоняется спиной к толстой березе, трет ладонями виски. Если это тот Звонков, то тогда понятно, к кому ехал в соседнем купе вагона седой старик. Отец? Староват для отца, хотя всякое бывает. Во всяком случае, на компаньона, организовавшего побег преступника, старик похож еще меньше. Благообразный, в костюмчике, при галстукке. Такой по лесу не побежит. Хотя...

Неужто продолжается цепь случайностей?

К заброшенному поселку можно пройти напрямую: через тайгу. Так намного короче, правда, придется преодолеть болото. Но Каминский знает тропу, грибники этим летом показывали.

— Идем через болото, — говорит лейтенант. — Если они движутся по просеке, мы их сможем и опередить. Все равно поселок они не минут.

А про себя думает: это при условии, если беглецы движутся на север. Если...

...Домов в поселке немного, и на мокрой земле, на темных деревянных ступенях крылец — ни одного следа. Но тем не менее надо провести осмотр каждого. Двое блокируют окна, двери, двое осматривают помещения.

Последний дом. Никого.

А зачем, собственно, Звонкову заходить в поселок? Просека сюда ведет? Ну и что? Тот, кто ранил часового, кто разбрасывал мешки с патронами, не дурак, чтоб от дождя в поселке прятаться или попытаться здесь отдохнуть. Поселок — какой-никакой, а ориентир, и даже сам Звонков может предположить, что солдаты тут могут выставить пост. Так, с какой стороны сам Каминский попробовал бы обойти поселок? С левой. С правой кладбище, выгон, деревца пореже, получше просматриваются. Теперь: сколько времени сэкономлено переходом через болото? Если учесть, что у беглецов была солидная фора, то на то и выходит. Здесь они уже должны быть.

Каминский смотрит на солдат, на пса Дуная, который за весь путь так и не учуял чужого следа. Надо рассредоточиться. Один все же пусть останется в доме, из которого получше обзор, второй выдвинется к кладбищу, третий возьмет влево и замрет в кустарнике на взгорке. Себе Алексей поставил задачу выйти на просеку, на встречу ожидаемым гостям.

...Дождь не утихает. В такую погоду, понятное дело, грибники сидят по домам. Вряд ли грибник тот, кто появился чуть левее просеки. Почему он один? Может, действительно любитель тихой охоты? Шапочка, штормовка... Да нет, под ноги почти не смотрит. Эх, велико расстояние, вряд ли и в бинокль разглядишь лицо.

Алексей вскинул бинокль к глазам — он! Звонков, тот, московский.

Но он не должен быть один! Не для того Звонкова вытаскивали из зоны, чтоб одного отпустить в тайгу! Задержать его я успею, думает Каминский, а пока — пропущу. Не должен он быть один.

Звонков проходит метрах в двадцати от лейтенанта, направляется точнехонько туда, где лежит рядовой Брюхович. Брюхович наверняка видел, что командир специально пропустил беглеца, и поступит, надо полагать, разумно.

Спиной чувствует Каминский, как все дальше и дальше от него отдаляется Звонков, но сам, не шевелясь, смотрит в ту сто-

рону, откуда шел беглец. Серый тюль дождя навис на деревьях.

Есть! Мягко, неслышно скользит сквозь этот серый фон человек. Ах, не поднял бы шум раньше времени Брюхович! Этот второй скоро будет рядом, на расстоянии вытянутой руки, пройдет прямо возле дерева, за которым стоит Алексей. Уже, кажется, слышно его дыхание...

— Стой!

Это крикнул Брюхович, и зайцем заверещал от неожиданности Звонков. А этот, второй — метрах в пяти от дерева, вскидывает руку с пистолетом, туда, где из-за укрытия вышел солдат. Жалко, две-три секунды бы еще, и Каминский оказался бы за спиной противника. Но ничего не поделаешь...

Он шагнул к незнакомцу:

— Руки...

Нервы у Перуна оказались не железными. Рука дрогнула, пуля, предназначенная солдату, пошла вверх. Второй выстрел Перун тотчас же послал в невесть как оказавшегося перед ним военного в маскхалате. Того отбросило ударом, однако, падая, Каминский все же нажал на спусковой крючок...

Он лежал на сухом пятачке под лапами огромной ели и почему-то думал о Татьянке. Было бы здорово, думал он, если бы она приехала, когда кончится период дождей, тогда в тайге красиво. А сейчас — дождь. Розовый. Странное дело, действительно розовый. А вот уже и красные капли пролетают. Что за чудо...

Каминский лежал, укрытый плащ-накидкой, и совсем не слышал, как рядышком с ним орал по радиации ефрейтор Дребот:

—...Взяли, обоих взяли. У старика ноги прострелены, оружие отобрали... Вы только торопитесь, плохо нашему лейтенанту, плохо...

Так получилось, что боевую награду — орден Красной Звезды — лейтенанту Каминскому вручили в день его свадьбы.

Рис. Б. Есина.

проблемы,
события,
люди

ВОУЖА

В АГОНЫ, как люди с разным общественным положением и достатком, — не похожи друг на друга. К примеру, СВ — спальный. Сравнить его с замызганным плацкартным или общим — все равно что поставить рядом вальяжного аристократа в смокинге и работника в промышленной спецовке. Путешествие с комфортом в чистеньком двухместном купе не всякому по карману. Не по Сеньке шапка. Впрочем, кому-то и общий раем покажется, ежели доводилось совершать вояж в «СВ» иного рода — вагоне специальном — в роли подконвойного или конвоира: «вот уж, действительно, все относительно».

Как-то на маленькой станции в глубине бескрайних северных земель встретились два пассажирских состава. В обоих были вагоны, поименованные аббревиатурой СВ. И стали эти вагоны рядышком, разделенные узкой полоской перрона, — спальный и специальный: иногда по иронии судьбы разные стороны жизни поворачиваются лицом к лицу, чтобы свет и тень не забывали о существовании друг друга. В одном из

купе спального шел пир горой. От души веселились двое мужчин с внешностью хозяев жизни и две дамы, похожие на манекенщиц из дома моделей. На столике — бутылки коньяка и шампанского, дорогие закуски. Мужчина, наполняя рюмки, выглянул в окно, и в глазах его мелькнуло удивление: он увидел в зарешеченном оконце спецвагона, стоявшего напротив, молоденького лейтенанта. Их взгляды встретились. Мужчина улыбнулся, поднял рюмку, шутливым жестом приглашая присоединиться к компании. Засмеявшись, лейтенант развел руками: служба. В этот момент состав тронулся, и красивая, как американское кино, картинка чужой жизни исчезла.

— Небось не прочь был в ту минуту поменять вагоны? — спросил я у лейтенанта Олега Миронова, рассказавшего эту историю, пока плановый караул ожидал свою автомашину.

— Мне спиртное противопоказано, — отшутился Олег. — Еще курсантом заработал язву желудка — после того, как наш батальон отравили в Ереване, в рабочей столовой. А вообще не привык на судьбу сетовать. Понимаю: если добровольцем пошел во внутренние войска и не жалеешь об этом, носи свой крест и не ной. Я не жалел. И не жалею.

Слово не мальчика, но мужа.

Каждому — свое. Кому наслаждаться комфортом сладкой жизни, кому тушить пожары межнациональных конфликтов в горячих точках, нести службу на границе между воюющими республиками, конвоировать уголовников в поездах... Люди выбирают судьбу, а судьба — людей. Обидно только за тех, кому больше всего достается. Не положено им по штату привилегий; лишь слышится отовсюду: давай, командир! Так что долго еще кататься лейтенанту в спецвагоне и автозаке, пока улыбнется ему хотя бы малая толика тех благ, какими пользуется пассажир СВ. Куда проще перейти из спального в специальный. «Все относительно...»

Наша машина, долго колесившая по улицам Москвы, наконец остановилась на пятке среди сплетенных стрелками железнодорожных путей, рядом с пустым вагоном-«зоной». В «СВ», как и всюду, она имеет границы. Это коридор и зарешеченные камеры без окон. Между служебными купе и «зоной» — дверь, запираемая лично начальником караула. В остальном же — вагон как вагон.

ЧИТАЛ: в Германии стены тюремных камер принято окрашивать в светлые тона. Как считают тамошние психологи, это способствует очищению душ заключенных. Наш традиционный тюремный цвет — синюшно-серый, тоскливый, как зубная боль. И то верно, «зона» не курорт; и советскому нецивилизованному зеку далеко до его западного «коллеги».

Правда, колер «зоны» давит также на неокрепшую психику солдата ВВ, как и тяжкий дух каталажки, пропитавший вагон

от потолка до самых до колес. Но это пустяки, есть и иные «неудобства»: риск подвергнуться нападению рецидивиста, заразиться от больных осужденных чахоткой, постоянный нервный напряг. А вольные-невольные контакты с этапируемым контингентом! Тут тебе и высшие курсы «фени», и охмурение блатной «романтикой» (один с отвращением оборвет коварную песенку соловья-разбойника, а другой уши развесит), и соблазн подработать на конвойном «бизнесе» (люди — не ангелы, жизнь — не плакат). Опять же отношения обывателя к воину в краповых погонах, особенно в тех местах, где по сию пору дает о себе знать «колониальное наследие» ГУЛАГа. Дефицит элементарного уважения к труду солдата и офицера, усиленно поддерживаемый некоторыми изданиями, митинговыми горлопанами и политиками с амбициями отцов нации. Не случайно, возвращаясь домой, «дембеля» всерьез озабочены тем, как бы поменьше народу знало, где они служили. Бывает, старые кореша отворачиваются, руки не подают. А можно и на «перо» нарваться. Такое тоже случалось.

Где вы, лихие десантура и морпех, снисходительно поглядывающие со своих элитных высот на взвешника-конвойничка! Вам бы, братцы, по цветочку от букетика из планового караула. Вам бы в том карауле побывать. Но каждому свое.

Свое ли!

Работа тюремщика, конвоира никогда не была престижной и почетной. Но люди, выполняющие ее, вправе рассчитывать на элементарное уважение. Не пришло еще время, когда можно будет воткнуть «конвойные штыки» в землю. И, видимо, не скоро придет. Лучше других это понимают те, кого жизнь заставляет кричать «караул!».

В глаза б не видеть проклятой «зоны» на колесах старшему сержанту Роберту Джусову, младшему сержанту Сергею Суховеву, ефрейтору Сергею Карташову, рядовым Валерию Машканцеву, Сергею Перельгину, Амину Муминову и Бахрому Холимметову, вместе с лейтенантом выполняющим, говоря языком устава, боевую задачу по конвоированию осужденных. Не видеть бы и не ведать. Однако кому-то надо. Это они прекрасно понимают и без нравоучительных бесед на тему «Помни, солдат, пост — свят!» Просто, по-мужски понимают: надо! И тнут свою ямку с тем непоказным рвением, что всегда было и остается присущим хорошему солдату. И в старое доброе время: «Спасибо за службу, орлы!» — «Рады стараться!», и в ны-

нешнее смутное: «На нашего бойца каждый день как на икону молиться надо, об офицере вообще скромно умолчим — на втором дыхании мужики держатся», — слова начальника штаба конвойного полка, человека по роду службы весьма далекого от санитменов. Тут ни убавить, ни прибавить. Конечно, бывает всяко, караул караулу — рознь. Но все же если критерием оценки службы считать типичное, а не случайное, то мы не погрешим против истины, назвав ревностное выполнение боевой задачи караулом традицией подразделения, части, войск.

ИТАК, служба пошла. Первым делом принимается вагон. Вроде бы нехитрая штука — проверить решетки и замки, осмотреть пол, потолок, стены — нет ли где лазейки для побега. Но в службе мелочей не бывает. Это аксиома. Упущенная мелочь оплачивается кровью, жизнью, бедой. Поэтому рядовой Муминов осматривает «зону» со скрупулезностью сапера.

«Золотой солдат, ему бы контролером в ИТК или СИЗО определиться после срочной службы, — не нахвалится на Амина взводный. — На своем месте будет человек». У парня, правда, другие планы на будущее, но в карауле он всегда трудится так, словно нет более увлекательного занятия. Всем занятым службистам службист. Идет по коридору — каждую камеру буквально просверливает взглядом, малейший беспорядок — сделает «пассажирам» замечание, доложит начальнику караула. Достойный пример для солдат-земляков. Осужденные ругаются ему вслед: «Выслуживается, чурка, ни днем, ни ночью от него покою нет». А он не выслуживается. Служит.

Заканчиваем подготовку к дальней дороге. А вот и первые «пассажиры». Видавший виды автозак становится впритирку к вагону, дверью кузова напротив рабочего тамбура. Солдаты двух караулов — планового и встречного — быстро окружают место посадки. Посты выставляются с таким расчетом, чтобы при попытке к побегу у осужденного не было никаких шансов прорвать живое кольцо.

«Первый! Второй! Третий!.. Быстрее!» Серые фигуры в одинаковых робах топорливо запрыгивают в тамбур.

В переднем пункте с погрузкой контингента — никаких проблем. До вокзала далеко, посторонних нет, не нужно притворяться глухим, когда из толпы зевая грязными плевками летят проклятья и оскорбления, ни приходится ждать камней в окна или еще каких-нибудь пакостей, на которые горазда шибко сочувствующая осужденным публика.

...Лязгнув металлическими суставами, поезд трогается с места. В путь — до Воркуты.

Нудные формальности с «пропиской» подкованых в путевом журнале, сортировка пакетов с личными делами по по-

лочкам с номерами камер — и за работу: пока есть время до первого обменного пункта, надо поторопиться с досмотром, позже, когда камеры забудутся до отказа, искать у «граждан» запрещенные к провозу предметы очень несподручно будет.

Обыск. Его одинаково ненавидят и осужденные, и конвоиры. Рыться в поношенном шмотье, прощупывая каждый шов, запускать пальцы в вонючее нутро сапог и башмаков... Господи, не мальчишкам бы желторотым этим заниматься! Увы, других спецов по обыску не имеется.

Ефрейтор Карташов обыскивает неторопливо и обстоятельно, благо, никто не торопит, и благо, последний его караул, через неделю-другую — домой. А последний караул — это итог, который надо подвести достойно. И Сергей сосредоточенно перетряхивает зековское бельешко, прокалывает шилом подошвы, разворачивает какие-то свертки, перелистывает блокноты, мнет пальцами буханки «черняшки». Самодельные карты (тонкая работа) — начальнику караула, это изымается безвозвратно; сигареты с фильтром, чай, деньги будут возвращены при высадке на обменном пункте.

Пожилый осужденный в полосатой робе (особый режим) не выдерживает:

— ...Твою мать! Тридцать лет по «зонам» мотаюсь — такого издевательства не выдерживал.

— Поговори у меня! Лицом к стене! — рывкнул в ответ ефрейтор, высывая на газету махорку.

Пора на государственном уровне решить вопрос о материальной компенсации психологических нагрузок, которые постоянно испытывают солдаты и офицеры конвойных подразделений.

Грубеет солдат на «зоне». В судебных и плановых караулах такого насмотрится да наслушается — годы потом душой отходит. Опять же ничем осужденного не унижил, делал что положено. Зачем матюгами-то служивого крыть? А что шмон с пристрастием, так этого служба требует. Начнут осужденные в карты играть — обязательно перегрызутся, мороки не обернешься. Оставь чай — цифирить наладятся: обернут мокрой тряпкой газету, подожгут — и «кпятыльник» готов, огня нет, а жар приличный; при таком чаепитии сухой, как щепка, вагон может сгореть в считанные минуты. А не дай Бог, лезвие или заточку зек припрятал! Случай был у Миронова. Один осужденный вскрыл себе вены — решил счеты с жизнью свести, а может, просто на понт брал. Олег быстрее жгет ему накладывать, а тот вырывается: «Уйди, начальник, надоела мне такая житуха!»

Вот если бы в следственных изоляторах

как следует досматривали перед этапом. Но там особо не напрягаются. Сдали караулу — и с глаз долой, пусть у военных голова болит, как у уголовников до пункта назначения доставить в целости и сохранности.

Доставят, дело привычное!

ВРЕМЯ в пути летит с ускорением (не потому ли солдаты так рвутся в плановый, предпочитая его всем остальным видам караулов и войсковых нарядов?). С каждой минутой поезд наш все дальше от Москвы, все ближе к Воркуте. Эх, «муза дальних странствий», жизнь дорожная! Веселая. Шумная. Суетливая. Утомительная. Разная. В каждом вагоне и купе — своя. Завязываются непрочные узелки знакомств. Из пузатых сумок извлекается снесь. Пахнет пресными ларниковыми огурцами и вареной колбасой. Шелестят газеты. Молодой человек уверенно ухаживает за дамой. Рядовой Перельгин меняет на первом посту рядового Машканцева. Короткий инструктаж начальника караула: без надобности не подходить вплотную к третьей камере, там туберкулезники, особое внимание на осужденного в восьмой — склонен к побегу, самоубийству, нападению на представителей правоохранительных органов. Вот она, суровая конвойная проза.

Пару штрихов к психологическому портрету «пассажира», с которого велено Сергею глаз не спускать. Рогаткин С. В. Осужден на 10 лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. При просмотре его личных вещей я обратил внимание на тетрадь с выписками из произведений великих писателей и философов, а также стихотворениями самого Рогаткина. С разрешения хозяина взял тетрадь полистать. Любопытно, каковы духовные интересы преступника. Листаю: Толстой, Гете, Ницше. А вот Николай Бердяев: «Практический вывод из моей веры... будьте человечны». Неужто совесть заговорила, человеколюбие проснулось в отягченной злом душе зека? Не будем умиляться раньше времени. Перелистаем еще несколько страничек. Стихотворение, посвященное другу: «Мы по жизни шагали смело, выбирая свои пути. И удачно закончив дело, торопились красиво кутить. Нам жалеть о прошедшем не стоит, мы не тлели — сжигали себя. Нас спокойная жизнь не устроит под пятой трудового рубля».

Нет ничего опаснее хищника-интеллектуала, размышляющего после грабежей и убийств над философскими идеями человеколюбия, которые никогда не тронут его сердца, не помешают ненавидеть труд и людей, оставаясь игрушками для холодного, злого ума

Смотри в оба, молодой солдат Сергей Перельгин! И не слушай твоих друзей из Одессы, что советуют в письмах: «Ты там, Серега, особенно не напрягайся, солдат спит — служба идет». Им твоих служебных забот не понять. Да и ты, наверное, теперь

другими глазами смотришь на их тусовки и сомнительные приключения.

— Эй, часовой, когда вода будет? После селетки горло печет. Зови начальника! По нужде нас выводить собираетесь? Сочувствие поймейте!

У начальника на сей счет свои соображения. Скоро обменный пункт, Вологда. И потом, не так давно «пассажиров» вывели на opravку. Терпите, «граждане».

ПОДЪЕЗЖАЕМ к Вологде. Батюшки-святые, прямо по перрону, словно волнорез, разбрызгивая людской водоворот, шагает под внушительным конвоем человек 50 осужденных. Представляю, как у военных нервы натянуты. При побеге оружия не применишь, народ кругом. Вся надежда на резвость ног и на свирепых псов караульных. А врассыпную, упаси Бог, рецидивисты бросятся! Не сносить тогда головы начальнику караула. И не только ему. Положат на административную плаху головы начальники рангом повыше.

— Садись! — зычная команда невидимым прессом обрушилась на осужденных, заставив опуститься на корточки перед входом в рабочий тамбур. Эта мера предосторожности, выработанная десятилетиями конвойной практики, знаю, вызывает решительные возражения у слепых поборников социальности и плакальчиков по загубленным судьбам угольников. Вам бы, граждане «судьи», подвернуться на пути бежавшего «страдальца». Не хочется! Тогда повернитесь лицом к проблемам охраны и конвоя, помогите людям, стоящим на страже вашей безопасности, а если не можете — перестаньте хотя бы грязью их обливать.

— Ветхие, видать, в части автозаки, на полпути ломаются, — посочувствовал я сопровождающему встречный караул подполковнику.

— Нет, техника тут ни при чем, — вздохнул он, с облегчением наблюдая, как редеет у входа в вагон «команда» подконвойных. — Просто нет подъездных путей к перрону. Вот и водим зеков на свой страх и риск вдоль состава.

С погрузкой вологодского этапа у Миронова начинается запарка. Теперь в вагоне 76 «пассажиров», режимы всех категорий — от общего до особого, есть подследственные, поселенцы, малолетки. Среди них: «склонный» Рогаткин, несколько туберкулезников. Попробуй рассортировать этапников так, чтобы урки со стажем, законченные рецидивисты не находились рядом с начинающими, больные со здоровыми, подростки со взрослыми.

Таких задачек за время пути набирается вагон и маленькая тележка. Успевая только принимать решения. Миронов успевает. Во многом благодаря своему первому помощнику. Роберт Джусоев являет собой классический тип сержанта старой закваски, который все реже и реже встречается в захиревшей когорте младших командиров. На исполнение — скор. в служебных

делах — дотошен, а главное — самостоятелен, не нуждается в похвалах и мелочной опеке взводного, без чего, к сожалению, большинство нынешних сержантов и шагю ступить не могут. Олег, по-командирски влюбленный в своего заместителя, уверен, что Джусоев вполне созрел для должности начальника караула. Но сержанту такое испытание не грозит. У нас ведь разучились доверять даже профессионалам-прапорщикам. Офицер — в любую дырку затычка. Эту систему, ясное, в одночасье не сломаешь. Единственный выход — не нянчиться с сержантами, когда над душой не стоит начальство. Лейтенант Миронов так и поступает, дает своим помощникам возможность вкусить всю полноту ответственности за доверенный участок службы.

Вот и сейчас начальник караула и первый помощник пашут на равных. Считают, прикидывают, как бы поудачнее разместить по камерам разношерстную публику. Пока они занимаются арифметикой, я читаю справки к личным делам. «Букет» статей невелик, но весьма впечатляющ: убийство, разбой, изнасилование, кража, снова убийство. Попадаются и дела поскромнее, но таких немного. Народ едет в большинстве своем отпетый, озлобленный, агрессивный. Облицье людское, а нутро... В общем, спецвагон, как чуткий барометр, отражает изменения в криминогенной обстановке.

Суровая реальность: в любой момент «зона» на колесах может стать горячей точкой.

П О ДАННЫМ службы конвоирования Главного управления командующего внутренними войсками, за прошедшие месяцы этого года в плановых караулах 8 раз складывались чрезвычайные ситуации. Вот факты. На маршруте Алма-Ата — Кустанай этапированные устроили массовые беспорядки, пытались поджечь и, раскачав, опрокинуть вагон. Личный состав сохранял хладнокровие и выдержку. На ближайшей станции зачинщики были изъяты и сданы в следственный изолятор. Совершено нападение на начальника петропавловского караула. Защищаясь, прапорщик А. Лепехин применил оружие; преступник ранен в ногу. На станции Канисай Южно-Уральской железной дороги шестеро неизвестных, разбив окно в рабочем тамбуре, пытались проникнуть в спецвагон, как позже выяснилось, с целью захвата оружия. Прапорщик С. Аракелян поднял караул в ружье. Один из нападавших задержан и передан сотрудникам милиции.

Вспомнив эти случаи (странно, почему падкие до сенсаций газеты не проявили к ним интереса?), мысленно желая лейте-

нанту Миронову и его подчиненным, чтобы служба у них никогда не выходила за рамки будничных задач. Лучшее нудная арифметика с размещением этапников, чем конвойные страсти-мордасти. Ну а если и заварится каша, уверен, никакая сила не вышибет Олега и Роберта из седла. Судьба уже устраивала ил такие проверки, так что кое-какой опыт имеется.

В прошлом году деле было (Джусоев тогда еще «молодых» числился): на этом же маршруте когда поезд подъезжал к Печоре, 12 осужденных устроили «кипеж». Наотрез отказались выходить из камеры, порезали себе кожу на животах. А потом давай вагон раскачивать. Начальник караула прапорщик Ю. Балашов сообщил о беспорядках в подразделение. Вагон отцепили. Прибыла группа спецназа, а следом за ней прокурор — уговаривать «граждан». Прокурора «бумтояшки» слушать не стали, послали подальше. Пришлось применить спецназовские аргументы. В конце концов осужденные сдались, как говорится, в руки правосудия. Хотя в ликвидации заварушки Роберт находился не на первых ролях, он хорошо запомнил действия старших. Случись подобная ситуация — не растеряется.

Лейтенанту Миронову тоже довелось испытать, как уходит из-под ног пол раскачиваемого вагона. Правда. «бунт» удалось погасить «без шума и пыли». То ли заперщики были настроены не очень решительно, то ли подействовала угроза офицера прибегнуть в случае крушения к крайним мерам. Как бы там ни было, а до «крови» не дошло. Когда за твоими плечами Сумгант, Ереван и Фергана, в глаза опасности ты смотришь уже спокойнее — это чувствуют и друзья твои, и недруги, — способен подчинить крутую ситуацию своей воле.

Уф-ф, можно немного передохнуть. Осужденные размещены, «прописаны», дела их рассортированы. Перестают клацать замки камер. Ужинаем. Повар рядовой Холимметов, стеснительный, немного неуклюжий паренек, заносит в купе вермишель с мясом, молоко, крепчайший «конвойный» чай.

Взглянув на подливу, лейтенант тяжело вздохнул:

— Бахром, погубить меня хочешь?

— Ай, совсем забыл, — виновато улыбнулся Холимметов. — Сейчас картошка сварю.

Да, с язвой на жирных караульных харчах долго не протянешь. Нужна диета. А повар забывчив. И стряпать учился не в кулинарном техникуме, а здесь же, в тесной вагонной кухне, под руководством взводного. «Лейтенант Миронов все готовить умеет. Мне показывал — вермишель как надо делать, суп, жаркое, — с гордостью за командира поведал мне Бахром. — А плов сам научился, давно. Завтра плов сделаю».

Почти анекдот. Купил Олег для своих бойцов сосисок. Перед обедом отдал повару: пожарь, пожалуйста. Тот — рад ста-

раться. Не успел начкар выйти из кухни, как запахло... подгоревшей рыбой. «Ты что, Бахромчик, делаешь?» — «Сосиска жарю», — кивнул повар на сковородку с чеком. — «А это, по-твоему, что!» — рассмеялся Олег, вытянув из свертка сосисочную обойму. — «Это колбаса...» Долго потом над незадачливым кулинаром подтрунивали.

— А что, с поварами плановых караулов в части занятый не проводишь? — задал я наивный вопрос. Оказывается, проводят. Используя в качестве раздатчиков пищи. Поэтому и приходится «без отрыва от производства» дирижеров солдатского настроения обучать.

Но даже при этих издержках питание в карауле — царское. Мяса хватает, картошкой жареной можно побаловаться, отведать настоящего узбекского плова. За свои деньги воины покупают колбасу, молоко, чай, сладости. Жить можно. Хотя, думается мне, молочком за вредность могла бы и держав конвойную стражу обеспечивать.

Вечером в вагоне, как назло, вырубился свет. То ли генератор забарахлил, то ли еще что-то. Немудрено, вагон тридцать лет на тюремной службе состоит, износившись. «Пассажирам» темнота — в радость, караулу — дополнительная нагрузка. Службу пришлось нести по усиленному варианту. В коридоре выставили еще один пост. Миронов вместе с часовыми бодрствовал, до рассвета от камер не отходил. А утром — новые заботы. Не до сна было.

Условия конвоирования в «СВ» остаются такими же, как и 20, 40 лет назад. Нужен вагон новой конструкции — с современной системой отопления, вентиляции, чтобы «путешествие» не превращалось для часовых и осужденных в пытку.

ВТОРЫЕ сутки в пути. Дух на «зоне» становится невыносимо тяжелым, как вечная неволя. За окнами вагона — хмурый северный ландшафт: карликовые сосенки, недобравшие в росте под неласковым, вечно пасмурным небом; залитые водой луга; опоясанные редколесьем болотца. Прилипшие к железной дороге поселки, обустроенные без заботы о красоте человеческого существования, довершают невеселую картину. «В нашем краю одни зекá да чека, живем, не тужим», — просветят вас «аборигены» этих мест.

Дорога все чаще выстреливает обманчивыми пунктами. Караул постоянно на взводе. Во время посадки-высадки осужденных от местной публики можно ожидать каких угодно сюрпризов. На сей раз обходится без осложнений, если не считать сочувственных выкриков да попыток перебросить этапникам гостинцы. «Держитесь, братаны, на Руси от тюрьмы и от сумы никто не

застрахован!» Конвойные встречных караулов, не особенно церемонясь, оттесняют нахальных зевак.

«Отчего русские люди извечно жалостливы к арестантам и зачастую равнодушны к себе, к соседу, инвалиду войны и труда! — мучительно размышлял герой романа Виктора Астафьева «Печальный детектив». — Готовы последний кусок отдать осужденному, костолому и кровопускателю, отобрать у милиции злостного, только что буйствовавшего хулигана, коему заломили руки, и ненавидеть сокамерника за то, что он забыл выключить свет в туалете, дойти в битве за свет до той степени неприязни, что могут не подать воды больному, не торкнуться в его комнату...»

А правда, отчего!

У солдата ВВ, позабывшего жизнь с изнанки, иное отношение к урке и насильнику.

— Кого жалеть, Банзая? Поппеля, на совети которого семь садистских убийств? Или Одылова? Нет, эта мразь жалости от нас не дождется, — сердито говори Джусов.

Заслон наступающему монстру уголовщины может поставить только высокий профессионализм личного состава правоохранительных органов и внутренних войск. Хорошо бы из таких, как Джусов, Карташов, Муминов, сколотить на контрактной основе роту волонтеров. «Пошли бы, парни! Например, за тысячу в месяц», — спрашиваю. — «Ни за какие деньги — адская работа».

Верно, не стоит заниматься маниловщиной: все равно на профессионализацию войск у державы нет финансов. Давайте ближе к делу, посмотрим, как действуют воины по боевому расчету. Вводная — побег. Упав на колено, Перелыгин томительно долго возитс: с кобурой. Машканцев — половчее: «Пиф-лаф». Но и его рука сжимает пистолет не очень уверенно, вряд ли попадет в бегущего преступника. У ковбоев и полицейских в боевиках получается куда эффектнее. Что и говорить, далекоаво нашим солдатакам до шурхэндгов и такеров. И не их в этом вина. Рядовой Машканцев, например, за два года стрелял в тире от силы... десять раз. Первогодок Перелыгин — и того меньше. Такая же картина с рукопашным боем: для занятий времени не хватает.

Воины устали. Еще больше — начальник караула! Олег нещадно смолит сигарету за сигаретой и часто заглядывает на кухню за чаем. Скорее бы конечный пункт.

После убогих северных поселков Воркута выглядит по-столичному внушительно. В приоткрытые окна врывается локальный гомон. На перроне поджидает автозак. Быстрее выгрузить осужденных, навести в вагоне марафет, и — что может быть слаще спокойного, безмятежного сна после двух суток тревог и забот. Но суровая служба не балует военными большими передышками. Через несколько часов, приняв на «борт» новую партию «пассажиров», «СВ» отправится в обратный путь...

**Подполковник Ю. КИСЛЫЙ,
наш спецкор.**

ЛЮДИ ДОЛГА И ЧЕСТИ

Полковник Иван Герасимович Шевчук — заслуженный во внутренних войсках человек, командир отличного полка, кавалер ордена Красной Звезды. Большой, нелегкий путь прошел.

А вырастила его, воспитала солдатская вдова Ачисья Ивановна, женщина, кому низко в ноги надо всем миром поклониться. За то, что землю родную от захватчиков защищала в партизанах. За то, что долгие годы хлеб на этой земле растила. За боевые подвиги имеет ордена Отечественной войны II степени и Красной Звезды, за крестьянский свой труд — ордена Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медаль «За доблестный труд».

Вот уж поистине, глядя на семью Шевчуков, скажешь — судьба страны в судьбе народа.

ИВАН, ПОМНЯЩИЙ РОДСТВО

— Ну что, Алешка, поедем в гости к бабушке Анисье? — Иван Герасимович усадил внука на колени, обнял мальчонку за плечи. Он-то, полковник Шевчук, уже давно для себя решил — пора внуку показать свое родное село. А мальчишка никак не мог взять в толк, что за бабушка Анисья, когда есть здесь, в этом же городе, бабушка Люба.

Не знал еще малец, что у деда Ивана есть самый дорогой на земле человек — мама его, Анисья Ивановна, у которой орденов даже больше, чем у деда — настоящего полковника. Собрались дед с внуком и поехали...

Старушка встретила сына и правнука у калитки. Прильнула к груди Ивана, трижды поцеловала. Потом подхватила на руки мальчика, замочила его личико слезами. Засуетилась, давай выставлять на стол скородки да глечики со своими разносолами. Паренек уплетал за обе щеки деревенскую вкуснятину, а старушка все глядела

на поседевшего сына и плакала, плакала, роняя слезы радости, в которых растворилась горечь одиночества...

Алешке вспоминать было пока нечего, а вот Анисья Ивановна с единственным своим ненаглядным сыночком все вспоминали, вспоминали...

Ивану в голодном сорок седьмом все-то два годика было. А ведь запомнил картофельные оладушки да из того же картофеля кисель, где вместо сахара опять же материнские слезы. Запомнил он далекие деревенские вечера, потому что с мамкой за теми картохами топал до колхозного поля. Картохи прошлогодние изможденные, бледные женщины собирали, чтобы не померли с голоду такие же бледные детишки. Мужиков половину выбило на той проклятущей войне. Да, именно так — каждый второй не вернулся, а в их числе и Герасим Шевчук, победной весной погибший.

Ох, лихо лишенько! Анисья ведь сама с тридцать третьего сиротой росла — всех лишилась в тот еще голод. Теперь вот все ее сердце в Ванюшке было — и боль, и радость, и надежда на то, что его-то судьба не обманет. Сколько всего натерпелась...

Уже в первый класс бегал, когда чуть не лишилась его. Раз накатался с друзьями на санках, влетел красный, как снегирь, в сени и ковш ледяной воды враз выглотал. На следующее утро горло перехватило, к вечеру — жар, как от печки. Ночью бредил, все мамку звал. А она что сделает? Лошаденку снарядили да в район за доктором. Тот приехал, повздыхал, головой покачал: худо совсем дело, а лекарств никаких, в больницу везти — там холодно, не топлено, еще хуже будет.

Она — к бабке-повитухе, собрала все деньги, что были (недавно коровенку продала, чтоб хату поправить). А знахарки те — это ведь не теперешние кооператоры — собирали: от денег соседка отказалась на

отрез, травками да ягодками мальчонку отпоили, раздобыли и медку, и маслица коровьего, и яичек. Больше месяца тряслась Анисья над Ванечкой — выздоравливал цветочек.

Как закончил семилетку, мать сына ставляет: «Учись, Иванко, дальше». Краюху ржаного хлеба на дорогу — как-никак до Литина, райцентра, восемь километров в один конец. И пошагал.

Талого снега платочки раскиданы...
Реденький дождик да неба свинец,
В робкой траве первоцветы чуть видные,
Это весна, это счастья венец! —

строчки Леси Украинки вспоминались сами собой, пока отмерял те километры среди материнских полей — Анисья Ивановна всю жизнь агрономом проработала на этой земле-кормилице.

В аттестате зрелости у него среди пятерок только две четверки затесались. Всерьез подумывал о военном училище — тогда ведь не то что ныне, тогда не чурались парни военного мундира. Да и память об отце, которого не видел, покоя не давала, звала на мужское верное дело. Матери жалко было отпускать от себя кровиночку. По-всякому рассуждала: «Кто ж мне, Ванечка, по хозяйству поможет? А на войне-то не только батько твоей погиб, и я партизанила, даже Красной Звезды орден, вишь, заслужила. Что тебе в селе дела нет?» «А и то верно, — поддерживали земляки, — вон, хотя бы завклубом иди. Культурой-то не дураки заправлять должны».

На том пока и порешили, хотя знал Иван — долг солдатский рано ли, поздно ли отдать Родине должен.

На культурном фронте дела в родном селе пошли всем на радость и на пользу. Иван смолоду был человеком контактным, общительным, любознательным. Украинские песни и танцы с младых ногтей заняли свое особое место в его душе. Иван любил беседовать с фронтовиками — в каждом искал черточки отца, каждого по-сыновнему любил. Когда в клубе проходили торжественные мероприятия, он просил уважаемых людей прийти при орденах.

И еще одна встреча на культурной ниве оказала свое влияние на всю жизнь Ивана Шевчука. Заведующей сельской библиотекой работала его Любовь — единственная и навсегда. Вместе пели и плясали, читали стихи, вместе стали решать, как идти по жизни.

Все шло на первый взгляд незамысловато. Замкомзвода сержант Шевчук уже на срочной определился четко — Ленинградское политическое училище МВД СССР.

Прощай, прощай, мой край любимый,
Разлуки жребий мне с тобою дан,
Я — листик, с ветки сорванный родимой...

И мчит меня железный великан, — прочитал он строки своей Любаше и уже от себя добавил: — Заканчиваем училище и едем служить в леса. Свежий воздух, грибы, ягоды...

Правда, кроме всех этих прелестей земных в Мордовии их ждал барак, комнатка без окон, две алюминиевых миски и столько же ложек, чайник еще был... Зато поселок, где располагалась колония, назывался вполне по-нашенски браво — «Ударный». Но с милым рай и в шалаше — в это верили всерьез. А когда через несколько месяцев стал для молодых окошком в мир телевизор «Рекорд», то и вовсе повеселели. Недолго.

Подразделение «посыпалось». В «веселых войсках», как нередко называют внутреннее, из-за чего офицеры «горят»? Либо солдат проштрафился, либо побег из-под охраны. И Шевчук не избежал иногда незаслуженных разносов и нагоняев. Он, впрочем, не роптал — сам судьбину выбирал.

Приходил, бывало, со службы, садился усталый за стол и долго-долго вертел в руках ложку.

— Да успокойся ты, Ваня, — жена о проблемах подразделения знала, наверное, получше многих столичных начальников. — Все образуется. Поешь, отдохни.

А он вдруг снова надевал полубок: «Я мигом, ты чайку пока поставь. Добегу только до старшины, обойдем посты и вернусь — там морозиче, ой-ей-ей, погляжу, все ли бойцы в валенках. Не дай Бог, поморозятся...»

Потом егс, замполита, назначили командиром в соседнюю роту. Помните, нынешние полковники В. Абыгин и В. Васильев, а тогда — взводные — как там, в глубинке воевали? Ни света, ни просвета — и не были. Пусть нынешние лейтенанты не обижаются, только «тяготы и лишения воинской службы» не случайно в уставе упоминаются. Своему Отечеству служим.

Иной лейтенант, или как в простонародье нередко именуют его «Ванька взводный», попав на годик-другой в круговерть передраг служебных, в крошечную бытовую неустраоенность, заскулит или закручится, будет клясть весь белый свет, только не себя. А уж у командира конвойной роты дел и забот и вовсе выше головы. Обучение личного состава, работа с сержантами, офицерами, хозяйство войсковое. А над всем этим — вывод осужденных на работы, надежность охраны. Непосвященному представить трудно. Скажет, скорее всего, мрак несусветный. Шевчуку же помогала его светлая душа.

Гей, пойду в зеленые я горы,
Где шумит, как море, бор дремучий,
Понесу туда я свое горе,
Кину я в просторы с горной кручи.

Он ведь ротным еще и учился в университете. И диплом писал по творчеству Леси Украинки.

Все должности прошел, не перепрыгивая. Академию военную закончил, в областных городах служил. Словом, звезд с неба не хватал. И не скажешь про них с женой, что стали они жить-поживать да

добра наживать, тот лейтенантский «Рекорд» до сих пор смотрят, а уж каждый переезд к новому месту службы сродни стихийному бедствию.

Так пришел он к главной в войсках должности — командира полка. Есть должности и повыше, многие его одноклассники в чем-то пережоголяли. Но все же командир полка, которого прежде солдаты и офицеры уважительно величали между собой «батей», это — хозяин, отец родной, заботчик обо всех и обо всем. Здесь без таланта ну никак не обойтись.

Хозяйство досталось ему — хуже некуда. Вспоминает теперь с горькой усмешкой: «Эх, если бы заснять на пленку, что в части тогда творилось, да как мы все вкалывали, чтобы привести полк к нормальному бою» — вот было бы кино!»

Кому-то показалось — Шевчук «режет» перед начальством. Кто-то был недоволен крутостью нового командира. Писали и рапорта на увольнение. Терпеть он в жизни не мог жалобщиков, крикунов, выскочек, подхалимов, анонимщиков. К ним беспощаден.

Ни для кого не секрет, что военным то и дело суют палки в колеса всех мастей пацифисты, клеветники, жулье всякого рода, для которых краповые погоны хуже красной тряпки для быка. Военным блокируют выдачу жилья, мест в детских учреждениях. Здесь такого нет. Председатель Совета народных депутатов, другое здешнее начальство не просто частые гости в полку — они вникают в многочисленные заботы командира, помогают их решать к общему удовлетворению. Он и сам депутат облсовета. А то как же — командир такой части! Любой здравомыслящий руководитель прекрасно понимает — без внутренних войск нынче просто никак не обойтись.

Жилье. Медобслуживание. Трудоустройство жен офицеров и прапорщиков. Постановки в военторговый магазин и справедливое распределение товаров. Это все его депутатские заботы. И командирские тоже.

В прошлом году собрал офицеров и прапорщиков и сразу вопрос залу: «Ну что, мужики, землю пахать будем?»

Сослуживцы уже догадывались, что к чему, давно мечтали о садовых участках. Заулыбались все: «А как же, товарищ полковник, своя картошечка не помешает!»

Пахать и сеять — издревле жил этим человек. Если честный, а не вор, не захватчик, не разбойник. Вы только вспомните, ведь это высшая похвала любому славному труженику — колхознику, металлургу, учителю, инженеру, конструктору, — если о нем скажут: «Этот пашет!» И все, никаких комментариев больше не надо, никаких эпитетов.

Так вот и о полковнике Иване Герасимовиче Шевчуке говорят и в его полку, и в Центральном УВВ, и в главке — «Пахарь! Вся жизнь пахарь!» Но не надо думать, что он один работает за многих,

берет на себя ношу заместителей, других подчиненных. Помогает, учит, наставляет на путь истинный, ведет личным примером.

Кто-то из офицеров, знающих Ивана Герасимовича, произнес в разговоре фразу, которая, признаться, мне понравилась:

— Командир у нас — что надо, мировой. Таких в войсках поискать. Главнсе — он всегда держит руку на пульте управления полком.

Я еще подумал тогда, что можно было сказать и чуть по-другому — не «на пульте», а «на пульсе». Так будет звучать теплее, что ли, человечнее. Ведь если развить это сравнение, то управленцев холодных у нас достаточно, а вот чтобы ежесекундно пульс коллектива чувствовать и знать при том, как выдержать его ровным и наполненным, — это не каждому дано..

Многие искренне завидуют ему. И не потому, что в большом его хозяйстве все, что называется, «вылизано», часть нескольких лет в передовых. В недалекие достославные времена непременно инициаторами социалистического соревнования «выдвинули» бы, чтобы, выжав сначала все соки из офицеров и солдат, свив веревки из их напряженных нервов, гордо показать потом всем назидательно — «Учитесь!»

Шевчук многих научил — сотни офицеров «пахали» вместе с ним ратное поле, тысячи солдат. Земля не была плодородным черноземом. Ох, сколько камней попало! В одиночку бы бился — о чапыги плуга ладони в кровь бы посбивал.

Упадешь, бывало, в детстве,
Руки, лоб, колени ранишь,—
Хоть до сердца боль доходит,
А поморщишься и встанешь.

...Идет седой уже человек знакомой дорогой к знакомой калитке, держит за руку внучонка. А в горле комок. От радости скорой встречи с самым дорогим в мире человеком — мамой. Нет-нет да и упрекает себя в душе полковник — все ж тридцать почти лет вдали от матери. А если с другой стороны поглядеть — не забыл же ни матери, ни земли этой родной, ни корней своих. Тем и живет, тем и держится в службе своей непростой.

Надо бы маме пластинку с песней поставить, чтобы подарок прозвучала:

Ридна маты моя, ты ночей нэ доспала—
Ты водыла мэнэ у поля край сэла,
И в дорогу далэку ты мэнэ на зори
проводжала,
И рушнык вышиваны на долю,
на щастя дала...

Пусть кто-то скажет — ну вот, опять стихи да песни, а где ж рассказ о командире передового полка? Да потому и стал полковник Иван Шевчук тем, кем стал, что всю жизнь с песней в душе. Такую жизнь, как и песню, нелегко сложить.

Старший лейтенант Г. ШАХОВ.
Фото прапорщика А. КОНЮХОВА.

Наш адрес: 107120,
Москва,
Сыромятнический
проезд, 8,
редакция журнала
«На боевом посту»

Парадоксы бытия

Бурные события в стране ставят серьезные проблемы и перед нами, войсковыми хозяйственниками. Решил вот через журнал поделиться своими тревогами, а возможно, и принять участие в дискуссии по этим вопросам.

В условиях перехода народного хозяйства к рыночной экономике большинство колхозов и совхозов при заключении договоров с воинскими частями по оказанию помощи в уборке урожая, заготовке кормов, овощей, фруктов на дополнительное питание личного состава предусматривают выполнение военнотружениками самых чернотельных, низкооплачиваемых и трудоемких работ, не выгодных своим рабочим. Отпуск же продукции производится строго в объемах заработанного. Да еще по новым закупочным ценам. В результате мы на одних только перевозках личного состава к месту уборки и обратно больше теряем, чем приобретаем в целом. Не считая отвлечения военнотружеников от прямых обязанностей. Получается, что заготовленная нами таким образом продукция буквально на вес золота. Так, может быть, пора пересмотреть устаревшую систему взаимоотношений армии и села?

Переход обеспечения частей строительными и ремонтными материалами на так называемые «прямые связи» с поставщиками и изготовителями ставит нас также в униженное положение просителей, вынуждает идти на сделки, граничащие с нарушениями финансовой дисциплины и законности. Заявки же наши удовлетворяются довольствующими органами процентов на тридцать. И здесь назрели кардинальные решения на самом высоком уровне.

Что говорить, значительно осложнилась обстановка даже с обеспечением нас положенным продовольствием. Выделяемые централизованные фонды перестали быть гарантией. И это не слова, а реальность. Иногда, чтобы накормить личный состав, приходится получать то, что есть у поставщика, не обращая внимания ни

на сортность, ни на ассортимент. Как это сказывается на качестве, калорийности пищи, думаю, олять же понятно.

И еще одна проблема. Вот у нас, к примеру, заканчивается проектирование нового комплекса военного городка части. Разработкой проекта занимались ведущие специалисты: столицы Украины. В нем нашли отражение лучшие идеи по размещению и бытоустройству людей. Знакомись с проектом и видишь городок будущего, где солдат даже профессиональной армии смог бы чувствовать себя как дома. Но вот в глаза бросилась одна, на первый взгляд, незначительная деталь. Спроектированная современная баня с парилкой и бассейном предусматривает шесть человек обслуживающего персонала. А где их взять, когда штаты были минимальные? Опять за счет линейных подразделений? Но там и без того нагрузка на личный состав на пределе. И это только одна баня. Может получиться так, что наш военный городок из-за несовершенства штатной структуры так и останется «розовой мечтой» моих сослуживцев.

Тревоги, сомнения. Кто же должен их решать? И когда ждать перемен?

Подполковник А. ШАРОНОВ,
заместитель командира части по тылу.
Управление внутренних войск по
Украинской ССР и ССР Молдова.

ОТ РЕДАКЦИИ. Вполне разделяем заботы и тревоги офицера А. Шаронова. Он верно называет проблемы, волнующие его, войскового хозяйственника. Жаль вот конкретных рекомендаций автор не дает. А ведь он — профессионал в своем деле, и у него наверняка есть свои соображения, как избежать парадоксов бытия нашего нынешнего. На наш взгляд, перемены как раз и должны идти не только и не столько сверху, они должны зарождаться и утверждаться на местах. А как вы считаете, дорогие читатели!

...В божжи или за границу?

Отслужив верой и правдой 25 лет, увольняюсь в запас. Ухожу из войск, не имея самого необходимого — квартиры. Жена и двое детей проживают в соседней республике, в комнате семейного общежития. Их неоднократно уже пытались выселить, так как комната принадлежит организации, к которой никто из нас отношения не имеет (жена тоже вот уже более пяти лет служит в войсках).

Куда только я не обращался со своими невзгодами, вплоть до командующего внутренними войсками — ответ один: лучший жилье установленным порядком. Но я служу в Риге, где военным давно никто не выделяет жилья. Связывался с военкоматами в местах возможного проживания после увольнения, там открыто заявляют: придется ждать квартиру 5—7 лет... Вот такие мои перспективы.

В ответ на настойчивые просьбы помочь на финише службы с жильем нередко мне ставят в вину: дескать, тринадцать лет назад ты уже получил квартиру и после развода оставил ее первой жене. Но это не вина моя, а беда. Не у всех ведь складывается счастливая семейная жизнь. Разменять же квартиру в условиях Прибалтики и раньше было, и сейчас крайне трудно, к тому же надо доплачивать не одну тысячу, а где взять такие деньги, если живешь на зарплату.

Четверть века я был в строю, был нужен. Заставляли работать, не жалея сил, времени, — не отказывался. Теперь что же, в божжах ходить?! Или за границу подается?..

Понимаю, что редакция вряд ли чем может мне помочь. И все же прошу опубликовать письмо. Пусть прочитают его молодые парни, собирающиеся поступать в военные училища, и хоть будут знать, что ждет их после выпуска.

ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ ОПУБЛИКОВАНО

Восстановлен на службе

Прапорщика И. Зубатова наградили медалью «За безупречную службу» III степени, накануне ему продлили срок обязательства на три года, признав тем самым, что он в войсках на своем месте. А через два месяца человек был уволен по... служебному несоответствию. Причем главным аргументом для принятия столь неожиданного для Игоря Анатольевича решения выдвигался тот факт, что он неоднократно переходил с одной должности на другую. Но, как выяснилось в ходе

Да и начальству вдруг да станет не по себе от своей «заботы» о таких, как я, горемыках.

Майор П. ПОЛОЗКОВ.
Ордена Красной Звезды
управление внутренних войск
по Северо-Западу и Прибалтике.

ОТ РЕДАКЦИИ. Выполняя просьбу майора П. Полозкова и публикуя его печальную исповедь, мы надеемся, что ему все же помогут. И тут свое веское слово должны сказать командиры. Ведь их первейшая задача — защита, социальная защита военнослужащих и членов их семей.

Строки из писем

Коммунистом я стал на фронте, в 1943 году. Тогда, во время великой битвы с фашизмом, многие мои однополчане связали свою жизнь и судьбу с партией Ленина. Мне и немногим теперь уже другим фронтовикам, дожившим до сегодняшнего дня, стыдно и больно слышать, как хают иные компартию. Мы шли в бой по команде «Коммунисты, вперед!» Не уверен, что те, кто поливает ныне нас грязью, способны подставить грудь под свинец ради спасения Отчизны. Случись что, эти демагоги-патриоты попрячутся кто куда, забьются в самый глубокий тыл.

Н. МИШИН, ветеран
Великой Отечественной
войны.
г. Чернигов.

* * *

Я живу на Украине, где сейчас полным ходом идет отмывание образа тех, кого проклинал народ за злодеяния в годы войны с фашистами. Больно смотреть на ветеранов-фронтовиков, которые не могут сдержат слез, наблюдая за этим варварством. Выходит, их пролитая кровь, их раны — все напрасно?!

СЕРГИЕНКО СЕРГЕЙ, 16 лет.
г. Киев.

проверки письма на месте, Зубатов менял свое служебное положение не по своей прихоти, а выполнял те обязанности, которые ему поручались. Истинной же причиной увольнения по той пресловутой статье, считает обиженный прапорщик, стала телеграмма в адрес МВД СССР, в которой он и некоторые его сослуживцы высказали свое отношение к противоправным действиям руководства исправительно-трудового учреждения. Так это или не так — установить, конечно, трудно. Но вот то, что поступили с военнослужащим незаконно, сомнению, как сообщил нам полковник Б. Семенов, не подлежит. Прапорщик И. Зубатов восстановлен на службе. Командованию части строго указано на поверхностный подход к решению кадровых вопросов.

473

«СПЕЦНАЗ БЕЗ КАМУФЛЯЖА»

Эта наша публикация (1991, № 2, автор — майор О. Коржиков бывший командир роты специального назначения) вызвала интерес читателей. Это можно объяснить, во-первых, повышенным вниманием к спецназу внутренних войск, действующему в горячих точках, и, во-вторых, бедственным положением «краповых беретов».

В связи с этим почту отдела, полученную в ответ на февральскую публикацию, тоже можно разделить, условно говоря, «по интересам».

«Глубоко возмущен, что наши сыновья в наше время не обеспечены как следует, — пишет А. Е. Ротко из г. Талнаха, к стати, бывший спецназовец ВДВ. — Неужели у руководителей страны нет средств и ткани для пошива обмундирования, а также для расселения офицерского состава с семьями в нормальных условиях? Ведь эти люди действительно рискуют жизнью на каждом шагу».

Да, уважаемый товарищ Ротко, средств, судя и по официальному ответу, у нас действительно маловато, чтобы обеспечить доблестный спецназ, который в народе не случайно называют президентскими войсками. На бланке МВД СССР значится: «...Выделение полевой камуфлированной одежды предусмотрено только для военнослужащих воздушно-десантных войск, морской пехоты и пограничников (выделено нами.—Ред.). Их потребность в камуфлированном обмундировании удовлетворена в 1991 г. лишь на 65 процентов из-за недостаточной готовности отечественной промышленности».

Вот такой расклад: сначала оставили спецназ внутренних войск за бортом централизованных поставок, а потом, требуя от «краповых беретов» высочайшей готовности, кивают на недостаточную готовность отечественной промышленности. Далее по классическим образцам официальных ответов идут обещания:

«Учитывая сложные оперативные задачи, стоящие перед внутренними войсками, после детальной проработки вопроса МВД СССР достигнута договоренность с Минобороны СССР и планируемыми органами о выделении ресурсов на камуфлированную полевую одежду целевым назначением для обеспечения военнослужащих подразделений внутренних войск специального назначения. Указанное обмундирование поступает во внутренние войска в плановом порядке с 1990 г. В дальнейшем, с учетом возможностей легкой промышленности, предусматривается перевод на обеспечение камуфлированной одеждой всего личного состава оперативных частей внутренних войск».

Что ж, это обнадеживает, хотя и не

очень, так как учет возможностей легкой промышленности, да еще в дальнейшем, — дело в наше смутное время ох и не простое.

Обещают спецназу рюкзаки десантные, носки хлопчатобумажные и шерстяные (есть приказ МВД СССР этого года). Заканчивается разработка и на 1992 год планируется серийный выпуск новых носимых радиостанций на современной элементной базе с широкими функциональными возможностями. «На подходе» новые приборы ночного видения. В нормы снабжения внутренних войск с 1992 г. включены медицинские комплекты «десантный-врачебный» и «десантный-фельдшерский».

Что касается других вопросов, о которых шла речь в письме майора О. Коржикова, то их решение, судя по ответу, — тоже дело будущего, т. к. «проекты подготовлены», «требования разработаны и направлены в части», «меры принимаются».

Редакция благодарит за ответ первого заместителя начальника ГУМТиВС МВД СССР генерал-майора внутренней службы В. Якубовского, начальника ОТУ МВД СССР полковника внутренней службы Ю. Архангельского и начальника Медуправления МВД СССР полковника внутренней службы В. Кравченко. Мы надеемся, что эти ответственные лица и впредь не оставят без пристального внимания и заботы войсковой спецназ, находящийся всегда на острие главного удара по преступности, терроризму, любым противоправным проявлениям.

А в том, что парни из «краповых беретов» снискали заслуженное уважение и благодарность в народе, сомневаться, не приходится. Сотни писем от парней, мечтающих именно здесь проходить действительную службу, получают и наш журнал, и газета «Ситуация», и командиры частей. Игорь Стеценко из Севастополя готовится всерьез — имеет спортивные разряды по боксу, стрельбе, парашютному спорту. В 1992 году будет призываться на службу после окончания автодорожного техникума Амир Тихонов из с. Троицкое Целинного района Калмыцкой АССР — у него такая же мечта. Об этом же пишет Юрий Панькив из п. Пинюг Подосиновского района Кировской области — в наших войсках служили его дед и отец.

Мы рады, что наши публикации отзываются по-доброму в сердцах патриотической и, хочется верить, героической молодежи.

Что касается автора письма «Спецназ без камуфляжа» майора Олега Николаевича Коржикова, то он награжден орденом Красной Звезды. От души поздравляем! Надеемся, что вскоре поздравим его многодетную семью и с получением квартиры. Отдел военного очерка и публицистики.

Как развязать кинорадио УЗЕЛ

Теперь уже мало кто помнит у нас случай, когда части пришлось раскошелиться за порчу киноплёнки. К сожалению, не получил он тогда широкой огласки. Прежде всего, видимо, потому, что сумма штрафа была небольшая—90 рублей. А следовало бы, кому положено, задуматься: почему же пришла в негодность киноплёнка? По чьей вине?

Причин, на мой взгляд, тут несколько. И вытекают они одна из другой. Первая—ветхость нашей киноаппаратуры. Ей давно уже было пора в утиль, а она все работала и работала, скрашивая в общем-то не шибко радостный досуг наших военнослужащих. Вторая причина—низкая квалификация киномехаников. Ни для кого не секрет, что специалистов такого профиля в войсках не готовят. За счастье считают, если среди пополнения есть «киношники». А если нет?

Тогда подбирают достойного паренька и отправляют его на курсы при объединении «Киновидео». За полтора месяца—чему за это время можно толком научить?—из него делают «киномеханика». Остальное приходится добирать на практике. Учиться на собственных ошибках. На «боевой», заметить, а не на учебной киноаппаратуре. Отсюда и поломки, и порча киноплёнки. Винить во всех бедах киномехаников было бы несправедливо. Наши солдаты после вышеупомянутых курсов получают 3-й разряд, а обслуживают они аппаратуру, требующую квалификации специалиста на ступень выше. При таком раскладе, хотим того или нет, мы обречены на досадные просчеты и неудачи.

И смею утверждать: так будет продолжаться до тех пор, пока в кинобудку не придет настоящий профессионал. Кто он будет—вольнонаемный ли, сверхсрочник ли, или прапорщик—решать не мне. Но платить ему придется соответственно квалификации.

Конечно, солдат-«дилетант» стоит дешевле. Но экономия здесь мнимая. Все расходы на содержание киномеханика-профессионала окупятся, и с лихвой. Во-первых, дольше будет служить аппаратура. Качественное обслуживание и грамотная эксплуатация гарантированы. Во-вторых,

появится доступ в кладовые кинопроката, к самым «свежим» фильмам. Солдатам же там «дефицит» доверять бояться. И не без основания. Как видите, игра стоит свеч. Ведь в конечном счете выигрывает войсковая культура.

Если решение вопроса упрется в деньги, могу предложить альтернативный вариант: обязанности киномеханика возложить на начальника кинорадиоузла, то бишь на такого, как я, человека. Прекрасно сознаю, что, например, моих знаний для этого недостаточно. Готов учиться. Где? Хотя бы в том же объединении «Киновидео», но более основательно. А может, со временем в войсках появится учебный центр или подразделение по подготовке специалистов данного профиля. Вернувшись в часть, я смог бы поделиться знаниями с коллегами из отдельно дислоцированных подразделений.

Может, есть смысл в такой «учебке» давать курсантам и навыки обращения с видеоаппаратурой—судя по публикации в журнале «Видео в солдатском клубе: да!», появление ее в частях и подразделениях уже реальность. Какие перспективы откроет появление в войсках кабельного телевидения, думаю, объяснять не следует.

...Теперь о другого рода нестыковках. Сегодня, когда в каждой части внутренних войск на балансе политпросветимущества, технических средств пропаганды на десятки и даже сотни тысяч рублей, когда поступает масса новейших видов радио- и видеотехники, киноаппаратуры (в среднем только киноустановок насчитывается около десятка комплектов), началась кампания по сокращению должностей... прапорщиков-начальников кинорадиоузлов при клубах частей!

Скажу для наглядности о себе. Моя работа мне нравится. Менять ее не собираюсь. Но если вдруг должность моя окажется под угрозой сокращения... Что ж, не пропаду. Благо, диплом техника имеет. Но вот только хочу спросить: не обернется ли во вред такое сокращение нашему общему делу, войсковой культуре?

Прапорщик В. МАЛЮТИН,
начальник кинорадиоузла.

474

ПЕРЕСТРОЙКА В СССР: вчера, сегодня... Завтра?

ПЕРЕСТРОЙКА

Если футбольная команда не прибывает на матч, ей засчитывают поражение с предусмотренным правилами счетом. Вообразите иной вариант — единственная команда выходит на поле и под аплодисменты судей из ложи прессы сколько хочет издевается над пустыми воротами соперника. Вообразили! Тогда вам не трудно представить себе, как в гостинице ЦК КПСС «Октябрьская» проходила конференция по проблемам «круглого стола».

СОБРАТЬ за одним столом представителей всех влиятельных политических сил страны и попробовать найти общий язык? Согласитесь, идея перспективная — она сулит лавры инициаторов ни много ни мало национального примирения в СССР. Анонсируя конференцию, «Комсомольская правда» как организатор сформулировала вопросы для обсуждения: что происходит в СССР? Что ожидает нас в ближайшем будущем? Что и кому надо делать, чтобы будущее у нас все-таки было? А в итоговой публикации вместо ответа на них поднесла читателям бодренький вывод: есть, мол, и программа выхода из кризиса (и минимум, и максимум), и целая плеяда людей, готовых послужить Отечеству. О самой программе ни слова и, думается, не без умысла: в этом же номере газеты, правда, с осторожным вопросительным заголовком, изложена программа правительства РСФСР по стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям. Проницательный читатель свяжет ее с итогами дискуссии — и ошибется: опубликованную в «Комсомолке» программу конференции не обсуждала...

А как же быть с вопросами — их ведь поставила не столько газета, сколько сама жизнь? Ответить на них в меру своих возможностей пытались Г. Попов и В. Бакатин, Е. Лигачев и Г. Явлинский, Р. Хасбулатов и Н. Петраков, В. Селюнин и А. Емельянов, И. Заславский и Л. Пияшева, С. Шаталин и многие другие, в том числе иностранные экономисты и политологи.

Увы, ссылка на авторитеты вряд ли способна заменить подробное изложение их взглядов.

ИТАК, ЧТО ПРОИСХОДИТ В СССР?

Попытку наиболее масштабного осмысления предпринял Григорий Явлинский. В стране, мол, идет борьба за гражданское общество, растет национальное самосознание (или, если не очень бояться слов, набирает силу национально-освободительное движение) и трансформируется экономика. Каждый из этих процессов болезнен и мучителен даже сам по себе. В Европе они следовали один за другим, используя результаты друг друга, а у нас переплелись в тесный клубок, и надо ли удивляться, что лидеры теряют контроль над ситуацией?

Впрочем, для России такое развитие событий не новость — очень похоже на то, что было в 14-м, 16-м, 17-м годах, что было гораздо раньше — в семнадцатом веке. Важно, что Россия ни разу не вышла из этих потрясений достойно, без кровопролития. Поэтому надо вспомнить, что все войны рано или поздно заканчивались переговорами, пусть даже о безоговорочной капитуляции, и хоть раз перешагнуть через процесс, ведущий к переговорам.

В отличие от соавтора знаменитой программы «500 дней», подавшего пример тонкой иронически-политической наблюдательности, экономист Василий Селюнин говорил об экономике. Он еще в конце прошлого года экстраполировал экономические показатели за 1990-й год на 1991-й: ожидалось 15-процентное снижение национального дохода и объемов промышленного производства. Поэтому никто не брался сверстать союзный бюджет — расходы, запланированные правительством, значительно превосходили ожидаемые доходы. А премьер-министр Павлов в бытность министром финансов СССР допустил при расчетах, что произойдет не снижение, а небольшой, трехпроцентный хотя бы, прирост производства — тогда доходы и намеченные расходы уравнивались.

Селюнин предсказывал: если не случится чуда, союзный бюджет рухнет в марте, самое позднее — в апреле, но ошибся — это произошло в феврале. За январь и февраль поступили 13,4 миллиарда рублей вместо 36,37 процентов выполнения — это уже не бюджет. А после, возмущается экономист, в антикризисной программе Павлов написал: «Расстроены финансы страны, снижается покупательная способность рубля...» Ах, какая неожиданность! Кто бы мог подумать!

Выход был, утверждает Селюнин: нет доходов — сокращай расходы, прежде всего оборонные. 130 миллиардов рублей в год — это почти 11 миллиардов в месяц. Того, что собрали в бюджет, не хватило бы даже на зарплату оборонной отрасли, а ведь ее получили и учителя, и врачи, и библиотекари... Недостающие миллиарды просто напечатали! Резюме: оборонные расходы надо беспожалостно урезать за счет заказов на вооружение, технику, имущество... Резервы, дескать, исключительно ве-

лики: по некоторым данным, только в машиностроении на оборону работают почти тринадцать миллионов человек.

Нельзя не отметить: желающих решать все проблемы экономики страны за счет обороноспособности хоть отбавляй. Например, Лариса Пияшева убеждена, что падение производства обусловлено якобы политикой перераспределения ресурсов в пользу военно-промышленного комплекса. Николай Петраков, добавив несколько сочных мазков в портрет алчного ВПК, затем существенно испортил картину: объяснил, куда же деваются деньги, поступавшие ранее в союзный бюджет. Оказывается, далеко не на последнем месте среди причин, заставляющих печатать не обеспеченные товаром деньги, стоит популистская политика некоторых республиканских лидеров.

Николай Петраков: «Политика и есть реакция на события, но в данном случае реакция неадекватная. Если человек выходит на мороз в трусах и говорит, что ему жарко, — он либо йог, либо сумасшедший».

На словах почти все признают необходимость сильного в международном аспекте центра, почти все согласны финансировать оборону, единые Вооруженные Силы. Но вспомните, как туго шла работа над бюджетом Союза! Республики тогда решили в несколько раз уменьшить свои взносы — деньги, мол, самим пригодятся...

Вот она, мина под союзный бюджет, под экономическую основу единого государства! То, чего Гитлер не сумел добиться силой оружия, почти удалось экономистам, пропагандирующим идеи экономической суверенизации республик.

Президент СССР вынужден был объявить о создании внебюджетного стабилизационного фонда. Развал бюджета, предсказанный В. Селюниным, совпал с введением так называемого «президентского» налога — источника поступлений в этот фонд. Свердловские кооператоры отреагировали четко: если раньше они брали за вход в свои подземные дворцы двадцать копеек, то теперь берут двадцать одну, а у каждого писсуара висит объявление — копейка идет Президенту! Вот бы написать, кто поставил Президента перед необходимостью по копейке собирать на нужды центра, иными словами, на науку, оборону, культуру, здравоохранение, образование... Увы, гласность такого рода противоречит политическим интересам дельцов-туалетовладельцев и их околопарламентского лобби.

Короче говоря, мнения большинства участников конференции совпали — налицо общий кризис социально-экономической системы, в том числе национально-государственного устройства, экономики и идеоло-

гии, кризис, выявивший нежизнеспособность всех существующих структур.

А что впереди,

ЧТО ОЖИДАЕТ НАС В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ?

Дальнейший спад производства и нарастание социальной напряженности вынудит непопулярное правительство страны идти на все новые и новые уступки населению. Тогда к 30—35 миллиардам рублей не обеспеченной товарами компенсации прибавятся выплаты шахтерам, авиадиспетчерам, пилотам гражданской авиации — всем, кто сумеет воспользоваться обстановкой и станет требовать. Маховик гиперинфляции тогда не остановить, считает Николай Петраков. Будут огромные очереди за семирублевым мясом и сорокадвухрублевой колбасой, и, чтобы от них избавиться, правительству придется перебросить эти товары в кооперативные магазины или снова повысить цены.

Антикризисная программа бывшего премьер-министра содержит ряд предварительных условий, вне которых она попросту невыполнима. Это прежде всего стабилизация общественно-политической жизни, мораторий на все забастовки, прекращение войны законов, жесткое подчинение нижестоящих звеньев исполнительной власти вышестоящим и — ни много ни мало — особый режим централизованного распределения ресурсов. По мнению Н. Петракова, это означает, что реформы предполагается проводить не в реальной общественно-политической обстановке, а в некоей созданной неизвестно какими силами ситуации шести-семилетней давности.

Неужели семь лет назад уважаемому экономисту для полного счастья не хватало именно забастовок и войны законов? А централизованное распределение ресурсов, разумеется, корбит тонкие рыночные вкусы, только где он, рынок, в стране всеобщего дефицита? И люди, ответственные в первую очередь за работу промышленности, а уже потом за воплощение прогрессивных идей, вынуждены поступать, как реалисты.

Лариса Пияшева: «К великому сожалению, и демократы не показали нам того, как нужно переходить к свободе».

Григорий Явлинский атаковал антикризисную программу правительства на более системной основе — заявил, что она не дает ответа на пять ключевых вопросов.

Пришлось взять полный текст программы «500 дней» и попытаться выяснить, как ответил на них уважаемый экономист. Увы,

«экономическое чудо» Шаталина-Явлинского ничуть не конкретнее антикризисной программы. Судите сами.

Как преодолеть развал денежного обращения в стране? Сократить производственные инвестиции из союзного и республиканского бюджетов, отменить дотации и субсидии предприятиям. Поможет? Безусловно. Но попробуйте ответить после этого, как остановить катастрофический спад производства!

Третий вопрос — как быть с нарастающей безработицей! «Вряд ли на общесоюзном уровне возможно установить... единый статус безработного с перечнем количественных критериев. Более оправданным видится законодательное оформление общих принципов и качественных критериев, принятых на всей территории страны их количественную расшифровку стоит передать в компетенцию республик, которые при необходимости делегируют часть полномочий краям, областям и, возможно, более мелким территориальным единицам. Механизм разделения ответственности усиливает гибкость политики занятости, повышает ответственность территорий в решении вопросов трудоустройства... Необходимо заранее предусмотреть возможные способы социального вспомоществования, например, пособия по бедности в денежной и натурально-вещественной форме, льготы по оплате жилья и коммунальных услуг... Конкретный перечень и объем подобной помощи должен устанавливаться каждой территорией самостоятельно, с учетом местных особенностей...»

Неужели это общесоюзный рецепт борьбы с безработицей? Авторы «500 дней» упоминают, правда, Фонд занятости, откуда предполагалось платить пособия по безработице, но в предложенной ими структуре бюджета Союза такого фонда нет, хотя предусмотрены расходы, например, на природоохранные мероприятия или обслуживание внутреннего и внешнего долга СССР. Что же касается социальных и других программ общесоюзного назначения — отсутствие исходной информации не позволяет в настоящий момент достоверно оценить объемы средств, необходимых республикам для стабилизации уровня жизни населения. Делать это придется в ходе реализации программы».

Иными словами, никаких гарантий. Мол, ввяжемся в драку, а там посмотрим.

Как за пять-шесть месяцев обуздать инфляцию? «Принимаются меры по сдерживанию роста доходов населения, разворачивается работа по созданию системы социальной поддержки населения, республики вводят системы индексации доходов... В случаях, когда средств на выплату дотаций все же не хватает, местные органы должны принимать решение о сокращении объема продаж по низким ценам, а также о введении нормированного распределения, если по этим товарам возникает дефицит».

Кто бы объяснил, как соединить несо-

единимое — меры по сдерживанию доходов и систему социальной поддержки населения, индексация?

И наконец, как преодолеть валютное банкротство страны! Вопрос, конечно, интересный... По Явлинскому, за счет отказа государства от валютной монополии, дополнительной распродажи золота и алмазов, а также гипотетической экономической и финансовой помощи иностранных кредиторов в суммах до 10—20 миллиардов долларов. Плевать, что каждый гражданин СССР с пеленок долже! западным банкам более 100 долларов США: какая разница, не иметь возможности вернуть 100 или 166 долларов?

Еще в начале века было замечено: внешние займы суть пивяки, которых никак нельзя отнять от государственного тела, пока они сами не отпадут или государство их не сбросит. А наши экономисты готовы присаживать все новых и новых, рискуя погубить страну добровольным кровопусканием. Если заем оплачивается пятью процентами в год, то через двадцать лет государство выплачивает процентную сумму, равную взятому займу, срок лет — двойную, шестьдесят — тройную, а долг все тот же... Задолжавшее государство отдает последние гроши налогоплательщиков иностранным кредиторам. В связи с этим обстоятельством очень характерен диалог в «Комсомольской правде» — американский экономист Игорь Бирман советует форсировать приватизацию тяжелой индустрии и снять с госбюджета оборонные заводы. Мол, если можете, ребята, торгуйте танками за валюту, если нет — переключайтесь на дефицитную гражданскую продукцию...

Здрavo? На первый взгляд, да — какой же русский не истосковался по качественной, технологичной, наукоемкой, конкурентоспособной отечественной гражданской продукции? А более трезвым и менее восторженным взглядом нельзя не заметить — продавать танки на экспорт производителям не разрешат политики. Образы страны-миротворца и экспортера современного оружия трудно совместить в одном лице, и после организованного отступления из стран Восточной Европы и пересмотра не подлежащих пересмотру итогов второй мировой войны нетрудно определить, чему отдадут предпочтение.

Научиться клепать видеоманитофоны и прочую конъюнктурную дребедень после самостоятельного прорыва в космос, наверное, не сложнее, чем пустить бульдозер в виноградники. Всего-то ничего порушили в ходе антиалкогольной кампании — и теперь героически преодолеваем собственноручно воздвигнутые препятствия, закаляем характеры в борьбе с порожденным из ничего дефицитом...

Но оборонный комплекс — не виноградник. Цена ошибки — национальная безопасность. «И никаких планов по конверсии!» — экспансивно восклицает уверенный в себе и нашей глупости Бирман. — Все должно регулироваться рыночный спрос и предложение. От кого вы собираетесь оборонять-

ся? От тех развитых стран, которые дают Советскому Союзу миллиардные кредиты?»

О вампирском характере кредитов мы уже говорили. Мол, понастроим импортных заводов ширпотреба и зажжем... Ой ли! За заводы, за станки, за импортное сырье (иного «их» производственные мощности не признают) расплавиваться придется той самой продукцией, ради которой все это затевается. Интерес капиталистов к СССР понятен: по данным «Комсомольской правды», цена труда в стоимости товара у нас занижена беспардонно и колеблется около 20 процентов против 70 в западных странах. Кровавым потом заплатим за каждый взятый взаймы доллар. Так

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

«Делайте деньги, можно все!» — увы, эта квинтэссенция российской антикризисной программы не отвечает на вопрос, кому можно. Теоретически, наверное, каждому из нас — ведь грядущий капитализм называют «обществом равных возможностей». Российский парламент решил оштрафовать каждого россиянина инвестиционным чеком на семь тысяч рублей. Вынесем за скобки пол, возраст, а чтобы никому не было обидно, и трудовой вклад в создание бывшей общенародной собственности и постарайтесь приобрести... Что? Что можно купить сегодня на эти деньги? Можно, конечно, объединить выпавшую на семью сумму, но тогда для приобретения единственной акции межбанковского объединения «Менатеп» понадобится семья из восьми человек. Где вы видели одного акционера о восьми головах?

Вадим Бакатин: «Да, приватизация нужна. Но с учетом специфики — обостренного чувства социальной справедливости всего общества — очень важно выяснить, как возник первоначальный капитал. Нужен закон о контроле за происхождением собственности».

Обозреватель «Комсомольской правды» С. Разин считает, что у нас почти нет шансов избежать экономического кризиса и еще большего падения уровня жизни, но в наших силах смягчить этот удар и существенно приблизить свет в конце туннеля. Для этого, по его мнению, достаточно внять совету Григория Явлинского: «Нам нужна такая антикризисная программа, которая бы объединила ведущих экономистов. А уж они бы объединили вокруг себя ведущих политиков»...

Сильно сказано — и действительно нужно, хотя это не совет, а лишь благое пожелание. Только возможна ли такая про-

грамма? Ведь Лариса Пияшева убеждена, что панацея от всех наших бед — свободные цены, Василий Селюнин видит спасение в республиканских валютах, а по Григорию Явлинскому, залог успеха в высоких темпах перемен: опыт Боливии доказывает, что реформы нужно проводить молниеносно. Сопоставить бы еще территорию, население, национальный состав — и готов вдохновляющий пример для трехсот миллионов...

Гавриил Попов считает, что демократам пора создавать централизованную, дисциплинированную партию. Мол, в восемнадцатом году большевики доказали, что только такая структура способна управлять страной. Иными словами, коммунистов можно победить только большевистскими методами. Так стоит ли менять шило на мыло? «Дракона» долой — и да здравствует новый дракон?

Гавриил Попов: «Новый административный режим должен сопровождаться ограничением власти представительных органов, нынешних наших парламентов».

Если почитать «Огонек» — успех полный. Он вслед за «Комсомольской правдой» осуществил подмену понятий: конференцию по проблемам «круглого стола» стал именовать «круглым столом», и тем самым выдает желаемое за действительное. Однако мероприятие в гостинице «Октябрьская» заслуживает скорее титула громкого политического спектакля. Успех или успех любого театрального действия очень зависит от подбора исполнителей. И в погоне за скороспелой целью — дискредитировать экономическую политику нынешнего правительства, реанимировать радикализм и экстремизм программы «500 дней» — организаторы упустили заманчивую идею консенсуса, компромисса, национального согласия. Это было сделано очень просто — на конференцию забыли пригласить.. основную политическую силу — праящую. Легко выглядеть умным и неотразимым в отсутствие оппонентов, удобно обсуждать «избыточность обороны» или «антинародную политику премьер-министра» без полномочных представителей критикуемой стороны. Команду соперника просто забыли, точнее, не захотели пригласить на матч, а призванные изображать «противника» Бакатин и Лигачев вовсе не олицетворяют ни Президента, ни премьер-министра, ни КПСС: Вадим Викторович всегда был слишком независим, а незабвенный Егор Кузьмич, напомним, пенсионер, к тому же пенсионер с репутацией. Представить его ядром правящей системы и утыкать ироническими стрелами — нечестно не только по отношению к Егору Кузьмичу...

Впрочем, консенсус консенсусу рознь. «Демократическая Россия», несмотря на демонстративную готовность к миролюбивому диалогу, считает задачей «круглого стола» передачу власти «от союзных структур, которые утратили авторитет и дове-

Илья Заславский: «Консенсус возможен для возврата к доброму старому. У нас старое — не доброе, нам возвращаться некуда».

рие населения, к демократически избранным институтам», или, как прозрачно намекнул Григорий Явлинский, переговоры о безоговорочной капитуляции. Слово демократические выборы сами по себе не делают любые переговоры излишними. Кроме того, «демократы» хотели бы за «круглым столом» согласовать кандидатуры на пост премьер-министра и на ключевые посты в правительстве СССР.

У меня нет никаких личных симпатий к человеку, которого обвиняют в том, что он в 3—4 раза снизил покупательную способность моей зарплаты, а значит, и жизненный уровень моей семьи. Но я никогда не поверю сторонникам закулисного раздела власти. Им ведь не хватает смелости обещать после прихода в Кремль вернуть прежние цены. Жар чужими руками — как это знакомо! Согласитесь, безнравственно пользоваться плодами той политики, которую осуждаешь...

Альтернатива национальному согласию самоубийственна. «Круглый стол» как процесс консолидации стране на пользу. Если, конечно, высокие договаривающиеся стороны придут к нему не с водевильно-детективной риторикой, а с конкретными предложениями. Например, с тезисами антимонопольного законодательства и закона о происхождении собственности. С научно обоснованным подходом к конверсии и единым пониманием того, как финансировать охрану правопорядка и достаточную оборону. С документами, закрепляющими приоритет прав человека над правами нации. Хорошо бы — с уже принятым законом о статусе военнослужащих. А главное — не забыть пригласить оппонента. Неспортивно это — играть в одни, пустые ворота, да еще на публику.

Майор В. ГЕРАЩЕНКО,
наш спецкор.

Виктор АСТАФЬЕВ:

«ЗАПОЛНЯТЬ ВЕРОЙ ДУШИ...»

Как-то незаметно исчезла с экранов ЦТ появившаяся в самый разгул перестройки привлекательная рубрика «Воскресные нравственные проповеди». То ли затерли ее бесконечные «Актуальные интервью», «Круглые столы» с нередко острыми углами и беспредельные парламентские дебаты, переходящие порою в перебранки. А может, иссякли в Отечестве достойные проповедники, способные сеять в народе разумное, доброе, вечное! Никак не хотелось в это поверить.

Отправляясь в Сибирь к живому классику Виктору АСТАФЬЕВУ, твердо был убежден, что он остается на сегодня одним из тех, кто способен стать «зрячим посохом» всем нам, блуждающим в потемках нынешней смуты, шарахающимся от ослепительных лучей «демократических» свобод...

— НИКОГДА еще, никогда не был человек так несвободен и обезличен, как в двадцатом веке, в особенности в наши дни, на исходе века. Никогда еще не наваливалась на человека и так уверенно не завладевала им массовая культура, которая одолевала и одолевает его всегда во времена смутные, бедственные, тяжкие. Она, массовая культура, как оконная вошь, что грызет тело, но подтачивает душу: кино, телевизор, приемник, танцплощадка, спортзал, лекторское заведение — все-все создается для того, чтобы

человек вкушал, что ему дают, учился тому, что вдалбливают в детских учреждениях, школах, вузах, в училищах; раб времени, раб машин, раб обстоятельств, не умеющий распорядиться собой, даже если б захотел, человек наших дней уже не говорит, он визжит о своей свободе. Но счастье и свобода, по заверениям мудрого русского классика, как здоровье — если их не замечаешь, стало быть, они есть, стало быть, и орать о них незачем. Правда, мутные времена мутят и самые вечные истины, толкуют их вкривь и вкось, смешивая

черное с белым, и достигается таким образом какая-то мутная, скорее химическая, но не нравственная истина. И обескураженный, замороженный, по выражению критика Александра Николаевича Макарова, современный поэт ошарашенно восклицает: «Счастье! Сколько видов у счастья! Одним—это слава, муки творца, другим—сердцами на доты бросаться, третьим—расстреливать эти сердца».

Поэт этот не был на войне, не успел, но я могу его и всех его сверстников заверить, что на доты бросаться, умирать за Родину и свой народ—это печальная, пусть и понятная необходимость, но никакое не счастье.

— Виктор Петрович, ну, а сегодняшняя жизнь! Мы все повторяли: «живем в счастливое время», «счастливое детство», «счастливая судьба страны»... Вот собирался я к вам и встретил на страницах еженедельника «Новое время» довольно сумрачную статью под заголовком «Сломленная Сибирь». Автор ее, видимо, задался целью, проехать, как Чехов, до самого Сахалина и отыскать, а потом и обнаружить знаки предсмертного тлена на огромном пространстве России, а потом срочно оповестить об этом на многих иностранных языках весь мир. И с вами здесь, в Красноярске, встретился, и вас вот цитирует: «Виктор Астафьев выразил мнение, что страна идет к неминуемому краху, и дело не в отсутствии денежных средств, а в самом человеке и межличностных отношениях. Какой еще народ крадет на пожаре! А наш сейчас крадет...»

Виктор Петрович перечитывает эту фразу и горестно вздыхает:

— К сожалению, у нас в деревне с пожара тащили. О, Господи!

— У вас в деревне, это в Овсянке!

— Так вот она, ее с этого берега видно, олюда, где мы с вами сидим, пятнадцать километров по прямой.

— Из этой фразы—о крадущих с пожара—понять можно, что к опасной, роковой черте подошли, за которой неминуемый крах. Это так, или все-таки спасем-ся!

— Да мы-то не знаю. Господь поможет.

— Господь поможет!

— Вот я как начинаю уже! Этих святых-то посмотрел, старообрядцев. Их ведь керосином обливали с самолетов и жгли. По Сыму, Касу, Питу, между Обью и Енисеем самые неудобные земли они обжили. Загнали их до того, что стали они строить жилища под наклонно растущими кедрами. Во время войны зажигали из конца в конец села, крепкие села. За то, что детей

в армию не отдавали. Они потом стали отдавать—все равно жгли, преследовали до последнего времени. А старообрядцы уцелели—и в городах, и в тайге.

— Старообрядцы детей в армию не пускали. И теперь ведь некоторые говорят—не пустим...

— А что делать, раз их убивают там? Что делать? За нас некому было заступиться, когда мы в сорок втором году в запасных полках доходили. За этих—есть. А мы прошли школу запасных полков—наголодались, натерпелись. Или армия пусть изменит к людям отношение, а то что же—без войны на смерть посылать. У меня сын на двенадцатый день службы попал в чехословацкие события. Что, не было других?

Мужиков русских суют куда попало. Им там плюют в лицо, обзываются всяко. Зачем ребят унижать? И все русские. Они все терпят. Но сколько можно терпеть?

Имя надо нам вернуть—«Россия». Пусть и военные настаивают, они, слава Богу, это как раз, кажется, понимают. Красивее, между прочим, имя, мягко звучит. И дадут пусть нам пожить самостоятельно. Ну хоть раз дайте, а потом уж судите. А что же заранее говорить, что не справимся, не выживем. А может, выживем как раз? Как раз я верю в это! В русском народе еще достаточно силы. А вот когда все унижают тебя... У нас вот две организации строительные есть в Красноярске, русские, так западники приезжают и удивляются—не может быть, чтобы в России так строили! Может!

— «Всему свой час»—так назывался один из ваших публицистических сборников. Так придет тот час, когда увидим Отечество мощным, процветающим!

— Ой, как далеко до этого! Сейчас бы главное—выжить. Сейчас не до жиру. Восстановление духовное, потом уж мощь.

— О духовном. «Красноярский рабочий» упрекает писательскую организацию, альманах «Енисей» за то, что двухмиллионным тиражом издали индийский трактат о любви «Кама Сутра». Вот что пишут: «Неужто современные писатели земли русской настолько переквалифицировались, что считают своим долгом теперь сеять в массовом порядке изощренные сексуальные знания!»

— Да неужто эта «Кама Сутра» повлияет на нас? Я так думаю, что на нас идеология повлияла гораздо хуже, когда нам загадили мозги до беспредела—с верой в светлое будущее, непогрешимость наших вождей и партии нашей. Вот это вред огромный. А отклонения всякие, такого порядка, как бардеки, какое-то подпольное искусство, во все времена, наверное, были.

Ведь мы же не знаем просто, что в Лувре и других музеях подвалы забиты порнографическими картинами — Рубенс, Рембрандт баловались этим. Великолепные полотна совершенны, но держат их отдельно. Кино не было тогда, видео не было, фотографии не было. А сейчас возможности огромные просто захлестнули человека, который не имеет прочных устоев нравственных — вот и началась вакханалия бездуховности.

Конечно же, я ничего этого не одобряю — мне надоел этот ор. Вот только что мы слушали концерт нашей хоровой музыки, жалко, вы не застали. Соединенный хор двух наших соборов — ну прекрасное, ну высочайшее искусство. И рядом великолепная вокальная русская школа, которая имеет дореволюционные традиции, прекрасные певцы есть. Кировский театр сейчас богат замечательными певцами. А явления такие, как, допустим, наш сибиряк Дмитрий Хворостовский! Это ведь все-таки из провинции ребята выходят. А Штоклов, Нестеренко! И были, и есть певцы куда с добром. Марусин из города шахтерского Кизела родом — в Кировском театре тенор — поет куда с добром. Убредают за границу многие не из-за денег даже — там талант почитают по достоинству. И рядом с таким вокальным дивом уживается весь этот мусор. Это говорит об ослаблении интеллектуальных возможностей людей, которые стали восприимчивы ко всему дурному.

Ну что мы за общество такое! Никак не можем лучше свое оценить, зато худшее воспринимаем охотно, оно прямо в нас уже.

А все из-за того, что стерли личность, стерли человека. Положение занимали совсем не те люди, которые достойны уважения и почитания, всякая сволочь. У кого была сила — к тому и власть, видите, и уважение. Так и не научились своих гениев уважать, не научились. У нас что ни гений, то его выгонят куда-нибудь, то забьют, замордуют. О, Боже мой! И, главное, конца этому не видно.

Быть может, самое страшное, что мы допустили, это духовные утраты. Мы сдерживающее начало — церковь — похоронили. С нею мы бы так быстро не одичали. Все-таки это пристанище и искусства, и культуры древнейшей, и философии. А когда мы остались без руля и без ветрил, то что нам оставалось...

— А что же литература!

— Литература никогда не шла только по восходящей, я об этом рассуждал и в «Зречем посохе». Перепады, взлеты и крушения возможны не только у одного писателя, но и у целой литературы, даже большой, и постепенно, мучительно, в русской литературе даже с насадой, они преодолевались.

Вообще, мне кажется, что пока людям

еще не до гражданственности в литературе, само влияние литературы и искусства на человеческое общество у нас, как и во всем мире, преувеличено, более того, оно, это влияние, носит порой совсем не те формы, какими хотелось бы нам их видеть и иметь, — самораспространение среди молодежи, сплошь грамотной — подчеркиваю, сплошь! — и часто с вузовским образованием, ритмически и мелодически бедных танцев и песен, охотно потребляемого чтива с элементами секса и насилия, низкопробных зрелищ, не требующих никакой душевной и умственной затраты на их восприятие (чем дальше, тем вернее подкрепляется это умозаключение).

Понимаете, даже в Южной Америке, в той же Колумбии, где я побывал, весь этот мусор эстрадный не очень приживается. Потому что у них само древнее искусство танца, пения в почете всегда. Народное, словом, искусство, поэтому прекрасно. И за этим стоят миллионы лет.

А нам только тысяча лет, мы забываем об этом. Мы в основном поддались пагубе идеологической, разложению такому быстрому и озлоблению, потому что мы очень молодой народ. Вы скажете, что есть народ еще моложе — американский. Но он не пошел по нашему пути. Он одну войну пережил огромную, гражданскую, умылся, значит, кровью и сказал — хватит!

А мы все время воевали. Наш великий полководец Суворов таскал армию по Альпам в Италию, куда-то там в Испанию, в Африку наш экспедиционный корпус заносило. Это ведь все русские мужики, между прочим, ходили. Полководец-то на лошади, а эти пешком, на заднице съезжали по камням альпийским. Никто просто не говорит, сколько там погибло, а погибло-то огромное количество людей, в походах Суворова победоносных.

Понимаете, у нас все время какие-то шли напасти на этот молодой, крещеный только в 9 веке народ. А ведь пока крещение дошло до окраин России, наступил уже 19 век. Да и сейчас некрещеных, может, еще полно. А тут нас снова бросили в язычество.

Человек с вялым, безвольным сознанием, с отсутствием ответственности за свою и всеобщую жизнь охотно выдумывает бога и все перекладывает на него, на его «могучие плечи», на него уповаает, ему доверяет, и если нет бога небесного, если он далеко и до него трудно дотянуться, производит земного, доморощенного и уж молится ему, уповаает на него, перекладывает ответственность и т. д. и т. п. И вот уже Стефан Цвейг, умный художник, мужественный гражданин земли, с серьезной и тяжелой иронией пишет, что мы должны быть благодарны любым нашим правителям за то, что они берут груз забот и ответственности за наши судьбы и судьбу государства на себя, недосыпают, недоедают, постоянно живут в напряжении; часто их смещают, да кабы с благодар-

ностью, а то ведь головы отрубает за всякого рода промашки и неумелое угождение народу своему.

И во все времена народ охотно возносил личность — на, красуясь, правь, ораторству, сияй! Но история неумолима, она доказала, что, когда возносится личность, унижается народ.

Как хотелось бы некоторым деятелям, чтоб и в прошлом у нас все было красно и ладно!.. И вот ведь оказия: мне тоже хотелось бы, да «... где топор, что память враз отрубит», да и «не те годочки», — как тяжко вздохнул перед смертью великий гражданин нашего времени Твардовский, и страшновато забывается. «Кто прячет прошлое ревниво, тот и с грядущим не в ладу!» — опять же мудрый Твардовский. И еще: «Народ можно обмануть — историю не обманешь», — это уже всегда для России современный историк, потому что он не просто историк, но был и остается настоящим патриотом Отечества своего.

— Виктор Петрович, ваш «Зрячий посох» и ранее вышедший «Посох памяти» — книги воспоминаний, публицистических раздумий о литературе, писательстве, Отечестве нашем. Спасибо за них — многому учат. Но все ждут от вас большого романа о войне. Вот и меня напутствовали — спросить, как дело движется, что на душе у вас, когда за перо беретесь!

— Первую часть я уже почти закончил, на вторую и третью есть наброски. Над второй вот-вот, Бог даст, работать начну, «Плацдарм» называется. Но я пока все три части не сделаю, не буду публиковать. Потому что у меня есть свойство — буду делать третью, возвращаться к первой. Поскольку у меня нет ни планов, ни записных книжек, это все идет стихийно. Теперь уж меня не переделаешь, я уж буду так держать. Я, между прочим, в романе все оставил так, как было, почти все фамилии, которые я помню, особенно в первой части. Поскольку речь идет о запасном полке, оставил место действия, округ, все, что видел. Если уж меня будут терзать, то за первую часть.

Смертность была большая. И я это все в романе оставил — и матюки, и грязь, и обращение — все, все, все. Поэтому я должен быть предельно документальным в первой части. Если меня начнут зажимать, скажу — пожалуйста, поезжайте, посмотрите, расспросите. Где-то еще есть живые воики. Знаете, почти все солдатики оставили мемуары, карандашиком или как-то... И не все мемуары газетного порядка. У меня вот умер недавно в Оренбургской области мужик — Иванов его фамилия была, — писал мне письма. Это же прелесть, забубенные какие-то, неумывные...

— Бери и публикуй, как большую литературу!

— Бери и публикуй. Замечательно! Я хлопотал ему пенсию. Пока хлопотал, пока разрешили, он не выдержал — хлоп, и умер. Не получил ни разу.

Но большинство мемуаров пишется, конечно, как выдумали выступать перед пионерами в школах. Над ними смеются в школах, кривляются пионеры: «Все это мы слышали уже!» Потом все-таки истинные, кто в окопах был, они не идут выступать: «А чего я там расскажу, как землю копали?» А если идут, то рассказывают какую-то «болванку», которую изготовили по чьему-то лекалу, по подсказке.

И «литературы» военной вороха написано, толстенных томов сотни и тысячи. С Александром Трифоновичем Твардовским я всего-то с четверть часа беседовал однажды, и разговор как раз об этом шел. «Это хорошо, — сказал он, — что бывшие рядовые начинают писать. У них совсем не тронутый материал. Пишет о войне наш брат военный журналист, офицеры, генералы, тыловые работники. Вы Быкова читали? Знаете?» — «Читал». — «И что же вам хочется написать о войне?» — «Прежде всего хочется написать о запасных полках. Задать вопрос хочется — что это такое было? Зачем?» — «Да-а! Запасные, запасные, — посмотрел куда-то в сторону Твардовский. — Кормили там так и доводили до такого состояния людей, что все они добровольно на фронт присились». Это заявление, по тому времени не только откровенное, но и весьма смелое, мне в душу запало. Также — посох памяти.

— Василия Быкова вы уже назвали. Кого еще из фронтовиков уважаете за память и правду! Константина Воробьева, Виктора Некрасова — кого!

— Ну, кого все, кого вы уважаете, того и я. Не так уж их и много всех-то: Воробьев, Кондратьев, Ваня Акулов, покойничек, Василь Быков... Те же Бондарев и Бакланов, хоть и ругаются между собой, но раннее у них очень хорошее, чего уж говорить-то. Вот Володя Сапожников — у него хорошие рассказы. Юра Гончаров в Воронеже, почти не упоминаемый, забытый. Ваня Акулов с его «Крещением» — романом великолепным совершенно. Витя Курочкин, покойничек. Покойничек Некрасов. Ну, Гроссман, как бы к нему ни относиться, писатель великолепный все-таки. Вот и весь круг. Раз, два и обчелся.

— И тем не менее, совсем недавно создана ассоциация писателей-баталистов...

— Да, у нас «романистов» наплодили полно, у нас военных писателей полным полно. Но их читать-то невозможно. Это ж все выдуманная война, выдуманные идеи. Причем люди пишут, которые были на войне. Их приучили выдумывать.

Я вот знаю одного такого в Перми. Он

все писал толстые романы, у них и названия какие-то.. Орденов—до пупа. Рассказчик! Начнет про войну рассказывать—ну залюбишься, заслушаешься. Но как сядет писать! Товарищ комиссар вынул пистолет из кобуры, сурово насупил брови и зычным голосом вскрикнул: «За Родину! За Сталина!» И все дружно закричали «ура!» и топающей толпой побежали за ним, и через пятнадцать минут противник был сметан и драпал в панике...» — так примерно. И роман можно издавать. И вот это то отварило читателя молодого. А парень-то хороший. Кто ему мозги свихнул? Идеология наша свихнула, так заставляли. А исправиться уже не мог.

Я уж говорил в «Литературке» и еще раз повторю, коли зашла речь о военной литературе и коли ваш журнал военный, что настало время писать о войне по-другому. Сегодня, когда существует довольно большая мировая литература о войне, дающая о ней представление, как о кровавой бойне, перед художником стоит задача написать свою войну. Сейчас писатель, как я понимаю, должен больше осмысливать происходившее. Вникать в него. Размышлять вслух. Беседовать с глазу на глаз с читателем. Помню, меня «воспитывал» в Москве один генерал-лейтенант, когда вышли в «Правде» мои заметки фронтовые «Там, в окопах». Газету разложил, где у него все подчеркнуто красным и синим карандашом. «Где вы это видели?» Я говорю: «Товарищ генерал, больше не буду!» Он и доволен: «Ну и не надо! Вот молодец, все понял!»

Да, все я уже понял! Меня ведь некоторые прямо отплетым каким-то считают, как же — ни в пионерах, ни в комсомоле, ни в партии не состоял! Ужас! Ой, беда, беда, свихнули мозги у народишка! Народишко молодой, зеленый...

— Ну что делать-то!

— Господь, Господь поможет!

— Здесь, на земле! Мне, к примеру, офицеру, журналисту!

— Внутренняя совесть. Ведь дожили до сорока лет — наверное, преступлений не совершили, не украли ничего. Ну, пообманывали маленько в газетенке там где-то. Я в районной работал, такая газетка маленькая, и то наврал очень много. Но это все мы, кто в журналистике советской поработал, всех, как только туда в ад попадем, всех на сковородку, вместе — военных с погонами и нас без погон — всех на сковородку посадят голой задницей.

— Ну, это там. А теперь-то! Как поправить мозги народу, какой верой душу наполнить?

— Ребятишки-то есть?

— У меня сын.

— Ну вот! Нам-то уже... Мы и вы, социалетные, можем, вероятно, не подличать, чего-то там не делать лишнего в сутее, не добавлять лжи, подлости. Главное — не добавлять лжи. А ребятишкам что-то надо. Трудно учиться надо. Труд — все, всему голова. От безделья все наши беды: бандитизм, преступность — это ж бездельники совершают...

Хороших людей все-таки больше, чем плохих. Еще какая-то часть народа работает. Ни шатко ни валко, но работает, хоть и мешают ей работать. На неотлаженном производстве, с плохой дисциплиной, но работает. Худенькие, но дома строят. И осталась еще совесть, порядочность в душе. Не дай Бог, если мы перейдем грань, когда плохих людей станет больше, чем хороших! Тогда — конец! Тогда уже необратимо. И сейчас надо все меры принимать к тому, чтобы приостановить это безумство, это разложение, разрушение. Пока нам о движении вперед говорить рано. Если в экономике такое, может быть, возможно, хотя не знаю, как экономика возможна без радетьельного работника, без духовно богатого человека. Ну, наверное, возможна при современной технике, то поправка наша нравственная возможна только... Но не дай Бог эту пропорцию нарушить! Тогда конец!

Пока она не нарушена, пока хороших людей больше, чем плохих. Пока совершается какая-то душевная работа, а она совершается — открытие епархий, общение с теми же духовниками об этом говорит, — что тянется молодежь. И само движение политическое, общественное, оно показало хотя бы то, что при свободе какой-то мы не можем жить совершенно. То есть, если пряник у нас еще можно отнять, то хлуп — никак. Не можем — разболтанность, разгильдяйство полное начинается. И вот тут мы грань эту можем как раз перейти. Нужны порядок и дисциплина. Но не посредством насилия, конечно. Посредством своего самоусовершенствования.

И конечно, надо начинать с детей. Мы можем, если реально говорить, только остановить это безумство, разруху хозяйства, разруху души, но при большом усилии, при большом старании. Двигаться вперед мы пока не можем, требуется одно-два поколения. То есть смена самих учителей, которые будут без демагогии. Мы ведь тратили страшно много времени в школах и вузах на пустые науки. Господи, зачем? В это время буржуи учили людей уму-разуму, технике. А мы — марксизму-ленинизму. Первый экзамен. Не сдал его, значит, другие не примут — что за безобразия!

Вот только надежда на это, что хорошее пока больше, чем плохого. Вот пока еще природа жива у нас, как ни стараются заживо похоронить Сибирь. Во всяком случае я еще живу, хоть наполовину, но

еще среди живой природы — вон, видите в окно, какая красота!

Ох, надо сейчас работать! Руками работать, головою, сердцем. Душу верой заполнять.

* * *

Енисей, великая река, нес в океан темные и студёные свои воды. Как и обещал мудрый сибирский провидец каких-то три часа тому назад, погода-таки рухнула: ледяной дождь прогнал с улицы продавцов матоньких местных яблочек—ранеток и огромных привозных арбузов. Тепло гостиничного номера не было домашним теплом. Перелистывал подаренную писателем книгу и тут же запозжил бумажкой понравившуюся фразу, потом еще одну, еще... Не заметил, как оперился томик закладками. А ведь все это уж читано было раньше. Да, видно, не было тогда у меня зрячего посоха. Был просто любимый писатель.

А вот и о нем самом нашел строки, прямые, самооценочные: «Я понимаю, что не всем людям мое имя и работа моя по нутру, да и есть целая категория людей, которым я совсем не хотел бы быть «по нутру», и пишу совершенно иногда осознанно для того, чтоб растревожить, если не ушибить это самое нутро».

Да, взаправду определил в писателе один из его товарищей натуру озороватую, умеющую настоять на своем. Я бы еще добавил — с верой в душе.

Тот автор из «Нового времени», что выхватил из встречи с писателем лишь одну его горькую фразу, дальше философствовал: «Ни одному интеллигенту, даже русскому, не раскрыть суть русского человека. Это потруднее, чем подвести под какую-либо концепцию. Тем более, что любой интеллигент, по необходимости рационально связывающий мысли, что отнюдь не органично для русского духа, — уже немного иностранец в России...»

Так вот этот «немного иностранец» из «Нового времени» почувствовал, как велика наша (его ли! — Б. К.) страна, проехав десяток тысяч километров. Велика—значит, есть достаточно места для ссылки. Вот какой «философский» вывод!

Другие визитеры сидели в холле гостиницы, поочередно соединяясь со своими родинами. Один кавказец кричал своему софирмачу через тысячи километров: «Срочно найди какой-нибудь автокран и высылай сюда. Хоть старье, лишь бы чуть шевелился — леса получим, сколько хочешь!»

А русский интеллигент, с непокорной мятущейся душой, кричал в это время со

страниц «Свободной трибуны писателей»: «Кедры пьют в сплав, хотя это категорически запрещено. Каждое третье бревно—кедр. И большинство не знает, что это кедр: он, срубленный, очень похож на сосенку. А кто-то из сплавщиков старых, из этих обманщиков, крокодолов, волков советских, и знает—промолчит. Да что там—по лжи живем, по лжи!»

Жаль, ей-богу жаль, что «Литгазету», по собственному ее убеждению и настойчивому убеждению артиста Ширвиндта, читают лишь в интеллигентных семьях. Значит, не услышат астафьевского крика его и мои земляки — лесорубы и сплавщики. А будут продолжать ломать Сибирь, к вящему удовольствию автора «Нового времени», уже увидевшему ее сложенной.

Нет, не верю я в это! Потому что теперь зародилась в душе другая вера.

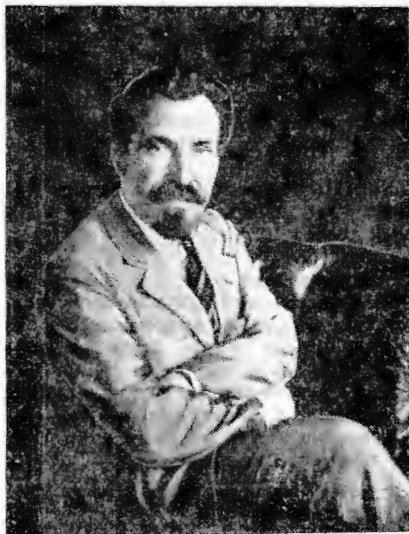
Виктор Петрович прочитал запись нашей беседы, взял ручку и сделал собственноручный постскриптум:

«Пока готовился этот материал, в Верховном Совете произошло голосование за продление испытания водородного оружия — против четыре голоса. Вот и вся мораль, чего и толковище разводите. А от Новой Земли до наших берегов совсем близко, и не верю я в безвредность этих испытаний, как не верят им семипалатинцы, да и все советские люди...»

С писателем В. Астафьевым беседовал подполковник Б. Карпов.

НАРКОМЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Надеемся, что жажда сенсационных разоблачений уже прошла. Хочется верить — настало время спокойного, научного, исторического анализа нашего запутанного, до неузнаваемости оболганного прошлого. Поэтому по многочисленным просьбам читателей мы вводим рубрику «Наркомы внутренних дел». Ее открывает материал о профессиональном революционере, а затем крупном партийно-государственном деятеле, который первым занял этот ответственный и, увы, в нашей стране небезопасный пост.

ВРЕМЯ АЛЕКСЕЯ РЫКОВА

ШТРИХИ
К ПОЛИТИЧЕСКОМУ
ПОРТРЕТУ

Алексей Иванович Рыков родился 13 февраля 1881 года в Саратове. Член РСДРП с 1899 года. Был делегатом ряда партийных съездов, членом ЦК РСДРП. Большевик. Принимал участие в подготовке и проведении вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 года. В первом Советском правительстве ему был доверен пост наркома внутренних дел. В опубликованном ВЦИК списке народных комиссаров фамилия Рыкова стоит вслед за Лениным.

Это не случайно, ибо занимаемый им пост являлся в то время фактически вторым по значимости в правительстве. Функции руководимого Рыковым наркомата были чрезвычайно широки: от установления систематической связи высших органов власти с местными Советами и организации новой милиции до налаживания коммунального хозяйства. Эти и другие задачи лавиной обрушились на народного комиссара внутренних дел. Немедленно был разработан и введен в действие дек-

рет «О рабочей милиции». В нем предлагалось всем Советам учредить рабочую милицию, работающую под их руководством. Военным и гражданским властям предписывалось содействовать вооружению милиции и снабжению ее техническими средствами.

А. И. Рыков подписал указанный документ на следующий день после избрания в Совнарком, 28 октября (10 ноября) 1917 г. Эта дата и теперь отмечается как День советской милиции, только на долгие годы «забылось», кто подписал декрет о ее создании...

Другой законодательный акт, подписанный в те дни рукой Алексея Ивановича, — «О передаче жилищ в ведение городов». Тем самым было положено начало знаменитой в свое время «войне этажей» — переселению представителей городских низов из подвалов и трущоб в квартиры зажиточных горожан.

Созданные для борьбы против контрре-

480

волюции и охраны общественного порядка органы внутренних дел проделали большую работу по защите завоеваний революции. К сожалению, в дальнейшем их деятельность была сложной и противоречивой. Много было сделано ошибок и просчетов, приведших к негативным явлениям и деформациям. Поэтому в процессе перестройки ведется обширная работа по обновлению общественно-политических структур, реформированию органов правопорядка. При этом особую значимость имеет использование опыта их работы в первые годы Советской власти.

Непросто складывалась работа рабоче-крестьянского правительства. Одним из первых стал вопрос о расширении его социально-политической базы. Рыков и некоторые другие члены ЦК стали добиваться включения в состав Совнаркома представителей других социалистических партий, создания коалиционного правительства. Такая позиция была осуждена большинством состава ЦК партии большевиков. В ответ Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков, В. П. Ногин и В. М. Милютин заявили о своем выходе из Центрального Комитета, а последние трое и из состава правительства. Позднее, объясняя случившееся, Ленин отметит, что «...все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты... Без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены».

В мае 1918 г. Рыкова назначают председателем Высшего Совета Народного хозяйства (ВСНХ). Эту должность он занимал до 1921 г., а также в 1923 г. На ВСНХ были возложены задачи подготовки перехода от рабочего контроля к непосредственному управлению народным хозяйством на основе национализации банков, промышленности, транспорта и т. д. Главной задачей председателя ВСНХ стало обеспечение функционирования центрального народно-хозяйственного аппарата, превращение его в подлинный орган руководства экономической жизнью.

Работа Алексея Ивановича в ВСНХ начинает сейчас постепенно привлекать внимание исследователей. Но вне поля зрения специалистов все еще остается его военная деятельность, особенно ярко проявившаяся в 1919—1920 гг.

Как известно, при ВСНХ в ноябре 1918 г. была учреждена Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии. Она сыграла свою роль в мобилизации ресурсов для обеспечения боевых действий Красной Армии. Однако бешеный накал борьбы на фронтах летом 1919 г. вызвал необходимость объединения всего дела военного снабжения не на коллегиальной основе, а в одних руках. Поэтому июльский (1919 г.) Пленум ЦК принял постановление о централизации снабжения армии. Решение этой задачи поручили А. И. Рыкову, который в

области организации военного снабжения получил диктаторские полномочия.

Это решение в нашей исторической литературе до последних лет не только не анализировали — о нем не упоминали. Между тем оно примечательно. В критический момент жизни страны ЦК партии пошел на беспрецедентный, смелый шаг — выдал диктаторский мандат, дававший его обладателю неограниченные полномочия в тылу советских войск. Такой мандат ЦК мог выдать лишь человеку, облеченному его полным доверием, исходя из твердой уверенности, что он сделает все, чтобы реализовать полученные права только в интересах дела. Не является ли это одной из убедительных характеристик политического облика большевика Рыкова, его морально-этических качеств?

Постановление ЦК о предоставлении Рыкову диктаторских полномочий было реализовано декретом ВЦИК 9 июля 1919 г. «Об изменении в организации дела снабжения Красной Армии». Этим декретом Алексей Иванович назначался на вновь учрежденный пост Чрезвычайного уполномоченного Совета рабоче-крестьянской обороны по снабжению Красной Армии и Красного Флота (ЧУСО).

Просматривая сейчас выходящий в 1919—1920 гг. «Бюллетень Чрезвычайного уполномоченного Совета обороны по снабжению Красной Армии», поражаешься многообразию сделанного. Не будем идеализировать степень снабженности Красной Армии и Флота, однако самое необходимое, а точнее максимально достижимое в тех условиях, было обеспечено. Ленин отметил это лаконичной фразой: «Рыков, когда работал в Чусоснабарме, сумел подтянуть дело, и дело шло» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 45. С. 114).

За заслуги в организации снабжения Красной Армии и Флота Рыков был награжден орденом Красного Знамени. В апреле 1920 г. он избирается в состав Оргбюро ЦК РКП(б). В мае 1921 г. в связи с болезнью Ленина назначается заместителем председателя Совнаркома. В апреле 1922 г. Алексей Иванович — член Политбюро ЦК.

Весной 1921 г. начался поворот от системы «военного коммунизма» к новой экономической политике. Рыков принимает активное участие в разработке ее теоретических проблем и практическом их осуществлении. Забегая вперед, скажем, что именно отношение к данному вопросу предопределило дальнейшую его судьбу. На наш взгляд, он являлся наиболее последовательным представителем партийно-государственного руководства в реализации новой экономической политики. В этом можно убедиться, изучая его избранные труды, впервые изданные после шестидесятилетнего перерыва (См.: Рыков А. И. Избранные произведения.—М.: Экономика, 1990). Они еще и свидетельствуют о успешности утверждений ряда публицистов, что в его

наследии «нет крупных теоретических работ».

В докладе на IV съезде Советов народного хозяйства (май 1921 г.) Рыков указывал, что переход к НЭПу далеко выходит за рамки замены продразверстки продналогом. В числе первых он правильно понял стержневой смысл новой экономической политики — образование свободного рынка, стимулирующего подъем не только сельского хозяйства, но и промышленности. Поэтому предлагалось коренным образом изменить методы хозяйствования, действовать не путем приказов и монопольного положения, а лучшей работы, экономической конкуренции, изучения местного рынка.

В следующем, 1922 г. вышла брошюра Рыкова «Хозяйственное положение страны и выводы о дальнейшей работе». В ней проводился теоретический анализ основных вопросов начального этапа НЭПа, обосновывалась необходимость и определялись конкретные пути организации союза, или, как тогда говорили, «смычки» между сельским хозяйством и промышленностью, рабочим классом и крестьянством.

Большое внимание Алексей Иванович уделял развитию торговли, кооперации, проведению правильной финансовой политики, внедрению хозрасчета, соблюдению режима экономии. Предлагал вести решительную борьбу с расточительством, спекуляцией и взяточничеством.

Сейчас мы тщательно изучаем экономическое наследие А. И. Рыкова. Разумеется, речь не идет о восстановлении НЭПа. Другая историческая обстановка, другие задачи. Но исследование роли в строительстве нового общества таких категорий, как товарно-денежные отношения, хозрасчет, рынок, кооперация, сочетание личных и общественных интересов в обновлении общественной системы в рамках социалистического выбора, представляет значительный интерес.

С февраля 1924 г. А. И. Рыков возглавил Совнарком СССР и РСФСР, а с января 1926 г. — Совет Труда и Оборона. На этих высших государственных постах Алексей Иванович вел многогранную работу в области внутренней и внешней политики. В центре внимания находились проблемы осуществления ленинской концепции социалистического строительства на основе новой экономической политики. Они получили обстоятельное развитие в докладе Рыкова на XIV партийной конференции «Деревня, НЭП и кооперация», в его отчете III съезду Советов СССР (1925 г.). Политика партии и правительства в деле индустриализации страны, принципиальные вопросы социалистического строительства изложены в его докладе на XV партконференции (1926 г.) «Хозяйственное положение страны и задачи партии». Он подчеркнул, что «народное хозяйство Союза проходит переломный фазис своего развития от так называемого «восстановительного» периода

к новому этапу, для которого характерным является осуществление политики партии, определенной на XIV съезде как курс на индустриализацию».

Следует подчеркнуть, что Рыков был наиболее последовательным и стойким защитником ленинизма от нападок различных оппозиционеров. В выступлениях на XIV партийной конференции, на XIV съезде ВКП(б) (1925 г.) он подверг критике экономическую программу представителей «новой оппозиции» Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева. «Они доказывали, — говорил Рыков в речи при открытии XIV съезда партии, что социализм в СССР без пролетарской революции на Западе нельзя построить из-за технической отсталости хозяйства. Мы отвечали, что при правильной политике нашей страны мы его построим... можем».

Борьба с Троцким в 1923—1924 гг., поражение Каменева и Зиновьева на XIV съезде ВКП(б) стали основными вехами свершившегося раскола в высшем звене партруководства, что создавало новые возможности для дальнейшего утверждения власти Сталина. Поэтому Рыков, выражая настроение многих делегатов, заявил на съезде: «Общий интерес партии заключается в том, чтобы Сталина, Зиновьева, Рыкова, Каменева и всех нас запрячь в одну запряжку». Затем он убежденно отметил, что «никогда и ни перед кем, ни перед Сталиным, ни перед Каменевым, ни перед кем-либо другим, партия на коленах не стояла и не станет». Его слова делегаты встретили аплодисментами.

Взгляды оппозиционеров были подвергнуты серьезной критике в выступлении Рыкова на XV съезде ВКП(б) (1927 г.). Закрывая съезд, он сделал вывод о том, что страна приступила к осуществлению программы социалистического строительства.

Эта программа была изложена им в докладе «Директивы по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства», в основе которого лежала идея индустриализации страны как главного пути развития социалистической экономики. Вместе с тем подчеркивалось, что такое развитие должно и может происходить только одновременно как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, ибо они неразрывно связаны между собой. Поэтому XV съезд ВКП(б), обсудив доклад А. И. Рыкова о работе в деревне, призвал осуществлять курс на добровольное кооперирование крестьянства, проводить по отношению к нему дружественную политику, объединять сельских тружеников в различные виды кооперации, оптимально сочетать снабженческо-сбытовые кооперативные объединения с производственными. В последние крестьян можно привлечь только экономическими преимуществами, исходя из принципа добровольности. В этих условиях будет происходить процесс вытеснения и «ограничения кулачества, а не его насильственного раскулачивания». Всестороннее развитие

села создает реальные возможности для высоких темпов индустриализации. Основным регулятором «смычки» города и деревни должны быть товарно-денежные отношения. Социалистические преобразования страны возможны, подчеркивал Рыков, только на базе сохранения новой экономической политики.

Вполне понятно, в условиях НЭПа развитие экономических методов хозяйствования означало развертывание демократизации общественно-экономической жизни. Однако многие коммунисты видели в этом опасность реставрации капитализма. Административно-приказные формы и связанная с ними экономическая и политическая централизация, казалось, могли дать наиболее быстрый, «зримый» эффект, что наглядно проявилось в ликвидации «хлебного кризиса» 1927—1928 гг., ставшего точкой отсчета в размежевании этих двух направлений общественно-экономического развития страны.

Анализ причин хлебозаготовительного кризиса был в центре внимания апрельского и июльского (1928 г.) Пленумов ЦК ВКП(б). Здесь выявились коренные расхождения в позициях А. И. Рыкова, его сторонников и сталинского окружения. Рыков, Бухарин, Томский усматривали причины «хлебного кризиса» в несовершенстве экономического механизма хозяйствования, в частности, в перекосах ценовой политики. В соответствии с этим они предлагали методы выхода из кризисной ситуации — экономические. Сталин же кризис хлебозаготовок объяснял в основном «кулацкой стачкой», тем, что «растет и богатеет деревня». Он настоял на применении административно-волевых методов, чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовительной кампании. В дальнейшем, на рубеже 20-х — 30-х годов, этот вариант обернулся социальной драмой сталинской «революции сверху» — развертыванием насильственной всеобщей коллективизации деревни, резким форсированием индустриализации, ликвидацией НЭПа, началом установления авторитарно-командной системы и пр. Эти и другие негативные процессы оказали воздействие на весь последующий ход истории советского общества вплоть до наших дней. И сегодня являются, пожалуй, одной из самых «болезненных точек» в осмыслении пройденного страной пути.

Убежденный в правоте своих взглядов на способы строительства нового общества, Рыков настойчиво отстаивал их. Он пошел на временный компромисс со Сталиным, поддержав в январе 1928 г. чрезвычайные меры как меньшее зло, но выступил против их повторения в будущем. Призывал беречь и укреплять союз рабочего класса и крестьянства как бесценное достояние революции. В марте 1928 г. в речи на Пленуме Моссовета Рыков выступил против скатывания к методам «военного комму-

низма», осудил предложения о ликвидации НЭПа.

На апрельском (1929 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) А. И. Рыков предложил конструктивный план выхода из кризисной ситуации, дальнейшего развития народного хозяйства по социалистическому пути. Суть его заключалась в нормализации общественного воспроизводства на основе товарно-денежных отношений, т. е. НЭПа.

Однако обоснованная и умеренная политика Рыкова была объявлена антисоциалистической, так называемым «правым уклоном» в партии. В декабре 1930 г. А. И. Рыкова вывели из состава Политбюро, освободили от должности Председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона. В различных органах печати против него развернулась клеветническая кампания. До 1937 г. он работал наркомом связи. Прошел «чистку». Из партии его не исключили. Но в 1934 г. перевели из членов ЦК в кандидаты в члены Центрального Комитета. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. ему были предъявлены обвинения в антисоветской деятельности.

В марте 1938 г. на судебном процессе по делу так называемого «правотроцкистского блока» он был обвинен в шпионаже и измене Родине, убийстве партийных и государственных деятелей, организации кулацких восстаний.

Недавно эти и другие нелепые, чудовищные обвинения сняты. А. И. Рыков восстановлен в рядах партии.

В современной литературе часто возникает вопрос о степени ответственности старой партийной гвардии за то, что произошло в стране в конце 20-х и последующие годы. Представляется, ответ на этот вопрос не может быть получен вне изучения истории большевизма в рассматриваемый период. В развернувшейся тогда внутрипартийной борьбе особую роль сыграли Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев. Свою меру исторической ответственности несет и Рыков. Он — один из старых большевиков, которые активно включились в борьбу сначала с троцкистской, а затем с «новой оппозицией».

Втянутый в водоворот внутрипартийной схватки, Рыков оказался в числе тех, кто невольно способствовал возникновению той обстановки в партии, которую использовал в своих интересах Сталин. Он, а также Бухарин и Томский, другие члены Политбюро ЦК не сумели вовремя осознать, что личные негативные качества последнего (а они их, конечно, видели) могут «получить решающее значение», как то было четко отмечено в ленинском «Завещании».

Все это обернулось подлинной драмой для А. И. Рыкова и других революционеров-ленинцев.

Полковник запаса В. КУПЦОВ,
доцент, кандидат исторических наук.

Подполковник Владимир СИЛКИН

Владимир СИЛКИН родился в 1954 году в городе Рязске, что на Рязанщине. Службу проходил в Приморье. После окончания Военно-политической академии имени В. И. Ленина переведен в Московский военный округ. Он автор книги стихов «Отсюда Родина видней».

СЕЛО ЖУРАВИНКА

*Журавинка, Журавинка...
В ней, как в зеркале, видна
Не российская глубинка,
А России глубина.*

*И с того здесь в каждом доме
Русским словом дорожат,
Что в родном Нечерноземье
Корни Родины лежат.*

*И с того здесь песни звонки,
Что корнями от земли,
Что они родной сторонке
По наследству перешли.*

*Вдалеке от улиц шумных,
Вдалеке от людных рек
Поселился, видно, умный,
Добрый русский человек.*

*И букашка, и травинка
Ему радовали глаз.
И, конечно, Журавинка
Не случайно родилась.*

*Родилась под вечер синий,
Что ложился на поля,
Потому что нет России,
Нет земли без журавля.*

*Разрослось село, привстало,
Разбери, кто коренной.
Всем оно отныне стало
Самой лучшей стороной.*

*И, как встарь, здесь пашут пашню,
Сеют хлеб, растят солдат,
И на мир, порою страшный,
По-хорошему глядят.*

МИШКА

*До утра не станет тише:
В доме крику — не поспишь.
Раскричался на ночь Миша,
Мишка, месячный малыш.*

*И хлопочут папа с мамой
У коляски, чуть дыша:
— Спи, хороший, спи, упрямый,
Офицерская душа!*

*Папа — песней, мама — лаской
Сына просят замолчать,
Но ему в коляске тряской,
Видно, нравится кричать.*

*Голосит, как только может,
Нипочем ему мольба.
И всего-то месяц прожил,
А усвоил: жизнь — борьба!*

ГУСАРЫ

*Натянуло узду государство,
Приструнив офицеров своих,
Не осталось у них от гусарства
Ничего, кроме звезд золотых.*

*Ничего, это, в сущности, много.
Вместо масти ценнейшей коня
Лишь дорога, сплошная дорога,
На которой немало огня.*

*Разъезжают, собрав чемоданы,
Обживают чужие углы
Повидавшие жизнь капитаны,
Чьи виски бессердечно белы.*

*И мечтают, что, может быть, скоро
Жизнь представится в полной красе:
Неожиданно выйдут в майоры,
Да и то, вероятно, не все.*

*Все мечтают, покуда не стары,
Отдохнуть от контузий и ран,
Современной закваски гусары
С орденами за душный Афган.*

482

• КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА •

Анатолий
БЕЗУГЛОВ

ТАЙНА ЯХТЫ ЭЛЕГΙΑ

В.

— Ладно, Женя, — выдержав паузу, сказала Дагурова. — Теперь расскажи, с какой целью ты стрелял в человека в сквере возле яхт-клуба.

Обвиняемый глубоко вздохнул, посмотрел в потолок.

— Отпираться, надеюсь, не будешь? — продолжала следователь.

— А чего отпираться. Можно сказать, тепленького взяли... А стрелял я, чтобы поугатать.

— Давай договоримся не играть в детские игры. Отвечай серьезно. Согласен?

— Согласен...

— И правда, — добавила Ольга Арчиловна. — Когда летят поугатать, стреляют в воздух. А ты ранил человека из боевого оружия, которое у тебя изъяли. Знаешь хоть, в кого стрелял?

— Знаю, — тихо проговорил обвиняемый. — Сыскаря.

— Подполковника милиции, — уточнила Дагурова. — Фамилия его Латынис... В армии хорошо стрелял?

— Был отличником боевой и политической подготовки, — не без гордости ответил Мухортов.

— Выходит, промахнулся?

— Выходит, — уставился в пол обвиняемый.

— Чем же тебе насолил Латынис?

— Ничем, — поспешно ответил Евгений. — Меня попросили стрельнуть.

— Кто?

— Один парень.

— Фамилия?

— Не знаю, — стараясь не глядеть на следователя, сказал Мухортов. — Кличка у него Борода, зовут Жора.

— Это он был с тобой в сквере?

— Да.

— Где живет этот Жора по кличке Борода? Чем занимается?

— Не знаю.

— Выходит, любой человек попросит тебя: убей, мол, такого-то, и ты выполняешь? — усмехнулась следователь.

— Конечно, нет! — вскинул на нее глаза обвиняемый и тут же отвел. — Борода снабжал меня марфафом.

— И за Шмелева тоже наркотиком расплатился?

— К-какого Шмелева? — от испуга стал заикаться Мухортов.

Ольга Арчиловна показала ему снимок

повешенного. У Евгения на лбу выступили капли пота.

— Это не я, — дрожащим голосом проговорил он.

Дагурова зачитала ему документ:

— «...На клавишах и табуляторе пишущей машинки «Рейнметалл», принадлежащей Шмелеву, имеются отпечатки указательного и среднего пальцев правой руки Е. С. Мухортова...» — Следователь взяла другую бумагу. — «...На листе бумаги с текстом «Никто не виноват устал» имеются потожировые выделения, идентичные потожировым выделениям Е. С. Мухортова. Его же потожировые выделения обнаружены на рычаге передвижения каретки пишущей машинки «Рейнметалл», на клавишах и табуляторе...» — Она протянула бумагу Евгению. — Можешь сам ознакомиться с заключением экспертов.

Обвиняемый прочитал документы, молча вернул Ольге Арчиловне.

— С наукой не поспоришь, — сказала она. — Отпираться бессмысленно. Ты был в квартире Шмелева, когда его избили и повесили.

— Не бил я! — с отчаянием произнес Мухортов. — И не вешал!

— А кто?

— Жорка это все! Жорка Борода!

— Один?

— Да... — ответил Мухортов, но в его словах послышалась неуверенность.

— Евгений, мы же договорились, — покачала головой Дагурова. — Никогда не поверю, что с таким делом — повесить человека — можно справиться в одиночку. Кто-то держал, кто-то накидывал петлю... Выходит, ты тоже участвовал.

— Ну нет! Честное слово! — в испуге замотал головой Мухортов. — Не подведите меня под вышку!

— Значит, помимо тебя и Бороды был еще кто-то. Ведь так?

В комнате установилось долгое молчание. В глазах Мухортова метался страх. Он, видимо, пуще всего боялся выдать этого третьего. Но брать на себя убийство...

— Шмелева повесили Борода и Сэр, — наконец выдавил из себя Мухортов.

— Сэр, как я понимаю, кличка?

— Кличка. А звать Генрих. Но фамилию я не знаю.

«Знаешь, как миленький знаешь, — подумала Дагурова. — Просто трусишь».

За что был убит бывший следователь облпрокуратуры, что убийцы искали в его квартире? — на эти вопросы Мухортов не ответил, ссылаясь на то, что якобы Боро-

да и Сэр его не посвятили. А согласился помочь только ради наркотиков.

— Без марафета просто сдох бы, — заключил Евгений.

— Хорошо, последний вопрос. Собаку Шмелева устранил ты?

— Я, — легко признался Мухортов. — Мы подкараулили Шмелева в парке, когда он гулял со своим псом. Я словил момент, кинул овчарке кусок мяса с отравой. Она схапала и лапки вверх. Мы ее за-сунули в машину к Жорке. Куда он ее отвозит, не знаю.

— Померла, значит?

— Сдохла, — вздохнул Мухортов.

— Ан нет, Евгений, воскресла. И прибежала в дом хозяина.

— Да? — растерянно заморгал обвиняемый.

— Так что лежи еще, подумай, — начала заполнять протокол Ольга Арчиловна. — В следующий раз, надеюсь, с памятью у тебя будет лучше...

Сумерки в Южноморске наступили рано. Шамиль Асадуллин, прикрепленный к следственно-оперативной группе Дагуровой, подкатил к аэропорту, когда уже были зажжены фонари. Ольга Арчиловна попросила его встретить московский самолет, которым прибывал подполковник Латынис. Шамиль видел его всего раз и боялся проворонить. Он поставил свою «Волгу» в сторонке и отправился к диспетчеру. Самолет задержался. Когда объявили, что он произвел посадку, Асадуллин занял пост у выхода с летного поля. Шофер облпрокуратуры волновался зря: Ян Арнольдович узнал его сам. Поздоровались. Шамиль потянулся за чемоданчиком подполковника, но тот сказал:

— Зачем такие почести?

И не дал свою поклажу.

Сели в «Волгу». Асадуллин влился в поток машин, направляющихся в город. А их было немало. Из-за задержки нескольких рейсов в аэропорт нахлынула масса прилетевших, спешащих поскорее добраться до Южноморска. Приходилось ограничивать скорость.

— Не знаешь, где Ольга Арчиловна? — спросил Латынис.

— В гостинице, наверное. Сегодня ездили в Бузанчи, вернулись в конце рабочего дня.

«Значит, допрос Мухортова наконец состоялся», — отметил про себя Ян Арнольдович.

Асадуллину надоело плестись, он прибавил газу и пошел на обгон.

И вдруг машина кинула вперед и влево, раздался скрежет, треск где-то под двигателем, и «Волгу» резко развернуло. Шамиль нажал на тормоза, крутанул баранку, невероятным усилием удержав машину от переворота. Сзади, сбоку послышался визг тормозов других автомобилей, отчаянно взревели клаксоны.

«Волга» ткнулась опущенным передком в шоссе и замерла наперек дороги. Латы-

нис уперся руками в приборный щиток. Сильная боль пронзила плечо. Там, где еще не совсем затянулась рана...

— Черт, колесо!.. — выругался Асадуллин, вышибая дверцу со своей стороны.

Он выскочил на дорогу, Латынис — следом.

В том и другом направлении по шоссе мчались, как ошалевшие, машины. Столкновения не произошло только благодаря чуду. И мастерству Шамиля. Водители других автомобилей, едва не ставших жертвой аварии, отъезжали от места происшествия, не жалея в адрес Асадуллина крепких слов. Шамиль нагнулся к искореженному крылу. Левого переднего ската как не бывало. Латынис глянул вперед. Отлетевшее колесо крутилось метрах в десяти на дороге.

— Сегодня утром все скаты проверял — сокрушался Шамиль. — Честное слово, Ян Арнольдович! — Голос у него дрожал, руки тряслись.

— Ладно, — успокаивающе похлопал водителя по плечу Латынис. — Слава Богу, живы.

Ян Арнольдович понял: история с колесом не случайна, кто-то «подготовился» к его приезду.

Асадуллин побегал за скатом, к счастью, не причинившим вреда встречным машинам. И только прикатил колесо, как возле них остановился «жигуленок» ГАИ. Из него вылез старший лейтенант милиции. Он успел лишь откозырять.

— Мне нужно срочно связаться с генералом Руновым, — опередил его Латынис, предъявив служебное удостоверение.

В распоряжение подполковника была предоставлена рация. Минут через пятнадцать к месту несостоявшейся аварии подъехала «Волга» с крепкими ребятами в штатском. Латынис вместе с ними вернулся в аэропорт, оставив Асадуллина приводить в порядок свой автомобиль. На прощание Ян Арнольдович посоветовал ему осмотреть машину лучше: мало ли еще какой сюрприз могли приготовить?

— Ей-богу, уйду из прокуратуры! — в сердцах проговорил Шамиль.

Ему еще была памятна авария, в которую он попал вместе с Чикуровым.

В аэропорту удалось выяснить: какое-то время возле «Волги» облпрокуратуры стоял зеленый «Москвич» последней модели. Из него выходили двое мужчин. Повертелись возле машины Асадуллина, затем укатили...

Добрался до гостиницы Ян Арнольдович около полуночи. Дагурова еще не ложилась, волновалась, почему его так долго нет. И, услышав рассказ о происшествии, сказала:

— Война, выходит, продолжается.

— А по-моему, у них сдают нервы. Сегодняшняя история — не самый умный шаг.

— Умный не умный, однако он мог стоить жизни вам и Асадуллину. Загнанный зверь становится особенно опасным.

— Волков бояться — в лес не ходить, — усмехнулся подполковник. — Этим хищников пора обкладывать красными флажками.

— Силенок не ахти, — покачала головой следователь.

— Рунов действует с местными чекистами. Ребята — асы! Обещали тот зеленый «Москвич» хоть из-под земли раскопать. У Анатолия Филипповича должна состояться наша совместная встреча. Для согласования действий.

— Отлично! — обрадовалась следователь. — Очень кстати помощь госбезопасности. — Она сняла трубку зазвонившего телефона. — Слушаю... — Лицо Ольги Арчиловны вдруг стало жестким, и, прикрыв ладонью микрофон, она проговорила: — Быстро узнайте, откуда звонят.

Ян Арнольдович чулей выскочил из номера и побежал в свой.

— Да, я слушаю, — продолжила разговор следователь.

— Смотри, сука, — проговорил в трубке хриплый голос, — если в ближайшее время не смотаешься из Южноморска, пришьем!

Послышались короткие гудки. Ольга Арчиловна положила трубку рядом с аппаратом. Минут через пять вернулся Латынис.

— Звонили из автомата возле кинотеатра «Космос», — сказал он. — Ищи ветра в поле...

— Конечно, — вздохнула Ольга Арчиловна, кладя трубку на рычаг. — И так — каждый вечер. А то и среди ночи. Матерятся, грозят...

Она передала Яну Арнольдовичу последний «ультиматум».

— Голос один и тот же? — поинтересовался подполковник.

— Разные. Мужские и женские.

— А что в Палермо?

— Там, к сожалению, не все однозначно. Свой перстень Гринберг признала...

— Очень хорошо.

— Но она опознала и грабителя — Станислава Ларионова. А у него, как выяснил Рунов, алиби. Я даже не знаю, как теперь расценивать опознание Фаины Моисеевны, я в замешательстве, — расстроено проговорила следователь.

— И напрасно. — улыбнулся Латынис.

Он раскрыл лапку, достал фотографию и протянул Ольге Арчиловне. На ней был заснят полковник милиции.

— Ларионов? — удивилась Дагурова. Латынис кивнул. — Но почему полковник? Когда он успел стать им?

— Не был и никогда не будет, — усмехнулся Ян Арнольдович.

— Ой, Ян Арнольдович, что-то вы крутите! — подозрительно посмотрела на оперуполномоченного следователь.

— Так вот, это действительно Ларионов, — сказал Латынис, — только не Станислав, а Лев. Лев Архипович

— Брат, что ли? — вырвалось у Дагуровой.

— Вот именно. Старший. Разница у них два года.

— Фу ты! — с облегчением выдохнула следователь. — Кто бы мог знать! Похожи как две капли воды.

— Теперь понимаете Гринберг?

— Конечно! Выходит?..

— Да, — подтвердил Латынис. — У Фаины Моисеевны был тогда Лев Архипович. В сентябре восемьдесят четвертого года, когда Станислав находился в Звенигороде, его брат отдыхал в Южноморске. О том, что именно он ограбил Гринберг, свидетельствуют кое-какие вещи, изъятые при обыске.

Ян Арнольдович достал еще два снимка.

— Та самая ваза, — радостно проговорила Ольга Арчиловна, рассматривая цветную фотографию хрустальной вазы, обвинительной золотой виноградной лозой.

— И старинные часы, — добавил Латынис, ткнув пальцем в другую фотографию, запечатлевшую замечательную работу неизвестного мастера в виде расписанного пасхального яйца. — Малахит, серебро, перламутр...

— А где этот самый Лев?

— В клетке, — улыбнулся Латынис. — Задержали.

— Признался?

— Пока молчит. Мне кажется, на что-то или на кого-то надеется.

— Он действительно работает в вашем ведомстве?

— Ни боже мой! — ответил Латынис и добавил: — Хотя мерзавцы с полковничьиными погонами у нас, к сожалению, не перевелись.

— Кто же он?

— Страховой агент. Но, сдаётся, это крыша. Если не хуже — способ разноухать, где можно пожить. Мои коллеги из Звенигорода подозревают, что он связан с рэкетом. Возможно, верховодил.

— Ну и рыбку вы поймали! — воскликнулась Дагурова. — Акулу.

— Это точно. У него не квартира, а музей.

— Интересно, его брат Станислав работал на пару с ним? И вообще, зачем Лев Архипович снялся в милицейской форме?

— Ольга Арчиловна, дорогая, я сам могу назвать еще десяток «почему». Подождем сведений из Звенигорода... Лучше расскажите о Мухортове. Раскололся?

— Не до конца.

И Дагурова рассказала о результатах допроса. Когда она дошла до соучастников, некоем Жоре по кличке Борода и Генрихе-Сэре, Латынис перебил следователя.

— Постойте, постойте, Жора, Генрих, Женя — это ведь команда яхты «Элегия»!

— Вы так думаете?

— Факт. Белов подробно о них рассказывал. Да и по агентурным данным, именно эти молодцы обслуживают Хинчука на яхте. Их фамилия — Георгий Бородин, Генрих Довжук, а капитаном Семен Кочетков, по кличке Бочман.

484

— Ваш знакомый? — улыбнулась Дагурова.

— Он самый. Но зачем Бородин и Довжук убили Шмелева? Как свидетеля?

— Боюсь, Ян Арнольдович, что Николай Павлович больше, чем свидетель. Соучастник...

— Шмелев?! — поразился Латынис. — Чей же?

— Киреева и компании.

— Но ведь он первый начал раскручивать дело. И весьма энергично. Горел, можно сказать.

— И очень быстро потух. Сразу, как только приехал Чикуров. И еще: откуда у Шмелева перстень Гринберг?

— Да-да-да, — закивал Ян Арнольдович, — Смотрите, какая выстраивается цепочка. Фаину Моисеевну ограбил Лев Ларионов. Его брат — правая рука Киреева. Шмелев именно в тот момент, когда уходит на пенсию, почему-то дарит своей внучке перстень Гринберг...

— Вы знаете, я думаю, не перстень ли искали убийцы в его квартире? Очень серьезная улика. Ведь Шмелева убили именно тогда, когда по инициативе Измайлова Рунов занялся поисками грабителя Фаины Моисеевны.

— Вроде сходится. Ладно, пора, как говорится, на боковую. Завтра много дел.

— И первое — допрос Мухортова. Поедем прямо с утра.

— Я считаю, нужно немного повременить. Есть идея. Но ее нужно проверить.

(Латынис рассказал о том, что в командировке ему неожиданно удалось установить личность убитого в телефонной будке возле ресторана «Воздушный замок». Им оказался член-корреспондент Академии наук Ляпунов, которого в Москве давно потеряли.)

В Бузанчи поехали через день. Допрашивала Евгения Мухортова одна Ольга Арчиловна, а Латынис поджидал ее в коридоре больницы.

— Расскажи, за что ты убил Ляпунова? — был первый вопрос Дагуровой обвиняемому.

— А кто это?

— Его пристрелили в телефонной будке. Неподдалеку от «Воздушного замка». Десятинадцатого сентября прошлого года.

— Хоть голову режьте — это не я.

— Ах, Евгений, Евгений, — покачала головой Дагурова и достала из портфеля бумагу. — Вот заключение экспертизы. Пуля, которой был убит Ляпунов, выпущена из того же пистолета, из которого ты стрелял в Латыниса. Ознакомься...

— Знаю, что из того же. Но стрелял в Ляпунова не я, а Сэр.

— Генрих Довжук?

— Он, — кивнул Мухортов, даже не заметив, что следователь произнесла фамилию Генриха.

— Как это было? — спросила Дагурова.

— Мы приехали шмонать Карапетьяна, — начал сбивчиво Евгений.

— Кто это «мы»? Назови фамилии, клички.

— Ну, Генрих Довжук, по кличке Сэр, Жора Бородин — Борода, Сеня Кочетков, кликуха Бодман, и я...

— Твоя кличка?

— Муха.

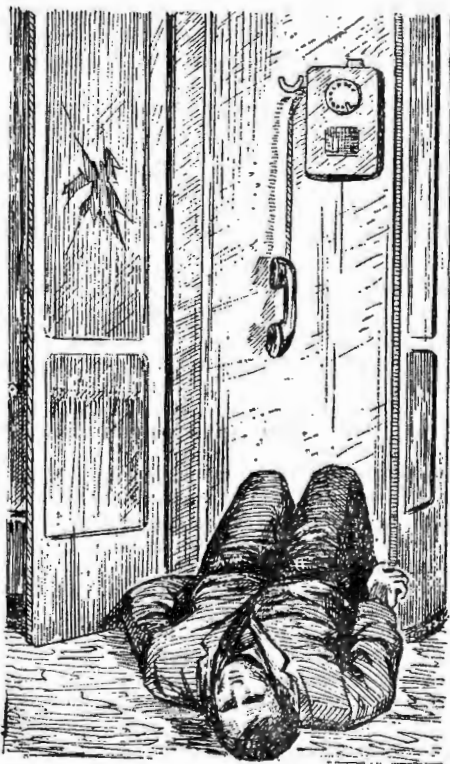
— Хороцо, прододжай.

— Еще раньше, дня за три, Генрих предупредил Карапетьяна: мол, будешь платить каждый месяц пять тысяч. А Карапетьян стал жаться... Мы договорились, что в случае нового отказа обработаем ресторан как надо и еще его дочку того... — Он смущенно опустил глаза. — Прямо при папаше.

— Выходит, Карапетьян не дал денег?

— Не дал. Ну, мы и устроили кипеж. А этот мужик, Ляпунов, побежал в кабинет директора и стал права качать. Сэр врезал ему поддых, но он не успокоился. Тогда Генрих пшикнул ему газом. Ляпунов отключился. Вроде свихнулся, по полу катался, хохотал. Мы и забыли про него. Сделали дело, рванули когти. Отъехали от ресторана. Вдруг Генрих тормознул и подал задом к телефонной будке. Там Ляпунов названивал кому-то. Сэр в него и выстрелил. Мужик упал, а мы рванули дальше.

— Так за что все-таки убили? — спросила следователь.

— Генрих сказал, что тот наверняка стучал в милицию. Ну и убрал его, чтоб не сдал нас.

— А Пронина за что? — продолжала допрашивать Дагурова. — Сторожа автостоянки у ресторана?

— За то же самое. Свидетель...

— Кто принимал участие в убийстве Пронина?

— Генрих, Жорка и Семен.

— А ты, выходит, и тут был ни при чем, — усмехнулась Ольга Арчиловна.

— Я тогда здорово закайфовал.

— А для чего труп Пронина подложили в машину Карапетыню?

— Припугнуть. Из Москвы следователь приехал, так Генрих боялся, что Карапетыня заложит нас.

— Да, Евгений, — как бы вскользь поинтересовалась Дагурова, — за работу на яхте с вами рассчитывался Кочетков?

— Нет, лично Хинчук.

— Владелец «Элегии»?

— Какой он владелец, — махнул рукой Мухортов. — Хинчук сам шестерка.

— У кого?

— Генрих как-то сказал, что всем управляет какой-то пахан по кличке Сова, кто он, что — не знаю...

На обратном пути в Южноморск Ольга Арчиловна рассказала Яну Ариольдовичу о допросе и заключила:

— Я считаю, что всю эту бравую команду с «Элегии» нужно брать.

— Легко сказать, — усмехнулся Латынис, сам сидевший за рулем служебной «Волги». — Попрытались по норам, как крысы.

— А дело Ляпунова, как вы понимаете, придется забрать из городской прокуратуры и пристегнуть к нашему.

— Само собой, — кивнул Ян Ариольдович. — Вдова Ляпунова здесь. Хлопочет, чтобы ей разрешили перевезти останки мужа в Москву.

— Как же Ляпунов оказался в Южноморске? И почему, когда его убили, никто даже не обеспокоился?

— Или не хотел обеспокоиться, — задумчиво проговорил подполковник. — Видите ли, Ольга Арчиловна, у вдовы Ляпунова есть дочь Евдокия. От другого брака.

— Ляпунов, выходит, отчим, — уточнила Дагурова.

— Совершенно верно. Колосов, что занимался его розыском, разговаривал со многими знакомыми Ляпунова. Все, как один, твердили, что он был очень привязан к падчерице, покупал сплошную фирму. К сыну же, оставшемуся у первой жены, относился, наоборот, как к пасынку. Друзья удивлялись: своему пацану на день рождения даже грошового подарка не покупал, а ради чужой дочери готов был снять последнюю рубашку.

— Алименты хоть платил?

— Из зарплаты отчисляли по исполнительному листу... Такую чрезмерную заботу о падчерице объяснял тем, что, мол, жалеет девочку. В детстве ей пришлось

буквально нищенствовать. Какой там импорт! Платица донашивала до дыр. Ляпунов ведь взял ее мать, когда та работала лаборанткой. А это — восемьдесят рэ в месяц.

— К чему вы все это? — нетерпеливо спросила Ольга Арчиловна.

— А к тому. Закончив школу, Евдокия сбежала из дому. Потом выяснилось, что она живет в Южноморске. Пыталась поступить в институт, сорвалась на приемных экзаменах. Но все же удалось зацепиться здесь.

— Что, родители не знают, как живет их дочь?

— В том-то и дело, что Евдокия порвала с ними все отношения. Причина мне пока неизвестна. Мы с Колосовым и подумали: может, Ляпунов приехал к падчерице?

— Нужно найти эту Евдокию, — сказала Дагурова.

— Думаю, вопрос одного-двух дней...

— Я не могу понять, как возникла версия, что Ляпунов журналист? — спросила следователь.

— Понимаете, секретарь Измайлова перепутала. Ведь Ляпунов действительно позвонил в органы. Только не в милицию, а в облпрокуратуру. Назвался членом-корреспондентом. Секретарша первое слово, видимо, не расслышала или просто не поняла...

— Вот в чем дело, — протянула Дагурова. И, увидев, что они уже въехали в Южноморск, спросила: — Вы сейчас куда?

— В облуправление внутренних дел. Хочу попросить, чтобы установить наблюдение за домом некоего Ступака.

— А это еще кто?

— Здешняя знаменитость. Индивидуал. Катают с женой иностранцев на своих шикарных лимузинах. «Роллс-ройс» и «ягуар». Миллионер.

— Нас-то он чем может интересовать? — несколько удивилась следователь.

— Есть информация, что жена Ступака каким-то образом связана с Бородиным.

— Значит, до вечера?

— Прожигать жизнь? — улыбнулась Дагурова.

— Посмотреть на прожигателей. А вас куда?

— К Гуркову. Попрошу санкцию на арест Довжука, Бородина, Кочеткова и Хинчука.

(Латынис, отправившись в отель для иностранных туристов, чтобы завести знакомство с Эвникой в качестве иностранного клиента, пригласил ее в номер и... провел допрос. В результате он выяснил, что южноморский Дом моделей поставил девочек для услд желающим, в том числе знакомым Киреева, а Чинуров был оклеветан.)

Совещание у Рунова было назначено на девять утра. Когда Дагурова и Латынис зашли в его кабинет, в нем, помимо гене-

рала, находился мужчина средних лет в штатском.

— Прошу любить и жаловать — Роальд Матвеевич Котляр, замначальника областного управления КГБ, — представил его москвичам Анатолий Филиппович.

Ольга Арчиловна и Ян Арнольдович назвали сами.

— Ну что же, — продолжал Рунов, — ваше взаимодействие, я думаю, очень даже пойдет на пользу делу.

— А оно уже началось, — сказал Латынис.

— Во всяком случае, мы установили, кому принадлежит зеленый «Москвич», — откликнулся Котляр. — Тот, что стоял в аэропорту возле «Волги» Асадуллина.

— И кому же? — в один голос спросили Дагурова и Латынис.

— Брату Хинчука. А по существу — самому Хинчуку. В основном ездит на «Москвиче» он. По доверенности. По приметам, один из мужчин, что вылез из машины, похож на Хинчука.

— Вот, значит, кто подстроил аварию, — покачала головой Ольга Арчиловна. — Я же говорила Гуркову, что Хинчука надо арестовать!

— Но Хинчук — пешка, — уточнял Латынис. — Больше нас интересует фигура Ступака.

— Давно мы к нему подбираемся, — сказал генерал.

— Давайте подбираться вместе, — улыбнулась Ольга Арчиловна. — Тем более, разыскиваемый нами преступник Георгий Бородин, по кличке Борода, связан с женой Ступака. Кто у вас занимается наркоманами?

Вместо ответа Анатолий Филиппович нажал кнопку селектора и сказал:

— Владимир Иванович, зайдите ко мне.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — откликнулись из динамика.

— Это какой Владимир Иванович? — поинтересовалась Дагурова.

— Ветлугин, — ответил Рунов.

— Тот самый, кто первый вышел на Киреева? — уточнила следователь.

— Он, — кивнул генерал.

— Выходит, променял следственную работу на оперативную? — удивилась Ольга Арчиловна.

— Я соблазнитель, — сказал генерал. — Сагитировал взяться за этот тяжелый воз. Перевели в областной аппарат, повысили в звании.

В комнату заглянул Ветлугин.

— Разрешите, товарищ генерал?

— Проходите.

Владимир поздоровался с присутствующими, присел на стул.

— Вот, — показал на москвичей Рунов, — интересуются Ступаком.

Дагурова рассказала, почему и как их группа вышла на южноморского подпольного миллионера.

— Его так просто не возьмешь, — со вздохом произнес Ветлугин. — Оснащен, как нам и не снилось. Автомобили, катера,

рации. А у меня в отделе всего три человека, одна машина — и та на ладан дышит. Каждый литр бензина вырываю с боем.

— Ладно, ладно, — перебил его генерал, — выделим штаты, машины, бензин будет. Есть уже договоренность.

— А пока техническую сторону мы возьмем на себя, — пообещал Котляр. — И людей подкинем.

— Тогда другое дело, — оживился Ветлугин.

— Не опозоримся перед москвичами? — подмигнул ему Рунов.

— Не имеем права, Анатолий Филиппович, — усмехнувшись, сказал Владимир Иванович.

(При посещении квартиры Снежкова Дагурова и Латынис обнаружили целый архив порнографических снимков, которые южноморские воры использовали для шантажа нужных им людей.)

Сообщение с поста наблюдения прозвучало, когда Латынис ехал по тихой зеленой улочке.

— «Второй», — послышалось сквозь треск радиции, вмонтированной в приборный щиток, — говорит «Седьмой». Во двор Жирного въехала «скорая помощь». Рафик, номер двадцать один-семьдесят пять ЮЖР. Как меня слышите?

— «Седьмой», «Второй» слышит, — ответил Ян Арнольдович, разворачивая «Волгу» в обратном направлении. — Продолжайте наблюдение, будем выяснять, с кем там плохо. Как повяли?

— Понял вас, «Второй», — отозвались в эфире.

Сообщение взвинтило подполковника. Понять это состояние мог бы только свой брат оперативник.

Шли третьи сутки наблюдения за роскошным особняком Жирного — так зашифровали Ступака по предложению Ветлугина. С Владимиром Ивановичем Ян Арнольдович расстался буквально десять минут назад. Ветлугин, как говорится, дневал и ночевал в управлении. По оперативным данным, Ступак что-то затевал.

— «Второй», — словно прочел он на расстоянии мысли Латыниса, — говорит «Третий». Не нравится мне этот визит «скорой». Связываюсь с городской станцией...

— Добро, — откликнулся Ян Арнольдович, даже не называя свой шифр: начальник отдела, конечно же, узнал его. — А я постараюсь быть поближе к Жирному.

На Южноморск опускался ласковый теплый вечер. Улицы были полны народу. В парке, мимо которого проезжал Латынис, огромная толпа любовалась фонтаном со светомузыкой.

— «Второй», — минуты через три снова заговорил Ветлугин, — по ноль три из дома Жирного вызова не поступало.

Голос у Владимира Ивановича был напряженный.

— «Третий», — сказал Латынис, — «Второй» вас понял. А вы, «Седьмой»?

— «Седьмой» тоже понял, — раздалось спокойно в эфире, но тут же интонация «Седьмого» резко изменилась: — Выскочила! «Скорая» выскочила из ворот с сиреной и направилась в сторону рынка.

— «Седьмой», начинайте преследование, — скомандовал Ян Арнольдович, инстинктивно прибавляя скорость. — Но — осторожно.

— Говорит «Седьмой», следуя за объектом.

— «Третий», — продолжал Латынис, — я присоединяюсь к «Седьмому», а вы выезжайте к Жирному. Действуйте по плану номер один.

— «Третий» понял, — быстро проговорил Владимир Иванович.

Ян Арнольдович так и представил себе, как группа захвата стремительно занимает места в автомашинах, и те вылетают со двора управления.

«Кто в «скорой», куда она направляется? — размышлял подполковник, постепенно сближаясь с преследуемыми и преследователем. Последний все время сообщал маршрут. — Интересно, как будут складываться дела у Ветлугина?»

Пока ехали по центру Южноморска, обнаружить себя было опасно — начнется гонка и, не исключено, стрельба. А кругом люди... Но вот «скорая» выскочила на шоссе, ведущее за город, Латынис понял: нужно перехватывать. Беглецы могли уйти.

Ближайший пост ГАИ, получивший приказ остановить «рафик», преступники миновали, не снижая скорости. Теперь «Седьмой» на своем «жигуленке» и Ян Арнольдович преследовали их открыто. Когда «Волга» Латыниса приблизилась к ним на расстояние нескольких метров, Ян Арнольдович включил громкоговоритель.

— Водитель «скорой помощи» номер двадцать один-семьдесят пять, остановитесь! Не подвергайте риску следующие по шоссе машины!

Подполковник повторил приказ несколько раз. Но те, к кому он был обращен, на него не реагировали.

«Рафик» неожиданно свернул с шоссе.

«Так это же дорога к яхт-клубу!» — мелькнуло в голове Латыниса, и он круто повернул руль, вписываясь в немислимый вираж. Однако «рафик» все-таки успел оторваться.

И вдруг откуда-то сбоку, из рощицы, словно дробь дятла, коротко прозвучало: «та-та-та-та!» Стреляли в Латыниса, машину вдруг встряхнуло, подбросило, она завихляла задком.

«Камеры пробили, сволочи!» — сцепил зубы подполковник, бешено вращая баранкой то вправо, то влево, боясь одного — перевернуться.

«Волга» соскочила с асфальта, пошла стричь придорожные кусты, сшибла несколько молоденьких кипарисов и наконец стала.

— «Второй», говорит «Первый», — слышался знакомый одышливый голос генерала Рунова, — доложите обстановку.

Начальник областного управления внутренних дел самолично включился в руководство операцией.

— «Второй» докладывает, — стараясь сохранить спокойный тон, сказал Ян Арнольдович, — нас обстреляли из автомата на повороте в яхт-клуб. Застрел в зарослях...

— Не ранены? — почти крикнул Анатолий Филиппович, которого, по всей видимости, испугало слово «автомат».

— Нет.

— «Седьмой», «Седьмой!» — звал на связь оперативника Рунов.

Но тот не откликался.

«Неужели?!» — екнуло в груди у подполковника.

Он вышиб зажатую ветвями дверцу, выскочил из «Волги» и, разгребая руками кусты, выбрался на дорогу.

«Жигуленок» лежал на шоссе вверх колесами метрах в двадцати. Когда Латынис подбежал к машине, они еще продолжали крутиться. Лобовое стекло, выдавленное из своих пазов, валялось рядом. На нем змеялась паучья сеть трещин, расходящихся от небольшого отверстия. След пули.

Ян Арнольдович присел на корточки, заглянул в салон. Водитель лежал в согну-

той позе. Голова, придавленная тяжестью тела, была залита кровью. Латынис взял пострадавшего за запястье. Пульс не прощупывался...

«Господи! — подумал подполковник. — Я даже ни разу не видел его. Он был для меня лишь «Седьмой»...»

Сзади завизжали тормоза. «Москвич» и мотоцикл с коляской гаишников. Они обступили «жигуленок».

— «Первый», докладывает «Второй», — связался по радию из «Москвича» Латынис. — «Седьмой» убит. Прибыли работники ГАИ.

— Можете продолжать преследование?

— Буду преследовать! — срывающимся голосом ответил Ян Арнольдович.

Уже в «Москвиче», мчавшемся к яхт-клубу, он слышал властные команды генерала, незамедлительные ответы начальников подразделений и их подчиненных. На ноги поднималась грозная сила...

Вот наконец и яхт-клуб. Карету «скорой помощи» Латынис заметил на самом краю причала и бросился к ней с пистолетом в руке. Дверцы были распахнуты настежь, в «рафике» не было ни души. Лишь валялся в салоне докторский халат и белая шапочка.

Мирно, убаюкивающе плескался прибор. Акватория бухты была пустынна, только вдалеке скользил по сине-свинцовой воде катер, оставляя за собой пенящийся буруи. Судно быстро удалялось от берега.

Подполковник побежал назад к «Москвичу», чтобы связаться по радию с Руновым и попросить помощи у береговой охраны.

Первая «Волга» с группой захвата, в которой находился Ветлугин, остановилась метрах в тридцати от ворот виллы южно-морского миллионера. Тут же к машине приблизилась малоприметная женщина.

— Все спокойно, товарищ майор, — тихо доложила она Владимиру Ивановичу. — К Ступаку больше никто не въезжал и не выезжал.

— А на своих двоих?

— Тоже...

Подъехала вторая машина. Несколько крепких молодых людей в штатском быстро рассредоточились вдоль высокой огра-

ды, надежно прятанной от посторонних глаз жизни короля подпольного карточного мира.

Сам Ветлугин с тремя дюжими ребятами подошел к воротам. Тяжелые, с коваными металлическими полосами, они не имели ни одной щели. Ручки или другого приспособления для открывания тоже не было видно.

Майор нажал кнопку звонка. Из невидимого динамика раздался мужской голос:

— Вас слушают...

— Мне бы к Владимиру Ксаверьевичу, — ответил Ветлугин.

— Кто вы?

— Вы меня не знаете, — продолжал майор. — Прибыл издалека, от Лохматого.

«Отмычка» эта стояла долгих и кропотливых трудов на одному оперативнику. И не только в Южноморске...

Соображал и прикидывал хозяин крепости минут пять.

«Неужели не сработает?» — волновался Ветлугин.

— А что, сам он пожаловать побрезговал? — наконец ожил замаскированный динамик.

— Куда ему, — протянул майор. — Вот вот копыта откинёт. Поэтому и торопил гоица, то бишь меня.

На сей раз в особняке думали недолго. Ворота дрогнули и стали медленно расходиться. Как только они раскрылись, чтобы смог проскользнуть человек, туда один за другим ворвались четверо работников милиции. Долговязый, гориллообразного вида мужчина, сидевший на табурете во дворе, и пикнуть не успел, как был вмиг скручен. Тут же вслед за первой четверкой на виллу, напоминающую поместье восточного владыки, стремительно влетели остальные члены группы захвата.

Чтобы добежать до мраморной лестницы особняка, надо было пересечь бархатный малахит газона с фонтаном посередине. Они не сделали и десяти метров, как раздался выстрел со стороны дома.

— Ложнись! — крикнул майор и сам плюхнулся на землю, пахнущую свежескошенным лугом. Газон, видать, стригли совсем недавно.

Из особняка раздался еще один выстрел, потом второй, третий.

— Ступак, не делайте глупостей! — проговорил через усилитель Ветлугин. — Дом окружен, сопротивление бесполезно.

В ответ — снова свинцовый град. Стреляли отчаянно, остервенело, пока не израсходовали весь рожок автомата.

Ветлугин напряженно следил за двумя смельчаками, которые подобрались под огнем к самому входу дома и стояли по обе стороны дверей с пистолетами наготове.

— Ступак, выходите! Бросайте оружие! — крикнул в мегафон майор.

Со второго этажа раздался одиночный выстрел. И в этот мигновенно замеченный силуэт выстрелил притаившийся рядом с Ветлугиным оперативник. С треском разле-

телось оконное стекло. Те двое, у дверей, вышибли ее и исчезли в темном провале. Из дома послышалась беспорядочная стрельба. Майор со своей троицей в считанные секунды добежал до лестницы, буквально взлетел на нее и ворвался внутрь особняка. Владимир Иванович не замечал ни роскошных ковров, ни хрустала люстр, ни картин в позолоченных багетах, ни старинной мебели, обтянутой шелковым штофом, ни серебра и бронзы посуды и статуэток, расставленных в сверкающих лаком шкафах. В голове билась только одна мысль: поскорее обезоружить и захватить преступников.

Но сам он лично не успел сделать и выстрела. Телохранители Ступака были захвачены, двое из них ранены, а один лежал у окна второго этажа в луже крови. А вот Ступака и его жены нигде не было, хотя осмотрели все комнаты.

— Товарищ майор, может, в подвале? — высказал кто-то предположение.

— Да, остается только подвал, — сказал Владимир Иванович.

Ход в цокольный этаж вел из кухни, которая вполне могла бы служить целому санаторию. Из нее вела лестница вниз и упиралась в дубовую дверь. Ее вышибли. Ветлугин и несколько сотрудников уголовного розыска ворвались в помещение.

И тут раздался выстрел. Последний в очечайной схватке.

Перед взором работников милиции предстал ярко освещенный подвал, заставленный ящиками с отечественными и импортными напитками, консервами, увешанный копчеными окороками и колбасами. Посреди этого невиданного изобилия лежал на полу Ступак, сжимая в руке револьвер. На его ослепительно белой рубашке расплывалось красное пятно, охватывая левую часть груди. Рядом стояла молодая красивая женщина, обезумевшими глазами глядя на умирающего.

— Жил, как крыса, и умер в подполе, — проговорил кто-то из оперативников.

Гроза всего побережья свел счеты с жизнью сам.

Судно береговой охраны буквально летело над морем. Его корпус едва касался гребней волн. Погруженными оставались лишь подводные крылья.

Уже смеркалось. Мощные прожекторы обшаривали пространство вокруг, изредка выхватывая стайки дельфинов, грациозно вынырывающих на поверхность. Латынис находился с капитаном в носовой рубке. Ян Арнольдович напряженно вглядывался в темень впереди.

— Не волнуйтесь, товарищ подполковник, — успокаивал его командир корабля. — У нас не то что катер — килька не прошьмыгнет незамеченной.

Не успел он закончить, как из динамика послышалось:

— Товарищ капитан, на локаторе виден небольшой объект. Двигается со скоростью двадцать пять узлов в час — оператор сообщил направление движения.

— Они, — проговорил командир корабля и приказал идти наперехват.

— Почему вы так уверены, что это они? — спросил Латынис.

— Местные рыбаки по домам уже сидят, телевизор смотрят, — с усмешкой ответил тот. — Ну, а трассы всех прогулочных и рейсовых судов я знаю как свои пять пальцев.

— А может, просто гуляки?

— Так поздно? И слишком далеко заблудились...

Минут через двадцать пять беглецов уже можно было разглядеть воочию. Попав в луч прожектора, катер резко сменил курс. Сторожевое судно сделало соответствующий маневр, и над морем громовым раскатом полетел грозный приказ остановиться. Катер заметался, но те, кто был на нем, поняли, что им не уйти. Задранный до этого нос суденышка опустился на воду — выключили двигатель.

Со сторожевика бросили за борт трап. Первым на него ступил Латынис. За ним устремились двое матросов с автоматами.

— Ба! — воскликнул подполковник, заглядывая в кабину катера. — Знакомые лица!

За штурвалом сидел Семен Кочетков, прикрываясь рукой от слепящего света про-

жектора. Сзади него на сиденье, протянувшись вдоль борта, лежал человек, обмотанный бинтами. Он походил на мумию. И больше никого.

— Куда путь держим? — продолжал Латынис, быстро охлопывая капитана «Элегии»: не припрятано ли оружие.

Тот словно потерял дар речи. И только когда пограничники подсаживали его на трап, хрипло произнес:

— Пушка под сиденьем. Прошу учесть — выдал добровольно и сопротивления не оказывал.

— Учтем, Кочетков, — кивнул Ян Арнольдovich и наклонился к забитованному: — Может, представитесь, гражданин?

Тот лишь простонал в ответ, сверкнув белками глаз.

«Никак и впрямь раненый», — подумал подполковник.

Он попросил матросов поднять его на судно со всеми предосторожностями.

— Ну и тяжёл! — крикнул один из пограничников, когда они подхватили белый кокон.

Пришлось воспользоваться лебедкой. После этого катер был взят на буксир, и сторожевик взял курс на Южноморск. Латынис находился неотлучно при Кочеткове в маленьком кубрике. Подполковник пытался выяснить, кого вез на катере Семен и куда, что они делали в доме Ступака. Кочетков отвечать на вопросы отказался.

— На что ты надеешься, кэп? — покачал головой Латынис.

Тот продолжал молчать.

В южноморском порту их уже ждали «скорая» и милицeйская машина. Кочеткова отвезли в следственный изолятор, а Латынис с неизвестным, скрытым под бинтами, поехали в больницу.

— Что с ним? — спросил у Яна Арнольдovichа дежурный врач, когда они остались в палате втроем.

— Самому бы хотелось знать, — почему сатылок подполковник.

Врач ощупал ноги и руки больного и констатировал.

— Гипс. После аварии, что ли?

— Скорее уж жизненной, — чуть усмехнулся Латынис. — Разбинтуйте голову.

Осторожно, словно от каждого его движения зависела жизнь пациента, врач начал разматывать бинт на голове неизвестного. И по мере того, как его лицо освобождалось, рот подполковника все шире расплывался в улыбку. «Раненый» же еще крепче смеживал веки.

— Жора, а Жора! — потрепал его за чуб Латынис. — Кончай спектакль.

Это был Георгий Бородин, по кличке Борода. Он метнул в оперуполномоченного злобный взгляд и снова закрыл глаза. Один только врач ничего не понимал, недоуменно поглядывая то на Латыниса, то на пациента.

— Можете спокойно снять гипс, — сказал Ян Арнольдovich.

Врач бросился к двери и крикнул в коридор:

— Юля, неси, что нужно для снятия гипса.

Медсестра явилась с инструментом для этой операции. Врач взял огромные ножницы и хотел разрезать гипсовую повязку. Но как он ни старался, это ему не удавалось.

— Железо там, что ли? — посмотрел он растерянно на подполковника.

— Снимайте бинты слой за слоем, — посоветовал Ян Арнольдovich. — И будем считать, что вы и вы, Юля, поняты...

Когда были размочены и размотаны несколько витков бинта, сверкнули первые золотые монеты, уложенные плотно одна к другой.

— «Бриллиантовая рука!» — не удержавшись, хихикнула Юля.

— Нога, уверен, тоже бриллиантовая, — кивнул Латынис.

И впрямь, Бородин, как панцирем, был весь забронирован золотыми монетами и драгоценностями. На его могучем теле поместилось этого добра пуда два, не меньше. Помимо золота и камней, он был облеплен толстым слоем долларов, фунтов стерлингов, западногерманских марок, итальянских лир и другой валюты. На вопрос Латыниса, кому принадлежит это несметное богатство, Бородин не ответил. Он вообще не проронил ни единого слова.

Оформив соответствующие протоколы, подполковник вызвал конвой, и задержанного увезли. Для того, чтобы перевезти ценности, пришлось вызывать инкассаторскую машину и представителя Госбанка.

Разделался со всем этим Латынис около часу ночи. И тут же помчался в особняк Ступака, где еще находились Рунов, Ветлугин и Дагурова. Во дворе поместья подпольного миллионера стояли спецмашины, ходили милиционеры. Знакомый капитан, провожая Латыниса в дом, рассказал подробности о схватке, происшедшей здесь. В доме заканчивали обыск. Анатолий Филиппович, Владимир Иванович и Ольга Арчиловна уединились в одну из многочисленных комнат с Яном Арнольдovichем, чтобы услышать из первых рук о событиях на море и в больнице.

— Уверена, это ценности Ступака, о которых ходило столько легенд, — сказала Дагурова. — Вот почему мы их не нашли в доме.

— Чем объясняет отсутствие денег и драгоценностей вдова? — поинтересовался Латынис.

— Пока на эти вопросы она отвечать отказывается, — сказала Ольга Арчиловна. — Мы сначала попросили выдать все это добровольно. Говорят — ищите...

— А наркотики нашли? — спросил Ветлугин.

— Даже натасканных на это дело собак использовали — ни полграмма...

— Ну что ж, проведем допрос, — решил Рунов. — Теперь у нас есть козыри.

Коротко обсудили план предстоящего разговора и вызвали вдову Ступака. Вид у нее был усталый, но держалась она до-

вольно уверенно и спокойно. Трудно было предположить, что несколько часов назад на ее глазах застрелился муж.

— Наталья Егоровна, — начал Рунов, — по нашим сведениям, вы были сообщницей своего мужа, Ступака, — занимались хранением и распространением наркотиков.

— Разве я похожа на сообщницу? — хмыкнула вдова. — Простите, не из таких.

— А из каких?

— Которых лелеют и холят...

— А как же извоз? — усмехнулся генерал. — Ступак садился за руль — «роллс-ройса», а вы — «ягуара», может быть, наоборот, не знаю. А по существу, это все равно что кучер — Ванька.

— Это для меня было развлечением. Люблю водить машину. — Она улыбнулась своей неотразимой улыбкой. — Тем более шикарную и в приятном обществе...

— Иностранцев? — уточнила Дагурова.

— Вот именно. Это вам не наши вахлаки...

— А Бородин? — спросила Ольга Арчиловна. — Его обществом почему-то не брезговали.

— Да, Наталья Егоровна, — как бы невзначай поинтересовался Латынис, — сегодня гипс ему накладывали вы?

— Какой гипс? — побледнело лицо вдовы.

— Третья серия фильма «Бриллиантовая рука», — с невинной улыбкой посмотрел на допрашиваемую Ян Арнольдович.

— При чем тут «Бриллиантовая рука»? — растерянно оглядела присутствующих Ступак.

— Наталья Егоровна, не надо прикидываться дурочкой, — сказал Рунов. — Бородин и Кочетков задержаны. Ценности изъяты. Знаете, у меня такое впечатление, что вы не отдадите себе отчета, в каком положении находитесь. Оказали вооруженное сопротивление работникам милиции, ранили двоих. В доме найден буквально арсенал оружия...

— Не у меня в доме, а у Ступака, — возразила вдова.

— Имуущество у вас общее, — пожал плечами генерал.

— Замечу еще, — добавил Латынис, — сегодня ваши люди убили сотрудника милиции.

— Где? — испуганно посмотрела на него Наталья Егоровна. — Когда?

— Когда? — сурово произнес Рунов. — Во время преследования Бородина и Кочеткова. Из автомата...

— Но ведь им сказали стрелять по скатам! — вырвалось у вдовы.

Она осеклась и опустила голову.

— Кто приказал стрелять? — выдержав паузу, спросила Дагурова.

— Ступак! — почти крикнула вдова. Она ни разу не назвала мужа по имени. — Он словно ополоумел! Говорила ему, умоляла! Никаких пистолетов, автоматов, никакой крови!..

— Расскажите по порядку, — попросил Рунов. — И пожалуйста, спокойно.

— Хорошо, хорошо, — закивала Наталья Егоровна. — Короче, Ступак понял, что на крючке. И решил смотаться. Ну, и лечь на дно...

— А как же дом? — не выдержав, прервала ее Дагурова. — Вернее, дома?.. Этот, в Крыму, в Подмоскovie?

— О чем вы говорите! — отмахнулась вдова. — Того добра, что было на Бородине, хватило бы на сто таких домов.

— Понятно, — кивнула Ольга Арчиловна. — Дальше?

— Было задумано так: Бородина доставят в аэропорт, где уже ждал санитарный самолет. Потом переправят в одно место...

— Куда именно? — спросил Рунов.

— А вот этого Ступак мне не сказал. — Она приложила руки к груди. — Поверьте, не вру. Знаю только, что встреча с Бородиным должна была состояться через два дня.

— А если бы он скрылся с вашим добром? — спросил Латынис.

— Не скрылся бы, — протянула Наталья Егоровна. — Не посмел бы. Вы не знаете законов их мира: достали бы из-под земли.

— Ну а вы со Ступаком? — продолжал допрос Рунов.

— Мы должны были сегодня, — она посмотрела на старинные каминные часы и поправилась: — Теперь уже вчера, незаметно скрыться из города. Все шло нормально, но вдруг Ступак услышал, что на хвост «скорой» села милиция. Это подтвердил по радию Хинчук.

— Он тоже был в машине? — уточнил Латынис.

— Ну конечно. Ему-то и дал муж команду использовать запасной вариант.

— Катер? — спросил Рунов.

— Да, — подтвердила вдова. — Затем кому-то сказал по радию: отойдите легавых. Бить по шинам... Как сейчас помню: именно бить по шинам. Неужели все-таки убили?

— Убили, — сурово сказал Рунов.

Она покачала головой и продолжила:

— Когда Ступак услышал, что за дело взялись пограничники, совсем озверел...

При этих словах Латынис и генерал незаметно переглянулись.

— Во двор ворвались милиционеры, — рассказывала дальше Ступак — Муж схватился за автомат. Буду бить гадов, говорит, это его слова... Буду, говорит, бить до последнего патрона. Отяяла у меня все, на что я положил жизнь... — Наталья Егоровна вздохнула. — В сущности, для Ступака ничего в мире не существовало, кроме денег. Он понял, что все потерял.

— И потому застрелился? — спросила Ольга Арчиловна.

— Да, поэтому, — снова вздохнула вдова. — И еще потому, что панически боялся ареста. Никому никогда не позволял говорить в его присутствии о тюрьме, колонии...

— Наталья Егоровна, — снова вступил в разговор Анатолий Филиппович, — вот вы сказали, Ступак узнал, что за дело

488

взялись пограничники. Он что, телепат?

Вместо ответа вдова встала, подошла к японской стереосистеме и нажала какую-то клавишу. В комнату ворвался мужской голос.

— «...Предположительно тридцать-тридцать пять лет, волосы темные, с большими залысинами, картавит. Одет в костюм из джинсовой ткани-варенки. Может находиться у любовницы по адресу улица Мориса Тореза, десять, квартира сорок девять...»

Наталья Егоровна выключила приемник. Присутствующие недоуменно переглядывались.

Голос принадлежал заместителю Рунова, а передача велась на волне, известной очень узкому кругу лиц. Речь шла о поисках тех, кто обстрелял Латыниса и Широковского.

Когда всеобщее замешательство прошло, генерал поинтересовался, откуда Ступаку стали известны частоты, на которых работает милиция.

— Понятия не имею, — ответила вдова.

— Не Киреев ли сообщил?

— Вполне возможно.

— А какая кличка была у Ступака? — спросила Дагурова.

— Несколько. Дуплет, Кляча, — вдова усмехнулась. — Жирный — это вы ему присвоили.

— А кто присвоил кличку Сова? — спросил Латынис.

— Сова — это не Ступак.

— Киреев?

— Что-о? — презрительно протянула Наталья Егоровна. — Донат — вошь. Ступак его терпеть не мог, вам сдал его, но Сова вызволил.

— Так кто же Сова? — нетерпеливо спросила Ольга Арчиловна.

— До сих пор не знаю.

— Наталья Егоровна, — сказал Ветлугин, — где партия героиня, что вы получили от Лохматого?

— Где? — усмехнулась она. — Плывет по морю-океану, вместе с Капочкой Савельевой и Киреевым. Так что вы зря старались, искали здесь.

— Кому и когда они должны передать наркотики?

— Считайте, птички улетели, не поймайте, — с иронией произнесла Наталья Егоровна, но под суровым взглядом генерала Рунова посерьезнела. — Кому — не знаю. А вот где... Перед отъездом муж говорил с Савельевой. Она называла какой-то остров, — Ступак поморщила лоб. — Итальянский... На этом острове теплоход, на котором Капочка милуется с Донатом, должен сделать очередную остановку. Экскурсия в город и прочее. В городе и состоится встреча с каким-то иностранцем.

— Название города? — расспрашивал Ветлугин.

— Не расслышала.

— Но Италия — точно? — настойчиво интересовался майор.

— Точно.

Латынис поднялся и быстро покинул комнату. Допрос завершали без него.

Наталья Ступак сообщила сведения, касающиеся разветвленной сети подпольного наркобизнеса, ее структуры. А знала она много — ее муж был ключевой фигурой в Южноморске и прилегающих к нему городах. Играл он важную роль и среди воротил наркомафии в стране.

— Выходит, — подытожил Рунов, — карты для него были прикрытием?

— Почему прикроем? — пожалла плечами вдова. — Страсть. Хобби, можно сказать. Надо же было чем-то развлекаться. «Элегия» — это мелочь.

— Значит, настоящий владелец яхты — Ступак? — уточнила Дагурова.

— Он купил ее для меня. Но я, честно говоря, боюсь воды. Вот и держали «Элегию» для встреч с нужными людьми. И еще Ступак устраивал на ней «катраны».

— А Хинчук?

— Мальчик на побегушках...

Допрос закончили около четырех утра.

А уже в десять Дагурова звонила начальнику следственной части прокуратуры республики Вербикову. Латынис установил, что по программе круиза, в котором участвовали Савельева и Киреев, есть посещение острова Сицилия. С заходом в порт Палермо.

— Юрий Львович, нужно срочно предпринять меры к задержанию Савельевой и Киреева, — заключила свое сообщение следователь.

— Да, — задумчиво проговорил Вербиков, — упустить их было бы непростительно.

— Понимаете, в Палермо есть возможность захватить их с поличным.

— Это было бы идеально, — согласился патрон. — Ох, Ольга Арчиловна, — добавил он со смешком, — мало вам Черного моря, так вы еще в Средиземное закидываете сети. Что, очень понравилось в Палермо?

— При чем тут я? — обидчиво проговорила Дагурова. — Задержание могут прекрасно провести сами итальянцы. Речь-то, как я поняла, идет о международной мафии. Будем бороться с ней сообща.

— Агитировать меня не надо — дело действительно требует интернациональных усилий. Так что попробуем...

— Когда, говорите, теплоход посетит Сицилию? — уточнил Юрий Львович.

— По расписанию — послезавтра, — ответила следователь. — Времени для подготовки, как видите, в обрез.

Ольга Арчиловна почувствовала себя так, словно свалила с плеч тяжелый груз. После этого она отправилась на допрос Бородин и Кочеткова. Если первый оказался крепким орешком и не захотел давать никаких показаний, то у беглого алиментщика язык развязался сразу. По словам Кочеткова, в «скорой», помимо них с Бородиным, находился еще и Хинчук. Он должен был сопровождать в санитарном са-

молете «большого», играя роль опекающего врача. Когда они освободились от «хвоста» и добрались до яхт-клуба, то пересели на катер, заранее подготовленный для длительного путешествия. Кочетков высадил Хинчука километрах в десяти от Южно-морска в рабочем поселке, а сам взял курс в открытое море.

— Где вас должны были поджидать? — спросила Ольга Арчиловна.

— В Одессе.

— Путь не близок. Да в навигацию нужно знать.

— Так я ведь старый морской волк, — гордо произнес Кочетков.

Он охотно сообщал приметы человека, который ждал их в Одессе, пароль при встрече. И вообще дал массу сведений, позволяющих выйти на след мелких и крупных преступников, орудующих на побережье.

Единственное, чего не знал Кочетков, где в данное время находится Генрих Довжук.

Наряду с драматическими и трагическими событиями последние сутки принесли следственно-оперативной группе немало удач. В результате операции, проведенной органами милиции совместно с сотрудниками госбезопасности, были арестованы десятка полтора человек, обезврежена банда вымогателей, раскрыты притоны наркоманов. Когда поздним вечером Дагурова и Латынис встретились в номере Ольги Арчиловны, Ян Арнольдovich ликовал.

— Наступаем по всему фронту!

— И по-прежнему все по низам... — несколько охладила его пыл Ольга Арчиловна.

— Оля, нужно радоваться любым победам, — заметил подполковник.

Они уже были на «ты».

— О победе говорить еще рано. Вспомни Чикурова и Измайлова...

— Неужели ты думаешь, что и нас?..

— Все может быть, — грустно усмехнулась следователь. — Кто кого.

(Чтобы припугнуть Дагурову и выдворить ее из Южноморска, бандиты выкрали в Москве ее дочь Лауру и, по счастливому стечению обстоятельств, прятали ее в том же городке, где работал в это время Чикуров. И он, случайно столкнувшись с девочкой, узнал ее и спас. Похитителем оказался Генрих Довжук, которого и захватили во время этой операции...)

«Михаил Пришвин» пришвартовался в Новом порту Палермо около полудня. Столица Сицилии встретила советских туристов ярким солнцем и безоблачным небом. Легкий бриз шевелил кроны пальм на берегу. Пассажиры стали спускаться по трапу. Среди них — Савельева и Киреев. На Капитолине Алексеевне было легкое платье, танкетки на толстой подошве и летняя шляпа. В руке она держала изящную дамскую сумочку. Донат Максимович был одет тоже сообразно климату: хлопчатобумаж-

ные брюки, рубашка с короткими рукавами и сандалеты. На плече у него висела видеокамера «хитачи», которой он изредка снимал свою спутницу, а на шее болтался большой морской бинокль. Пассажиры поджидали экскурсионные автобусы.

Колесили по городу минут сорок. Осмотрели массу достопримечательностей, посетили несколько сувенирных магазинов, в том числе и лавочку, где монахини продавали свечи, крестики, иконы и другую церковную утварь. Когда подъехали к старинному храму и советские граждане ступили под его величественные своды, Савельева шепнула Кирееву:

— Самый раз.

Они незаметно вышли из церкви и углубились в лабиринт палермских улочек.

Машин и прохожих — совсем немного. Не успели Савельева и Киреев толком осмотреться, как возле них остановился золотистого цвета новенький «рено».

— Бон джорно, — вышел из машины улыбающийся мужчина в шикарном белом костюме, голубой рубашке и темных очках.

Это был тот самый господин, что навесит Савельеву в ее салоне мужской красоты в августе прошлого года.

— О, Пьетро! Здравствуй! — вспыхнула радостью Капочка, бросаясь ему на шею.

С трудом освободившись от нежных объятий, итальянец протянул руку Кирееву.

— Синьор Донат? — вопросительно посмотрел на него и, получив утвердительный ответ, сказал: — Рад видеть в солнечная Италия! Много слышал. — Пьетро вопрошающе оглядел Киреева и Савельеву. — А где?..

— С нами, с нами, — успокоила его Савельева обворожительной улыбкой.

— О'кей, — довольно произнес итальянец. — Едем в «Гранд отель». Люкс! А скоро, очень скоро будете проживать своя вилла. Прошу...

Он взялся за ручку задней двери, но тут к нему обратились двое прохожих, один из которых держал на поводке немецкую овчарку. Пьетро ответил им и со смехом перевел Савельеву:

— У этой бедной пес есть блохи. Ищут собачий магазин.

Но не успел он закончить фразу, как «бедный пес» с рычанием ткнулся носом в Капочкины танкетки, а затем с лаем набросился на Киреева и стал хватать зубами видеокамеру. В одно мгновение Савельева выхватила из сумочки небольшой револьвер, вдруг раздался выстрел, и овчарка с визгом повалилась на землю.

В это время из-за кустов сквера выскочили несколько человек в штатском с оружием в руках и кинулись к «рено». Быстро оценив ситуацию, Пьетро рванул дверь и буквально завывнул в машину Савельеву и Киреева, а сам плюхнулся на переднее сиденье. Взрев двигателем, машина рванула с места.

Почти одновременно улицу распорол автоматная очередь, прошившая бензобак «рено». Прогремел взрыв, и золотистое ав-

точудо врезалось в огромное дерево. А с той и с другой стороны дороги уже подлетали к горящему авто полицейские автомобили, оглашая окрестность сиренами.

— Как ваша дочь? Муж? — были первые слова Вербикова, который зашел в кабинет к Дагуровой.

— Спасибо, Юрий Львович, — растрогалась вниманием шефа Ольга Арчиловна. — Самое страшное позади. Муж в больнице. Но врачи говорят, что опасности для жизни нет. А Лаурочку дед увез в Грузию. Там она быстро отойдет.

— Сильно травмирована?

— Ужас! Боюсь, как бы не повлияло на психику в дальнейшем. — Заметив, что Вербиков то и дело поглядывает из ее прическу, следователь спросила: — Что это вас так заинтересовало? Прическа?

— Да что-то раньше не замечал, чтобы вы следили за модой...

Дагурова машинально вынула из стола зеркальце и стала разглядывать себя — утром собиралась впопыхах. И только сейчас она заметила в волосах седые пряди.

— Это не краска, — вздохнула Ольга Арчиловна. — Это...

— Простите, — пробормотал патрон, поняв, в чем дело. И, чтобы скрыть неловкость, перешел к другому: — Я слышал, Савельеву доставили из Италии?

— Да, вчера, самолетом.

— А Киреева?

— Увы, — вздохнула Дагурова, — он получил сильные ожога. Итальянские врачи сделали все, что смогли, но спасти его не удалось...

— Когда будете допрашивать Савельеву?

— Завтра. Пусть акклиматизируется. — Следователь протянула Вербикову несколько схваченных скрепкой листов. — Телефак из Палермо.

Юрий Львович ознакомился с документом и улыбнулся.

— Вы, можно сказать, пионер в налаживании сотрудничества с итальянской полицией. Хотел бы присутствовать на допросе. Не возражаете?

— Наоборот.

— Значит, устроим перекрестный допрос. Давайте дело, ознакомлюсь с ним обстоятельно.

Савельеву доставили в прокуратуру республики к 11 часам утра. Левая рука у нее была перебинтована.

Свою вину в контрабанде наркотиков Капитолина Алексеевна признала, да и как не признать — взяли с поличным.

— И сколько вы везли в Италию героина? — спросил Вербиков.

— Два с половиной килограмма, — ответила обвиняемая.

— Как его прятали? — задала вопрос Дагурова.

— Вот в тех тайниках, — показала на вешалки Савельева.

— Пройдите покажите, — попросил начальник следственной части.

Обвиняемая подошла к столу, взяла в руки танкетки с оторванными подошвами и вложила в пустые полости несколько мешочков с белым порошком. Затем подняла закопченную камеру «хитачи», что-то покрутила, и корпус раскрылся. Он тоже оказался пуст. Туда поместилось много мешочков с наркотическим веществом. Остальное вошло в корпус морского бинокля.

Следователь ознакомила обвиняемую с показаниями Кочеткова, Мухортова, Снежкова, а также Чураева, арестованного несколько дней назад, юриконсульта Савельевой. Дальнейшие ее показания приводятся по протоколу допроса.

Вопрос начальника следственной части Прокуратуры РСФСР Вербикова Ю. Л.: Вы принимали участие в разработке и подготовке преступлений, совершенных Киреевым, Хинчуком, Чураевым, Довжуком, Кочетковым, Мухортовым, Бородиным и Снежковым?

Савельева: Не принимала.

Вопрос следователя Дагуровой О. А.: В чем же заключалась ваша роль?

Савельева: Я была чем-то вроде почтового ящика, ну, связаного. Между людьми, которых вы назвали, и их руководителем.

Вербиков: Выходит, это была организованная преступная группа?

Савельева: Действительно, организация и дисциплина у них были железные.

Дагурова: Фамилия руководителя?

Савельева: С ним лично я не знакома, фамилию не знаю. Мне известна только его кличка — Сова.

Вербиков: Как вы общались с Совой?

Савельева: По телефону. Причем переговоры велись исключительно через третье лицо.

Дагурова: Можете назвать посредников?

Савельева: Нет. У шефа длинные руки, а мне еще жизнь дорога.

Дагурова: Следствием установлено, что вы были в курсе дел преступной группы. Расскажите, за что убили директора магазина «Детский мир» Скворцова?

Савельева: Через меня Сове передали, что Скворцов написал письмо Генеральному прокурору СССР и попросил встретиться лично. Чтобы рассказать, как у него вымогали взятки работники южноморского ОБХСС. Сова дал задание убрать Скворцова, который в то время сидел в тюрьме.

Вербигов: Как осуществили убийство?

Савельева: Подробности мне неизвестны. Помню только, что речь шла о болезни Скворцова — ишемии сердца. Была команда: устроить инфаркт.

Вербигов: Но ведь истинную причину смерти нужно было скрыть. Кто этим занимался?

Савельева: Судмедэксперт Хинчук.

Дагурова: А за что убрали, как вы выражаетесь, директора магазина «Дары юга» Агеева и его шофера Суслова?

Савельева: Как я поняла, Агеев и Суслов раскололись и начали сотрудничать со следствием. Вот, видимо, Сова и приказал: устроить им свидание на том свете со Скворцовым.

Дагурова: Как их убили?

Савельева: Автомобиль, в котором ехали Агеев и Суслов, сбил грузовиком Генрих Довжук.

Дагурова: А аварию машины, в которой ехали Асадуллин и следователь Чикуров, тоже подстроил Довжук?

Савельева: Не знаю.

Дагурова: Мухомтов показал, что о передвижении следователя Чикурова докладывали вам. Но о том, что Довжук унес грузовик в день покушения на Чикурова... Помните?

Савельева: Да, припоминаю. Значит, аварию с Чикуровым дело рук Довжука.

Вербигов: По заданию Совы?

Савельева: Выходит, так.

Дагурова: Капитолина Алексеевна, установлено, что преступная группа знала все шаги следователей, которые вели дело, что составляет следственную тайну. Как это становилось известно Кирееву и другим?

Савельева: Сведения сообщал следователь Шмелев.

Вербигов: Вы хотите сказать, что Шмелев был участником этой преступной организации?

Савельева: Вначале Николай Павлович участником не был, а потом стал помогать.

Дагурова: И давно?

Савельева: Насколько я знаю, когда Шмелев начал расследовать дело Киреева, с преступниками он связан не был. Сову беспокоило, что он начал глубоко копать. Его решили поймать на крючок. И Бог послал такой случай. В это время как раз арестовали Киреева. Тут появилась статья в областной газете «Покой нам только снится». В ней журналист Морозов очень расхваливал Шмелева. Тесть Киреева разо-

злился, и автора статьи уволили. Но на самом деле корреспондент раскопал истинный клад.

Дагурова: Что вы имеете в виду?

Савельева: Шмелев, оказывается, бывший уголовник. Он был связан с неким Павленко еще со времен войны. Тот, начиная с сорок второго года, дезертировал из армии, а потом сколотил липовую организацию под названием «Управление военных работ». Члены его организации мародерствовали, грабили, наворовали сотни тысяч. При этом Павленко раздавал своим подчиненным звания и награды. Посадили Павленко только в пятьдесят втором году.

Вербигов: А при чем тут публикация в газете?

Савельева: Вместе со статьей было опубликовано несколько фотографий. На одной из них Шмелев заснят со своим фронтальным другом. Если не ошибаюсь, по фамилии Козлов. В редакцию пришла его вдова, узнавшая на снимке покойного мужа, случайно нашла на Снежкива и сообщила, что Козлов и Шмелев входили в липовую организацию Павленко. Они оба были также осуждены. Козлов скончался в лагере, а Шмелева выпустили по амнистии. Николай Павлович скрыл от всех свое прошлое. Узнав о нем, Сова приказал: Чураеву встретиться с Николаем Павловичем и поставить условие — или дружба, или позор на весь мир. Шмелев, как я поняла, испугался и стал помогать.

Дагурова: Именно?

Савельева: Передавал информацию и учил, как вести себя с Чикуровым, чтобы уйти от ответственности.

Вербигов: Можете привести факты?

Савельева: Мне известен только один. Скворцов передал через Ларионова Кирееву дубленку для дочери. Бесплатно, конечно.

Дагурова: В виде взятки?

Савельева: Считайте, что так. И вот, чтобы вывести Киреева из-под следствия, Шмелев посоветовал взять этот случай Ларионову на себя. Ну, якобы дубленку он взял для своей дочери.

Дагурова: Следствием установлено, что Шмелева убили Довжук и Бородин. Для чего понадобилось устранять Николая Павловича? Тем более после его ухода на пенсию.

Савельева: Насколько я поняла, убили из-за какого-то перстня. Его отобрали у еврейки, эмигрировавшей из страны. А взял кольцо старший брат Ларионова Лев и в знак благодарности за помощь в деле младшего брата подарил перстень Шмелеву. Вам откуда-то стало известно, что он находится у Николая Павловича. Вот тогда Сова испугался, что Шмелев расскажет о своих связях с преступниками (как помогал им выкрутиться), и дал Довжуку задание убрать его, а перстень найти во что бы то ни стало.

Дагурова: Вы не знаете, в ограблении уезжающих в эмиграцию принимал участие младший Ларионов, Станислав?

Савельева: Такие сведения через меня не проходили.

Вербиков: Были случаи, чтобы члены преступной группы ослушались Сову или поступили по своему усмотрению?

Савельева: Таких случаев не припомню. Слово Совы было для всех законом.

Вербиков: А для вас?

Савельева: И для меня.

Дагурова: Итак, вы утверждаете, что главарем преступной организации был Сова?

Савельева: Не сомневаюсь.

Вербиков: И долго вы морочили голову своим подручным насчет мифического Совы?

Савельева: Почему мифического?

Дагурова: А потому, Капитолина Алексевна, что вы и есть Сова. Не так ли?

Савельева: Я категорически отрицаю это.

Дагурова: Вам нужны доказательства? Так вот, ваш итальянский напарник Пьетро подтверждает, что вы являетесь боссом, то есть Совой. Прошу ознакомиться с его показаниями.

Прокурор республики Владимир Емельянович Орлов вызвал Вербикова и Дагурову с докладом о южноморском деле. Ольга Арчиловна рассказала о нем, заключив:

— Вчера были взяты под стражу замначальника южноморской таможни, директор гостиницы «Жемчужина России», управляющий стройтрестом. При обыске у всех этих лиц изъяли крупные суммы денег, драгоценности, валюту. Я также настаиваю на возбуждении уголовного преследования в отношении Печерского, тестя Киреева. Но нужна ваша помощь, Владимир Емельянович. Горком стоит за него горой.

— Хорошо, — кивнул прокурор республики, делая пометку в настольном календаре. — Да, удручающую картину вы нарисовали. Одна из лучших здравниц страны! А что творится! Проституция, наркобизнес, рэкет, грабеж, убийства... Преступники знали каждый шаг милиции, прокуратуры. Таможня для них была буквально проходным двором...

— Я уверен, что группа Дагуровой затронула пока лишь мелких исполнителей, — сказал Вербиков. — Не считая, конечно, Савельевой. А самая верхушка мафии...

— Ой, не люблю я это слово, — перебил его Орлов. — Употребляют его по поводу и без.

— В данном случае более подходящего не найдешь, — поддержала патрона Дагурова. — Южноморская свора орудовала по ее законам. Даже изблеченная, под стражей, Савельева придерживается главного принципа — обета молчания. На языке мафии это называется омерта.

— Но ведь она дала показания.

— Савельева — хитрая бестия. Подтверждает только то, что уже рассказали другие обвиняемые. Или признает очевидное... И не выдала ни одного покровителя.

— Вы уверены, что такие есть? — спросил Орлов.

— Абсолютно уверена. Иначе и быть не может. Понимаете, Владимир Емельянович, организованная преступность качественно отличается от неорганизованной. А чем? Это уже сложный организм... Возьмем, к примеру, дерево. Чем более разветвлены его корни и чем глубже они уходят в землю, тем больше поступает жизненных соков, и оно становится могучее. Так вот, организованная преступность напоминает дерево, но только растущее корнями вверх, захватывая все более высокие эшелоны власти. А в нашей стране условия для этого очень даже подходящие — культура, нравственность и мораль на ладан, можно сказать, дышат.

— Теоретически вы правы. Ну а где факты, доказательства? Конкретные лица, на языке той же мафии, зонтики?

— Пожалуйста, — выложила следователь веером перед прокурором республики визитные карточки, изъятые у Вадима Снежкова. — Как вы думаете, с чего бы Киреев и его дружки задаривали и ублажали этих людей?

— Член коллегии, заведующий сектором, — читал вслух Владимир Емельянович, перебирая визитки. — Член Верховного суда, первый заместитель министра... — Он посмотрел на Дагурову, Вербикова и покачал головой.

— Дальше, дальше, — сказал начальник следственной части. — Есть и генералы прокуратуры и МВД... Видите, даже они не устояли.

Орлов сложил визитные карточки, помрачнел.

— Их устраивали в лучшие гостиницы, санатории, — продолжала Ольга Арчиловна. — Катали на роскошной яхте. Рекой текло вино, столы ломились от деликатесов. Провожали с дорогими подарками и слали потом еще самолетами, машинами, поездами. Обхаживали не только знатных персон, но их родных и близких. К примеру, Киреев устроил прямо-таки царский медовый месяц в Южноморске сыну Мелковского.

— Это какого Мелковского? — насторожился прокурор республики. — Который чаще всего пишет о следователях, работников милиции?..

— Тот, тот, — подтвердил Вербиков и усмехнулся. — Большой специалист по морали и праву.

Он сделал знак Дагуровой, и та протянула Орлову снимок из «коллекции» Снежкова. Рэм Николаевич был снят тайно, на квартире Вадима, в объятиях белокурой проститутки.

— Это насчет морали, — пояснила следователь. — И права тоже. Девчонке, по моему, не больше четырнадцать лет.

— Ну и фарисей, — брезгливо поморщился Орлов, возвращая фото Дагуровой.

— Он ли один? — сказала Ольга Арчиловна и продемонстрировала еще несколько разоблачительных снимков из той же

серии. — Так попадали в сети мафии многие влиятельные люди. Становились зонтиками.

— А некоторых даже не нужно было заманивать таким способом, — добавил Вербигов. — Конверт с солидной пачкой купюр, японская видеосистема, строительные материалы на собственную дачу...

— Валюта для заграникомандировок, — присовокупила Дагурова. — Вручали ее там, за кордоном. Савельева имела солидный счет в иностранных банках.

— За наркотики? — уточнил Орлов.

— Да. С этим итальянцем, Пьетро, они имели дело не первый год. Факты говорят о том, что Савельева намеревалась остаться за границей. Ее главный компаньон по наркобизнесу, Ступак, тоже настроился за «бугор». Если судить по оперативным сведениям, которыми мы располагаем, роли распределили так: Савельева увезла с собой весь героин, что они раздобыли в последнее время, а Ступак должен был прихватить золотишко, камни и валюту.

— Насчет Ступака, — прервал ее Орлов. — Почему он дал показания на Киреева? Свой своего?

— Борьба за сферу влияния. Ступак, как показала его жена, мечтал об одном — спихнуть Сову и самому стать «крестным отцом». Пробным камнем явился Киреев.

— А зачем он занимался извозом? При его-то миллионах?

— Извоз — прикрытия и удобная форма общения с иностранными партнерами. Ведь Ступак на своих шикарных лимузинах возил только иностранцев. А вернее, дельцов от наркобизнеса, желающих продать валюту, и прочих...

— Понятно, — кивнул прокурор республики — Еще один вопрос. О члене-корреспонденте Ляпунове, которого осенью убили в Южноморске. Мне до сих пор звонят из Академии наук и его жена. Хотят знать всю правду.

— Лучше бы им совсем не знать, — мрачно вздохнул Вербигов.

— Что так? — вскинул брови Орлов.

— Об обстоятельствах убийства я вам уже докладывал, — сказал начальник следственной части. — А теперь открылись такие подробности... Впрочем, пусть лучше Ольга Арчиловна...

— Как вы знаете, — начала Дагурова, — следствие долго не могло установить личность убитого. А все потому, что человек, к которому Ляпунов втихаря приехал от жены в Южноморск и который знал об убийстве, не желал пролить свет.

— По какой причине? — спросил Орлов.

— Не знаю, как и назвать это. Стыд, что ли... Короче говоря, Владимир Емельянович Ляпунов приехал к некоей Эвнике. Настоящее ее имя Евдокия. Эвника — изящнее. Так вот, она — падчерица Ляпунова. Он ее соблазнил в пятнадцатилетнем возрасте...

Следователь замолчала, давая время прокурору республики осмыслить услышанное.

— Дальше, — попросил нетерпеливо тот.

— Неизвестно, продолжалась ли их связь в этот раз. Но жил Ляпунов у падчерицы. В тот день они находились в ресторане «Воздушный замок» вместе. Все свои документы отчим оставил дома у Эвники. Когда произошло убийство, она растерялась. Пойти в милицию — значит, откроется их некрасивая тайна. Это, конечно, узнает мать, родные... Эвника решила никуда не обращаться. Вот и все.

— Представляю, как будут шокированы коллеги и жена Ляпунова, — покачал головой Орлов. — Его считали чуть ли не святым. — Он помолчал. — Вижу, работы у следственной группы непочатый край...

— Начать и кончить, — ухватился за последние слова прокурора Вербигов. — Для успешного завершения дела, я считаю, нужно подкинуть в группу следователей, оперов, подключить кого-нибудь из центрального аппарата КГБ. Это просто необходимо! Нити тянутся в Ростов, Москву и другие города.

— Вы правы, — после некоторого размышления сказал Орлов. — Как, Ольга Арчиловна, согласны занять пост главного командующего?

— Спасибо за доверие, — поблагодарила Дагурова. — Но, я считаю, возглавить группу должен другой человек. Который первым дал верное направление следствию.

Прокурор республики вслед за ней посмотрел на Вербигова и одобрительно кивнул.

Рисунки В. Лопаты, А. Фирсакова.

«Под знаком Марса»

Новая научно-популярная серия «Под знаком Марса», которая начнет выходить в 1992 г. в издательстве «Знание», предложит читателям не только научно-популярные статьи и очерки о «сверхоружии» Атлантиды и неизвестных ранее страницах развития военной техники, о грандиозных сражениях на Западе и Востоке и судьбах великих полководцев, но и интереснейшие литературные произведения, в основе которых военные приключения всех времен и народов. Предлагаем сегодня отрывки из двух повестей, которые выйдут в серии «Под знаком Марса».

В. ЩЕРБАКОВ

КОНЕЦ ЗОЛОТОГО ВЕКА

(Отрывок из документальной повести)

...Пророкам удавалось предсказывать войны. Вникая в их удивительные пророчества, невольно ловишь себя на мысли: неужели нельзя было предотвратить беду? Нет, чаще всего люди оставались глухи к вещим словам.

Мишель Нострадамус родился в небольшом французском городе Сен Реми в 1503 году и прожил шестьдесят три года. Этот удивительный человек эпохи Возрождения оставил нам множество пророчеств. Он писал историю до 3797 г. Далее этого времени ему, по его собственным словам, не дано было увидеть будущее.

Хорошо помню, с каким изумлением я вчитывался в одно из его пророчеств о будущем Германии: «Ей дважды взлететь, дважды встретить паденье. Ни Запад ее не принял, ни Восток. Германию предала страсть к разрушению, страна получила жестокий урок». Как лаконично, точно и ясно отражен в этих скупых строчках характер двух мировых войн и противостояние германской военной мощи коалиции государств Запада и Востока. Из этого предсказания Нострадамуса следует, между прочим, что третьей мировой войны с участием Германии ждать не нужно («ей дважды взлететь»).

Есть у Нострадамуса и пророчество, которое самым тесным образом связано с первой в мире войной, ранее описанной в цикле древнескандинавских мифов. «Старшая Эдда» — так называется этот цикл. Слова об этой наидревнейшей войне вложены в уста предсказательницы Вельвы. Можно предположить, что именно тогда, когда она разразилась, кончился для человечества золотой век.

Интересно, что Нострадамус в своем пророчестве связал единой нитью ту вой-

ну и вторую мировую. Говоря о событиях 1941 г., средневековый прорицатель сообщает, что с Запада движется тень, что нужно закрыть двери Востока, что кости раскрытой гробницы угрожают миру. Мало кто знает, что действительно в мае сорок первого археологи проникли в гробницу Тимура, грозного предводителя жестокой армии, наводившей ужас на Индию и другие страны. А в июне началась самая кровопролитная для нашего народа война. Раскопки гробницы Тимура как бы открыли двери для гитлеровских полчищ, и злобная тень приползла с Запада. Однако хромой Тимур с его грозной армией бесчинствовал в средние века. Предсказание же Нострадамуса связано с первой войной человечества, которая разразилась в конце золотого века, то есть намного раньше, совсем в другую эпоху. Попробуем разобраться в этом пророчестве.

Гитлер развязал мировую войну в тридцать девятом году. В мае 1941 г., когда была вскрыта гробница Тимура, подготовка Германии к войне с нашей страной завершилась; образно говоря, война уже катилась по рельсам к нашим границам. Но и к войне против Польши, Франции и Англии Гитлер готовился заранее. А самая первая боевая операция вермахта состоялась в 1936 году, когда вопреки Версальскому договору фюрер ввел свои войска в Рейнскую зону, оккупировав ее.

Поразительно, но именно в то время археологи нашли некрополь (город мертвых) древнего могущественного государства Парфии. Как свидетельствует история, парфянские полководцы на равных сражались с грозными римскими легионами. Само же государство Парфия было основано в первом тысячелетии до нашей эры скифами,

пришедшими с севера на территорию нынешних Туркмении и Ирана. Позднее в предгорьях Копет-Дага возник некрополь. И славяне, и скифы — арийцы, они принадлежат к большой индоарийской семье народов, так же, как и германцы. Более того, в древности произошло глобальное переселение племен, и арийцы (арии) пришли в Европу, заняли Скандинавию. И легенды о первой в мире войне, о городе богов Асгарде они принесли именно из Средней Азии.

В свое время мне довелось открыть этот город с золотыми стенами и серебряными крышами. Загадочную страну Аньси китайских хроник, она же Парфия, населяли племена, влившиеся в ансов или асов. По преданию, парфянские, а затем скандинавские боги асы воевали с другими богами — ванами. Именно эту войну сканди-

навские источники называют первой в мире.

Удалось отождествить все объекты древнего Асгарда с постройками парфянской эпохи. Конечно, от былых сооружений почти ничего не осталось, но помогли и данные раскопок и документы той эпохи, и сами мифы. На это ушло несколько лет. Но в далеком от наших дней тридцать шестом году никто даже предположить не мог, что некрополь в Парфии имел прямое отношение к грозным богам асам. И именно их имел в виду Нострадамус, когда писал, что кости раскрывшей гробницы угрожают миру. Были найдены и другие веши, показавшие связь далекого прошлого с настоящим. Эти поиски захватывали воображение, они дополняли предсказания пророков...

А. СЕРБА

ТАИНСТВЕННЫЙ ОБОЗ

(Отрывок из повести)

Войдя в избу, казачий офицер сразу направился к возившейся у стола подозрительной старухе, сдернул с ее головы платок. Тотчас длинные, каштанового цвета волосы хлынули потоком на плечи мнимой старухи, и мужчины поняли, что перед ними красивая, совсем еще молодая женщина.

— Прошу знакомиться, прапорщик, — весело проговорил сотник, указывая на пленницу. — Перед вами очаровательная барышня, которая вчера заставила нас отмахать попусту не один десяток верст. Только что-то ты быстро состарилась, красуля, — с улыбкой обратился казак к женщине. — Ничего, надеюсь, память у тебя осталась прежней, и ты сейчас расскажешь, куда подевались твои дружки-французы и что заставило такую милашку обрядиться в чужие лохмотья. Мы ждем...

— Сударыня, как русский офицер и дворянин обещаю, что в отношении вас не будет применено никакого насилия. Но отвечать на вопросы, задаваемые нами, настоятельно советуем.

Мари лихорадочно оценивала обстановку. Бежать в данной ситуации было невозможно: в шаге напротив стоял сотник с пистолетом в руке, единственное окошко застрял прапорщик, а в дверях застыл огромный нахмуренный казак с ружьем на изготовку. Значит, для побега нужно было выбрать более подходящее время, а для этого следовало пережить самое ужасное — предстоящий допрос. Правда, прапорщик заявил, что к ней не будет применено никакого насилия, но что значит на войне какие-то слова?

— Слушаю вас, господа, — сказала Мари, присаживаясь на краешек лавки. — Что вам угодно знать?

— Куда намерен двигаться обоз от моста: по зимнику или в направлении тракта? — не замедлил последовать вопрос прапорщика.

— Это знает только капитан, начальник отряда. Он один принимает решения и не терпит ничего вмешательства в дела. Иначе всякая тайна, по его мнению, перестает быть ею.

— Он целиком прав, — сказал Владимир Петрович, отметив про себя, что из таких же соображений он не посвятил в тайну французского обоза никого из своих спутников. — Но зачем оставлены здесь вы, сударыня, нам, надеюсь, будет позволено узнать?

— Капитан приказал оставить сани с монастырским вином, чтобы казаки перепились. Тогда я должна была подать условный сигнал для нападения на ваш отряд. С этой целью половина наших солдат осталась недалеко от моста.

— Где они? Каков сигнал для нападения?

— В полуверсте отсюда, у зимника, в глубоком, заросшем лесом овраге. Из оврага они хорошо увидят, когда я выставлю в окне свечу...

— Вы можете провести нас к оврагу?

— Увы, господа, я никогда не видела его. Мне все это известно со слов капитана.

— Разговор окончен, сударыня. Вам осталось одно: подать в овраг условный сигнал.

Встав с лавки, Мари взяла со стола горящую свечу, подошла к окошку...

О том, что произошло дальше, вы узнаете, подписавшись на библиотечку серии «Под знаком Марса». Она даст вам и другую, полезную и занимательную информацию.

492

КРИМИНАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

НА ВОКЗАЛЕ И ОКОЛО

Скорые поезда, ночные экспрессы — неперенный атрибут не только романтических песен, но и, увы, детективных кинолент. Режиссеров нельзя упрекнуть в очернительстве, ведь значительная часть преступлений совершается на транспорте. Человек оторван от дома, загружен вещами и заботами, окружен незнакомыми людьми — и случайные попутчики иногда этим пользуются...

Наш нештатный корреспондент беседует с начальником линейного отдела внутренних дел на станции Москва—Курская майором милиции Г. ДЕЙНЕКО.

— Геннадий Федорович, как вы, на ваш взгляд, основные проблемы вокзала!

— Они тесно связаны с социально-экономическими проблемами общества. Не улучшится жизнь народа — будет расти преступность. Например, спекуляция процветает, потому что невозможно приобрести нужную вещь законным путем. В последнее время с размахом спекулируют табачными и винно-водочными изделиями. Совсем недавно наши сотрудники в электропоезде задержали грузчика одного из московских магазинов. Он скупил 15 бутылок «Мадеры» и перепродал их втроедорога. Самое главное — люди охотно берут.

Или еще одна категория обитателей вокзала — бомжи. Они совершают до 50 процентов преступлений. Вокзалы — их пристанище. Что с ними прикажете делать? Выгонять в холод, считаю бесчеловечно, да и куда им деваться? Иногда у бомжа есть паспорт с пропиской, но нет жилья. Государство о таких не заботится. Это всеми забытые люди. А мы можем только направить их в приемник-распределитель, где этих бродяг хотя бы накормят. Однако, если личность бомжа установлена, то и там не возьмут — с паспортом туда нельзя. Вся беда в том, что бомжи — это лица, как правило, имеющие судимость, из-за этого на работу их практически не берут. В итоге человек опускается все ниже и при всем желании не имеет возможности вырваться из замкнутого круга. Вывод напрашивается — нужны ночлежные дома, где эти несчастные будут хотя бы под крышей и накормлены. Заниматься этим должны исполкомы, на территории которых находятся вокзалы. Поэтому к администрации вокзала на этот счет претензий нет. Но бомжи — это и очаг преступности, антисанитарии. Они приходят сюда, на вокзал, переночевать, а чтобы быть сытыми, вынуждены украсть или смошенничать. С бомжами сложнее, чем с профессиональ-

ными ворами. Когда начинаешь с ними разбираться, обнаруживаешь целый ворох годов не решаемых проблем. Недавно ко мне обращались женщина-инвалид, на костылях, и пожилой мужчина, оба без документов. Им некуда идти. Просили направить в приемник-распределитель. Почему они не идут в Министерство социального обеспечения? Да потому что по опыту знают и уверены — там не помогут. А ведь милиция может только помочь общественным и государственным органам выявить таких лиц и направить их на работу. Не больше.

— На вокзале много молодежи, не походящей на пассажиров. Это вас не беспокоит?

— Я не могу говорить о каком-то всплеске преступности среди молодежи, она держится приблизительно на одном уровне, но в том, что она не сокращается, на мой взгляд, заметно влияние причин социально-экономического характера — дефицит, рост прожиточного минимума, коммерциализация досуговой сферы и т. д.

Вокзалы привлекают ребят игровыми автоматами, видеосалонами, всевозможными ларьками. И зачастую они либо становятся жертвами преступников, либо сами нападают на тех, кто слабее.

Например, двое подростков, один из Москвы, второй из Московской области, в одном из залов ожидания вокзала, что называется, зажимают в углу гражданина М. и снимают довольно вежливо наручные часы. Время еще не позднее — 20 часов, все происходит в считанные минуты. Благодаря тому, что ограбленный владелец часов быстро обратился в милицию, шестнадцатилетних преступников удалось оперативно задержать. Материалы уголовного дела направлены в суд.

Однако не всегда криминогенные ситуации имеют благополучный исход. По сей день остается неясной жуткая история с трупом десятилетнего мальчика в рундуке

вагона, находившегося в ремонтном депо. Мальчик был совершенно раздет, убийцы постарались скрыть все следы. К сожалению, раскрыть это дело не удалось. Поэтому мы всегда уделяем внимание детям, находящимся на вокзалах без взрослых. Они порой могут стать и случайными жертвами. Таких ребят, не имеющих документов, работники инспекции по делам несовершеннолетних направляют в приемник-распределитель, где им оформляют билет и сопровождают домой.

— **Есть ли на вокзале рэкетеры!**

— На привокзальной площади в прошлом году сгорела палатка кооператора, только начавшего ее строить. Но рэкет это, месть или случайность, установить не удалось. Зато наперсточников хватало. Вот где загадка для психологов: знают ведь многие, что игра построена на обмане, писали об этом не раз, а желающие добровольно отдать свои деньги мошенникам находятя довольно часто. В прошлом году нам удалось привлечь одного за организацию игры к уголовной ответственности с конфискацией имущества. Эта мера дала результат — разгула уже нет. Конечно, украдкой поигрывают, деньги есть деньги, насильно никого не заставляют играть, а в добровольцах почему-то нет недостатка.

— Современной техникой железнодорожная милиция похвастать не может, а преступления вы раскрываете исправно. Для столичного вокзала сделано исключение, или все же секрет успеха в чем-то другом!

— Главное наше богатство — это профессионалы, люди, самозабвенно любящие свое дело, отдающие ему все свое время, силы, знания.

Именно они раскрывают самые запутанные преступления. Среди них особое место занимают случаи разбойного нападения на пассажиров с предварительным отравлением их каким-либо психотропным веществом, вызывающим потерю сознания, заторможенность. Кто только не становится жертвой неожиданного знакомства, быстротечного переходящего в дружбу и совместное застолье — в вокзальном ли ресторане, в вагоне поезда или кафе. В прошлом году, например, психотропными веществами отравили студентку столичного вуза. В полубессознательном состоянии ее нашли рядом с платформой станции Царицыно.

Первыми о случившемся узнали сотрудники линейного отделения внутренних дел на станции Люблино. По звонку уборщика платформы туда подъехал милиционер этого подразделения Алексей Селиверстов. Девушка оказалась в реанимационном отделении института Склифосовского, откуда позже сообщили в районе станции Царицыно неизвестный мужчина пытался ее задушить.

Благодаря принятым оперативно-розыскным мерам удалось найти квартиру, где жил преступник. Там уже работали муровцы, они имели свои претензии к «кинорежиссеру», за которого выдавал себя при знакомстве с девушками некто А., 1954 года рождения, бомж, ранее судим. Он был изобличен не только в упомянутом преступлении, но также в двух убийствах, изнасилованиях и ряде разбойных нападений.

Незаурядные профессиональные качества проявили в раскрытии этого преступления заместитель начальника линейного отделения внутренних дел на станции Люблино майор милиции И. Ломов, сотрудник того же отделения старший лейтенант милиции А. Шулюпов, начальник отделения уголовного розыска линейного отдела внутренних дел на станции Москва—Курская и его заместитель капитаны милиции В. Лунин и Н. Панкин, начальник отделения по борьбе с преступными посягательствами на грузы А. Гвоздев, следователь А. Фурчакова, оперуполномоченные уголовного розыска старшие лейтенанты милиции Н. Коньков и Е. Сапронов.

— Где же преступники чаще находят жертвы — в поездах, электричках или на вокзале!

— Уровень вокзальной преступности довольно высок и составляет в общей структуре почти сорок четыре процента. Правда, большая доля приходится на кражу грузов. А на вокзале, как мы говорим, погоду делают кражи личного имущества — из автоматических камер хранения, при посадке пассажиров в поезда, в буфетах, у игровых автоматов. Все они, как правило, результат излишней доверчивости людей, которые либо оставляют свои вещи без присмотра, либо поручают приглядеть случайным их попутчикам. Иногда при посторонних набирают шифр, оставляя вещи на хранение, как следствие — кража.

К сожалению, не хватает кадров. Конечно, если бы все работали одинаково, с высоким коэффициентом полезного действия, так, например, как работает старший сержант милиции Михаил Ковтуновский, — был бы идеальный порядок.

Правда, и нормативов никаких нет, сколько работников милиции надо использовать на том же Курском вокзале, чтобы обеспечить порядок как в помещениях самого вокзала, так и в электропоездах. На электрички нам вообще людей не хватает, чтобы их сопровождать. Отсюда рост грабежей, разбоев.

— **Что вы пожелаете пассажирам!**

— Всем, кто пользуется железнодорожным транспортом: крепко запомните старую поговорку: «Береженого бог бережет». В пути будьте осмотрительнее, чтобы не пострадать из-за излишней доверчивости и неосторожности.

Майор милиции Н. ФРОЛОВА.

492

САПОГИ ВСМЯТКУ

САТИРА: ЮМОР

— 1 —

Таинственная история эта, как и положено историям подобного рода, произошла поздним вечером, когда сморенная ратным трудом рота уже готовилась провалиться в сон, а ее командир, капитан Великомучеников, наконец-то присел на стул в родном своем кабинете и сказал сам себе:

— Ну, сегодня все же выкрутился. А что же завтра будет? Уборка территории, работа на подсобном хозяйстве, боевая учеба, служба... Трое на соревнования едут, двое на семинар... Командиры взводов на сборах... У двух ангина, еще двое — в патрулирование. Все? Ах, да: кухонный наряд, троих надо выделить для уборки в клубе... Нет, раздвоиться и мне, и всей ро-

ключилась бы и вся эта чертовщина. Какая именно? Да, действительно, хватит вас, читатели, томить ожиданием прямо-таки фантастического сюжета. А потому покинем сейчас и ротного — он домой собирается, пусть идет, хоть на короткий час увидит жену и спящих детей, — и будущего физика покинем — он по-прежнему жалостливо смотрит на капитана Великомученикова и раздумчиво на учебник физики да на радиодетали, лежащие в пластмассовой коробочке. Вообще покинем роту и перенесемся в пространстве и времени метров за сто от казармы, туда, где расположено КПП части и где часы показывают не поздний вечер, а раннее, еще предраассветное утро. К примеру, ровно пять.

Капитан Р. ЗЛОТНИКОВ

те надо, чтоб все успеть сделать!

Ротный писарь рядовой Ньютонов, не желая мешать мыслям командира, с одной стороны, и не желая остаться безучастным к его переживаниям, с другой, шепнул сочувственно:

— Так точно, товарищ капитан, раздвоиться!

Хоть должность писаря считается чуть ли не интеллигентской, забот у него всегда было по горло. Писанина отнимала не только день, приходилось и вечера прихватывать, вот как сегодня, к примеру. Вдобавок ко всему, собирался Ньютонов в институт поступать, корпел над физикой, причем, как добросовестный солдат, в свободное от службы время, а свободное только после отбоя и выпадало. Хорошо было хоть то, что его, как человека, приближенного к ротному начальству, не больно ругали за ночные бдения. На что дежурные по части — и те только интересовались: «А не пора ли спать, рядовой Ньютонов?» Знали его все: он же и телефон мог починить, и машинку пишущую, и телевизор...

Так подробно о солдате этом речь ведется потому, что, не будь его, не при-

— 2 —

Ровно в пять утра дежурный по части майор Неверующий опустил на рычаги телефонную трубку, отметил в журнале время доклада из очередного подразделения и собрался было перекурить, как дверь распахнулась, и на пороге возник дежурный по КПП с такими глазами, что Неверующий вздрогнул:

— В чем дело? Пожар?

— Хуже, — сказал дежурный и перешел на шепот: — Там, у ворот, капитан Великомучеников стоит, просит, чтоб его впустили.

— Ну так впусти. — И майор пожал плечами. — Нашел чему удивляться: ротный до подъема на службу пришел. У нас все так и поступают.

— Но он же с ротой там, товарищ майор! Со своей шестой ротой, форма номер четыре, автоматы, мишени... Говорит, со стрельбища возвращается. С ночных стрельб.

Неверующий всего полчаса назад вернулся с обхода подразделений и собственными глазами видел, что шестая рота, как ей и положено, смотрела предраассветные

сны. И ружья там был опечатан. Поэтому сейчас он подумал о дежурном по КПП нехорошо. Встал, подошел к нему поближе, чтоб понять, от переутомления у того затмение в голове или от чего другого. Хотел было уж сказать: «А ну-ка дыхни, братец», но тут взгляд его упал в окно и... И Неверующий нащупал спиной стену, дабы не свалиться на пол. У ворот воинской части в полной экипировке стояла рота капитана Великомученикова, а сам командир подразделения нетерпеливо поглядывал на часы.

— Что делать, товарищ майор? — спросил у Неверующего дежурный по КПП. — Открывать ворота или полк по тревоге поднимать? Может, все это — шпионы переодетые?

Все это — психоз, подумал майор. Последние дни он тоже был так загружен и захлопотан, что сейчас легко себя убедил: галлюцинирует от переутомления.

Створки ворот вздрогнули, разошлись — и шестая рота, печатая шаг, вышла на плац военного городка.

В ту же минуту заиграл трубач, возвещая для всех военных начало ратного дня.

— 3 —

Капитан Великомучеников проснулся, когда жена и обе дочки еще спали. Жили они в смежной двухкомнатной, такую в простонародье «трамвайчиком» называют. По одной комнате ходишь — в другой половицы скрипят. Потому на цыпочках прошел он в свою крохотную кухню, наскоро побрился, попил чаю и вышел на улицу. Путь его был неблизок, но ротный решил сегодня не спешить. Ну может же он себе позволить хоть изредка приходить в роту не к подъему!

На КПП его встретил давний друг, майор Неверующий. Причем встретил довольно странной фразой:

— Как же это ты за пределы части выходил, что я тебя не видел, а? Впрочем, ладно, расскажи лучше, как ночные стрельбы прошли?

— Во-первых, по утрам здороваться надо, во-вторых, никуда я не выходил, потому как топаю из дому, а в-третьих, сегодня не первое апреля, чтоб меня разыгрывать. Какие стрельбы?!

Ротный прошествовал мимо майора, погруженный в заботы о дне наступающем, и не услышал, как Неверующий прошептал, прикрыв глаза: «Чертовщина какая-то!». А забот этих было — по самую макушку. Вот, к примеру, листопад начался, и командир части, конечно же, устроит разнос, что плохо убрано вокруг казармы. Начальство, понятно, всегда право, но где ж людей взять, чтоб образцовый порядок навести?

Ага, вот и командир, легок на помине. — Великомучеников, ведь умеете же работать, когда хотите! Отделение на уборку территории выделили! И на под-

собном хозяйстве, смотрю, уже с утра работу организовали. Всегда бы так!

Ротный недоверчиво взглянул на полковника: не шутит ли тот? Но так и не понял. На всякий случай ответил уклончиво: «Стараемся, понимаем, что надо». А у входа в казарму его повстречал начальник штаба, глаза от удивления округлил:

— Вы как метеор, товарищ капитан. Только что вас в штабе видел, теперь вы здесь...

Опять удивился Великомучеников, но виду не подал. Зашел в роту — и только руками развел. Стекла блестят, полы как зеркало, краны в умывальнике чистой блестят. Будто не дневальные, а вся рота наведением порядка занималась. Едва он зашел в канцелярию, как постучался в дверь и попросил разрешения войти рядовой Ньютонов. Вот он-то во всем и признался. Мол, после вчерашних ваших слов о раздвоении, товарищ капитан, вник я в ваше положение, взял в руки паяльник, поломал немного голову и сообразил такую штуковину, что теперь в роте людей в два раза больше стало. Всех — по два, как под копирку. Но поскольку у каждого дел куча, то двойники друг друга не видят. Одни на службе, другие выехали колхозу в уборке овощей помогать, третьи в составе художественной самодеятельности репетируют...

— Если кто и встретится в роте, то только вы со своим двойником, товарищ капитан. Я ему, кстати, тоже во всем признался.

— Кому ему? — не понял ротный.

— Капитану Великомученикову.

— А я кто?

— Капитан Великомучеников. Вас теперь двое, понимаете? Значит, у каждого в два раза меньше работы будет.

— 4 —

В самом тихом и затененном углу военного городка, вдаль от глаз начальства и солдат, стояли два офицера и выработывали план поведения на текущий день.

— Я караулы проверяю, на подсобном хозяйстве кручусь, в правление колхоза заскочу, а ты в роте будь: журналы заполни, занятия с сержантами проведи, нагоняй от полковника получи...

— Теперь ему не за что будет нас ругать. Буду заходить в кабинет и выслушивать благодарности.

— Верно. Если так дело пойдет, то я по графику летом на отпуск пойду, впервые за четыре года, понимаешь?

— Да, послушай, а ты-то сам как?.. И весь этот дублирующий состав роты? Вопросы питания, размещения и... это... Жена ведь у нас одна...

— А тебе что, Ньютонов не объяснил? Мы только с виду материальные, понимаешь? От подъема до отбоя существуем, а потом наш физик нажимает на кнопку — и исчезаем до утра. Но хватит прохлаждаться. Знаешь, я прикинул: у нас дел

491

— 5 —

— как раз на то, чтоб две роты справились. И два ротных, естественно. Удивляюсь, между прочим: неужели все это не видит командир части?

— То есть как это не вижу? — раздался знакомый голос, и тотчас перед офицерами возник, как уже говорилось, легкий на помине полковник. — Все вижу. Инспекторская проверка на носу, а вы, понимаешь, анекдоты тут тра... тра... Что за чертовщина?! Это как понять, а?

Ну что оставалось делать Великомуучениковым? Естественно, признаться во всем. Выслушал их командир и сказал устало:

— Знали б вы, какое у меня впереди времечко... Не раздвоиться, а расстроиться надобно. — Тут его глаза азартно блеснули. — А что, мысли! Ну-ка, пришлите мне в кабинет вашего Ньютонова. И пока никому ни слова о его способностях!

Прапорщик
Александр ПАНКРАТЬЕВ

РЕВМАТИЗМ

А я когда-то, бедолага,
В сырую полночь и туман
В траве холодного врага
Имел стремительный роман.
Теперь страдаю ревматизмом —
Как дождик, так крестец болит.
Зову я это романтизмом,
А врач зовет радикулит!

В. БОКОВ.

*Я не ханжа. И мне путаны
По-человечески близки.
Имел я с ними блицроманы
От романтической тоски.*

*Я презирал дворцы, лачуги —
Я был в овражном сексе спец.
Об этом знают лишь подруги
Да мой натруженный крестец.*

*Я, не страшась радикулита,
Закрыв глаза, бросался в грязь
И впопыхах, но шито-крыто
Вступал в стремительную связь.*

*Поймет, пожалуй, и младенец:
В моих страстях рассудка нет.
Я не маньяк, не извращенец,
А лишь застуженный поэт!*

Проверку часть сдала успешно. За умение всюду успевать капитан Великомуучеников получил благодарность, а командир полка — медаль. Генерал, возглавлявший комиссию, проникновенно тряс полковнику руку и при этом шепотом говорил:

— Я же тебя еще с лейтенантов знаю, обучал уму-разуму. Чего же упираешься, не хочешь подобру Ньютонова отдавать? Думаешь, если я генерал, то мне легче твоего?

Вместе с членами комиссии уехал рядовой Ньютонов дослуживать в большой областной город.

А теперь он, говорят, в Москве служит. Такая вот чертовщина.

С фотографии на Михаила взглянуло крупное лицо с перстнем на пальце и хромою ногой.

Разведчики обнаружили девять трупов врага, трое из которых вскоре дали показания, так как были только ранены.

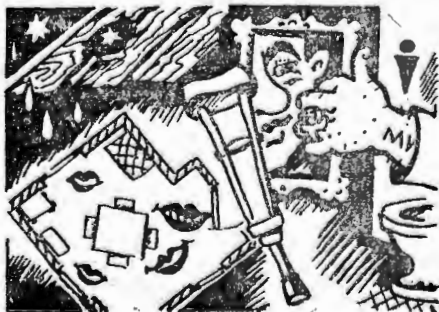
Ночью Сергеев попросился в туалет, и часовой подумал: «Нет, неспроста просится, наверняка чего-то хочет!»

Плечо у него не заживало, но он все же встал на ноги.

...В семье четыре рта, из них два ребячьих, очень подвижных, таких, что в одной комнате просто не разместиться.

И так все у меня плохо: пол проваливается, крыша протекает, второй ребенок родился. И никто мне не скажет, когда же это все кончится.

На нем был поношенный берет в спцовке.

ИШТДРЕНОВ

ЖАДЕИДОСЖОТ

САМ СЕБЕ ТРЕНЕР

НЕ МЕЧОМ
ЕДИНЬМ

Медитация, психотропика,
транс и искусство боя

Одолеть врага, каким бы грозным тот ни казался, неизменная миссия воина на поле брани. «Непоколебимость заключена в себе самом, возможность победы заключена в противнике». Простые слова древнекитайского стратега Сунь-цзы впитали и уверенность в себе, и уважение к другому, одолеть которого можно было лишь отточенной техникой, не подверженной влиянию эмоциональных помех. Вот почему, овладев динамикой движений, воин сталкивался с проблемой совершенствования психологической надежности. Именно она позволяла в полной мере реализовать его умение. Как? Одни шлифовали технику, используя для этого состояние углубленности, сосредоточенности, отрешенности от внешних объектов (медитацию). Это — даосы Китая и воины-дзены Кореи и Японии.

Другие делали ставку на различные психотропные вещества, пытаясь посредством их войти в определенное состояние, когда невозможное уже не кажется таковым. Сторонники такого направления были повсюду.

Третьи вызвали транс, при котором человек подчиняется только одной задаче — одолеть ситуацию. Индивид на какое-то время становился как бы железным человеком, роботом, оснащенным помехоустойчивым биокомпьютером, полностью реализующим свои знания и умения и работающим в оптимальном для данной ситуации энергетическом режиме.

ПУТЬ ДЗЕН

«В ДУШЕ, абсолютно свободной от мыслей и эмоций, даже тигр не найдет места, куда запустить свои свирепые когти». Этим буддийским изречением некоронированный король кунфу Брюс Ли открыл свою единственную, вышедшую уже после его таинственной

смерти книгу по искусству боя. Впрочем, не он один — многие уважали религиозно-философские доктрины, поскольку находили в них вполне реальную пользу для своей полной опасностей боевой жизни.

Как это ни банально, но главное препятствие в период схватки — мысль о смерти. Она мешает свободному проявлению мастерства. Чтобы преодолеть эту сковывающую мысль, воины Востока занимались дзен.

Дзен (кит.—Чань) — учение, а также название одной из сект китайско-японского буддизма, полагающего, что тайны бытия можно постичь лишь интуицией, но не логикой. Основателем школы почитается легендарный прародитель шаолинского кэмпо — рукопашного боя — индийский монах Бодхидхарма.

Желанное преобразование личности осуществляется посредством особого психотренинга, в результате которого мобилируются все психофизические ресурсы и возможности человека.

По словам японского профессора Дзэitarо Судзуки, страх смерти или ничтожнейшая привязанность к жизни вынуждает ум терять свою текучесть. В этот момент ум воина уже не его ум, поскольку он попадает под контроль мешающих ему представлений. Но стоит бойцу настроиться на то, что живым он из боя не уйдет, отбросить беспокойство о себе, он может оказать сильнейшее сопротивление самому грозному противнику. Это напоминает известный афоризм Гете: «Ужасен тот, кому уже нечего терять». Чтобы преодолеть страх и мысль о смерти, необходимы твердое решение и сильная воля — как раз те качества, без которых воин не был бы воином.

Задача, таким образом, состояла в сохранении абсолютной текучести ума. Когда решается вопрос жизни и смерти, о размышлениях следует забыть, чтобы они не впутывались в молниеносную быстроту действий. В таком состоянии «не-ума» ум полностью отдается некоей силе, которая возникает и заполняет область сознания. Человек становится «бессознательно-сознательным» или «сознательно-бессознательным». Не надо видеть здесь бездумной жестокости, ибо суровость ответа обычно соотнобразуется с опасностью вызова, причем предполагается, что это не воин убивает врага, а враг совершает самоубийство оружием воина.

Согласно некогда тайному учению «луна в воде», восприятие реакции и движений противника должно быть мгновенным и полным, подобным отражению луны во всех водоемах, возникшему, как только рассеются облака, закрывающие ночное светило. Достичь этого позволяла, в частности, медитация на пустоте.

Другим полезным приемом было культивирование «состояния начинающего». Новичок ничего не знает, а посему поступает спонтанно и непредсказуемо. Затем его учат техническим нюансам, и он, отвлекаясь на них, теряет чувство неискушенности и свободы. И вот, когда ученик достигает мастерства, ему следует все забыть, дабы тело действовало как бы само по себе, без вмешательства ума. Об этом ясно и просто гласят поэтические строки для тайной передачи, в которых выражена суть учения одной из школ японского фехтования: «Отринь все, чему ты научился в фехтовании, и единым глотком выпей все воды Западной Реки». Вторая часть формулы здесь — это дзеновское изречение, постичь которое (без каких-то там логических спекуляций) можно только обретя уже упоминавшееся состояние «не-ума».

ТРАВЫ ДЬЯВОЛА

ПОПЫТКИ вырваться за пределы своих возможностей многие в старину «связывали» с владыками зла. «Бог создал мир, а дьявол добавил в него перца», — говаривали весьма уважаемые острюгу пищу непокорные. В арсенале дьявольской кухни были

зелья на все случаи жизни, и нет ничего удивительного, что на них обратили внимание и воины. Растительные вещества предлагали легчайший путь овладения необычными силами, но были опасны тем, что поведение их приверженца было непредсказуемым. Действие того или иного средства определялось многими факторами. Срывать растения следовало в нужное время и в должном месте, что вполне согласуется с современными представлениями о цикличности содержания в них активных веществ и зависимости их химического состава от качества почвы и климата места произрастания. Для приготовления снадобья следовало использовать конкретную часть растения. Это связано не только с тем, что определенные вещества предпочитают находиться в определенном месте, но и с наличием во многих растениях соединений-антагонистов. Так, разные части широко известного на Востоке корня женьшеня обладают взаимоисключающим действием, и тонизирующий состав, приготовленный из всего корня без учета данного факта, имеет низкую эффективность. Зная это, воины Азии приобретали только цельные корни и сами готовили из него препарат, одного зимнего приема которого хватало на тонизацию организма в те

чение года и более.

Внутренние противоборцы были и в агрессивной флоре. К примеру, на Руси, чтобы привести воина в агрессивное состояние с умножением мышечных сил, издавна использовали настой ядохомора. При этом содержащиеся там ядовитые вещества, противостоя друг другу, снижали общую токсичность и обеспечивали нужную эффективность боевого зелья.

Действие снадобья зависело от состояния психики индивида, его биохимии и множества других причин. Наибольшей популярностью пользовались средства, приводящие бойца в состояние бешенства с резким увеличением его физических возможностей. Так, абиссинские воины приходили в неистовство, вкусив смесь с листьями кустарника кхата. На Ближнем Востоке обретали буйную удаль, испив настой конопля, а опьяненные гашишем воины-ассасины шли на самые дерзкие покушения, ничуть не заботясь о своей жизни. Неукротимость старой перуанской пехоты объясняется употреблением ее бойцами листьев коки, дающих ощущение повышенной силы, выносливости, точности и уверенности в движениях.

Весьма любопытные возможности открывал кактус пейотль, растущий в северных степях Мексики. По словам мексиканского изыскателя Лаагура, он вводил в транс, удесятерять силы, возбуждал в бою, «убыстрял» время, убирал страх. Человек делался выносливым и нечувствительным к голоду и жажде. У него резко повышалась внушаемость. Путем определенной практики воин учился контролировать состояние и становился «полубогом». Насыщенные о чудесных возможностях пейотля, его пытались использовать и черный орден СС, и американская разведка.

Один из самых хитроумных способов полного подчинения индивида чужой воле практиковался в тайной гаитянской организации Бизанго и заключался в создании «живых мертвецов», или зомби. Согласно американскому ученому В. Дэвису, кандидату подмешивали в пищу «пудру зомби», в состав которой входили ткани тропической рыбы-луны (иглобрюха), содержащие нервно-паралитический яд тетродотоксин. Кстати, один из привычных ядов американской разведки. Пребывающую в состоянии клинической смерти жертву хоронили, а через некоторое время выкапывали и кормили пастой на основе «огурца зомби», одного из видов местного дурмана. В результате человек теряет память и становится полным рабом жестоких экспериментаторов.

К сказанному можно добавить, что фармакологический контроль над человеком с целью направления его действий (будь то террор, ломка воли или просто компрометация поступком) является составной частью печально известной операции «МК-ультра», зародившейся в дьявольских головах сотрудников одной из самых изощренных разведслужб Запада.

РОБОТЫ С СЕРДЦАМИ ЛЮДЕЙ

ГИПНОЗ и его возможности не были для воинов тайной за семью печатями. Привычка к трансу вырабатывалась с детства. Подростки с их неопределенными представлениями о себе и повышенной внушаемостью рассматривались как идеальные объекты, в мозг

которых можно было вложить самые разнообразные программы поведения.

Чтобы такие программы стали действительными и долгосрочными, следовало снять все помехи, затрудняющие контакт наставника с учеником, а это проще всего было осуществить, вводя последнего в гипнотический транс. Учитывая, что все подростки одинаково внушаемы, в некоторых школах с амбициозными замыслами и потребностью в быстром обучении адептов (посвященных в тайны какого-либо учения) использовали специальные приемы.

Н. М. Калюжная в своей работе о восстании ихэтуаней упоминает о тесте, применявшемся при отборе учеников в «Отряды справедливости и согласия». Метод был прост. Кандидату наносили рукой удар по лицу и, если он падал без сознания, считали годным для обучения. Полагают, что в данном случае работал прием «шокового гипноза», основанный на том, что все непривычное и неожиданное способствует вызову гипнотического состояния.

Вводить обучающихся в транс можно было по-разному. Чаще всего использовались заворачивающее однообразие ритма: ритмические телодвижения, ритмические удары барабана, ритмическое дыхание, ритмическую декламацию магических формул. Применялись также наркотические препараты или окуривание психотропным дымом. Приводя ученика тем или иным способом в требуемое состояние, учитель обычно связывал это с конкретным словом, магической фразой или действием так, чтобы в последующем тот сам мог посредством данного ему ключа выходить на нужный уровень трансa.

Интересную информацию о тренинге в учебном лагере ихэтуаней, поднявших на рубеже прошлого века «боксерское восстание» в Китае, дают (по китайским источникам) отечественные исследователи П. В. Абав и С. Ю. Лепехов. Занятие там начиналось с вхождения обучающихся в транс, для чего они с закрытыми глазами читали наизусть определенные фразы-заклинания. После этого обучаемые ложились на землю, а затем, вскакивая, выкрикивали свои псевдонимы — имена известных героев. Далее шли боевые движения и «буйствование по горным проходам и ущельям». За несколько дней таких занятий вырабатывался условный рефлекс, и стоило ученику повторить заклинание один раз, как он тут же оказывался в необходимом ему состоянии трансa.

Отождествление молодого воина с реальным или мифическим героем имело большой смысл, поскольку позволяло моделировать свои действия и движения на основе предполагаемого поведения данного персонажа в конкретной ситуации. Судя по всему, такое самопрограммирование на героя было весьма эффективным.

В тайландских группах сиамского бокса к делу подошли проще. Проведя легкую разминку, ученик пару часов бегал по залу, эсыпая ударами мешки с песком и партнером. Это вводило его в транс, и он переставал чувствовать усталость, концентрируя внимание лишь на движущихся объектах. Здесь ему на голову надевали защитный шлем и сводили в парной схватке. После нескольких минут жесточайшего боя ученик в изнеможении падал на пол. Так продолжалось около года. Предполагалось, что при этом он обретает боевой дух, умение владеть телом, динамизм, психическую устойчивость и отвагу. В дальнейшем интенсивность тренировок падала и главное внимание уделялось технике.

Технику работы в транс можно проследить на примере индонезийского боевого искусства пукулан, которое изучал и исследовал Джон Мотерер, мастер этой оригинальной системы личной неуязвимости. По его словам, дело происходило примерно так.

Ощувив какую-либо опасность, воин автоматически «вщелкивался» в специфичное ментальное состояние, в котором он был «спокойным, но смертоносным». Глаза его были широко открыты, воспринимая все и не выдавая ничего. Тело переходило на ритмичное брюшное дыхание с привлечением силы из района чуть ниже пупка. Время как бы замедлялось. Контакт с окружающими терялся.

Разглядев враждебные намерения в приближающемся человеке, мастер направлял пронизывающий трансподобный взгляд ему в глаза. Если враг поворачивал назад, этот проникающий взгляд продолжал фиксировать бок его головы, а затем затылок, пока тот не исчезал из поля зрения бойца.

Если же противник не уходил, а надвигался с явным намерением атаковать, мастер принимал защитную позицию, фокусируя взгляд на его груди и выполняя руками чрезвычайно интригующие, грациозные и гипнотические движения, которые отвлекали нападающего и сбивали его с толку, вынуждая не доверять тому, что он видит.

Наконец, занимающийся неожиданно «взрывался» и, подобно молнии, поражал агрессора, который не успевал осознать, что он атакован. Точно перед смертельным ударом, воин смещал свой максимально сконцентрированный взгляд на глаза врага, как бы ударяя своим умом по его уму с целью ввести нападавшего в мгновенную пассивность и снять этим возможное противодействие своему движению. Летальная атака сопровождалась пронзительным, ледящим кровью воплем,

нарастающим в интенсивности по мере отключения агрессора.

В данном описании можно найти много любопытных моментов. Так, ключом, «вщелкивающим» воина в специфичное состояние транс, здесь является ситуация. Вероятно, это наиболее оптимальный путь перевода личности на нужный уровень активности. Судя по сообщениям в прессе, вездесущее американское ЦРУ уже использует его, программируя сознание человека на террористический акт. Интересным здесь является то, что тайный «зомби» вроде бы и не помышляет об устранении данного лица или объекта, но, как только пусковое событие происходит, все случается как бы само собой.

Техника широко открытых глаз взята из практики летучей мыши-вампира, которая садится перед жертвой, уставившись своими большими красными глазами в ее глаза, причем последняя от ужаса не может ни бежать, ни сопротивляться. Известно, что стадные животные не выдерживают пристального взгляда, недаром собака бросается на того, кто ее боится. Тацит как-то заметил, что первыми в сражении побеждают глаза.

Кроме боя и тренинга, воин входил в транс и для других целей. Так, члены китайской религиозно-патриотической секты Белого Лотоса, оказавшись в руках властей, вводили себя в трансподобное состояние цзо гун, благодаря которому переставали реагировать на пытки.

Обретение состояния цзо гун проходило в несколько стадий: достигнув определенной сосредоточенности в сидячей медитации, адепт направлял свое жизненное дыхание в определенном ритме по определенным каналам. Это сочеталось с декламацией эзотерической восьмичленной мантры, которая становилась ключевой фразой. (Мантра—резонирующие слова-звуки, высвобождающие определенные энергии человека). Стоило теперь посвященному произнести ее, как он впадал в состояние, позволяющее не только выдерживать самый жестокий пыточный допрос, но и осуществлять другие необычные действия.

Сходный вариант ухода от истязаний применяли и некоторые борцы против диктатур в Латинской Америке. Они пытались вывести свое сознание вовне и «со стороны» наблюдали, как палачи измываются над временно оставленными ими телами.

НЕЧИТАЕМОСТЬ ДЫХАНИЯ

ПЕРЕХОД тела на брюшное дыхание весьма важен. Существует много всевозможных видов дыханий, каждое из которых преследует свою цель. Есть, например, дыхания, снимающие усталость, повышающие чувствительность глаз и других органов чувств, мобилизую-

щие, убирающие страх, вводящие в транс, обеспечивающие импульсный выброс энергии, дыхания ментального (психического) воздействия на противника и т. д. Чаше всего воин дышал животом, благодаря чему тело обретало устойчивость и появлялась возможность усилить свою акцию и в какой-то мере нейтрализовать удар врага. Неподвижная грудная клетка обеспечивала нечитаемость дыхания, что было совсем не лишним, поскольку в одних фазах этого процесса боец был более уязвим для атаки, чем в других. Движения диафрагмы расслабляли солнечное сплетение, успокаивая ум и усиливая ментальную концентрацию, восприятие обострялось, и тело, реагируя, могло мобилизовать свои ресурсы за долю секунды. Дыхание было настолько важным аспектом, что некоторые воины, подобно индийским йогам, китайским даосам и японским ямабуси, превращали его в ритуальный процесс вращения внутренней энергии «ци», «чи» или «ки».

Свидетельства о привлечении силы из района нижней части живота можно найти практически во всех боевых системах Востока. Предполагалось, что энергетический центр тела находится в области, расположенной где-то от 2 до 10 сантиметров ниже пупка. Точная локализация этого района варьировалась в зависимости от теоретических представлений конкретного стиля и телосложения бойца. Были, однако, и общие моменты. Так, во многих случаях сюда входили две известные точки китайской акупунктуры: ци-хай («море энергии») и гуань-юань («граница жизненного бытия»). Они находятся на средней линии живота и расположены так, что если расстояние от пупка до лобковой кости разделить на пять частей, то первая из них окажется на расстоянии полутора частей от верхней границы, а вторая — трех.

По мнению восточных целителей, массаж этих точек снимает утомление и дает силы, когда человек чувствует, что не может выполнить поставленной перед ним задачи. Совсем с другой целью упомянутые точки изучали в техниках «смертельного касания», где полагали, что удар в них летален. Здесь, впрочем, нет ничего неожиданного, поскольку система боевой реанимации куатсу издавна ставит знак равенства между точками, лишаящими жизни и дарующими ее; вопрос лишь в способе воздействия.

Специальный тренинг давал возможность реализовать энергию, исходящую из указанного района самым различным образом. Например, в некогда элитарной корейской боевой системе хварандо (многие элементы которой вошли в тренинг американских «зеленых беретов») ментальное управление этой энергией позволяло делать тело тяжелым, легким, «стальным», нечувствительным к боли, а также усилить и убыстрить удар, бесконтактно воздействовать на противника и т. д.

БОЕВОЙ КЛИЧ

БОЕВОЕ использование вопля широко известно. Здесь и молодецкое «ура» чудобогатырей России, и «гу-га» штрафников Великой Отечественной, и безумно-отчаянный визг конников Чингис-хана, и озорной клич юного Тарзана.

Крик издавна уважали за его взбадривающий эффект, дающий бойцу уверенность в себе. При должном исполнении он оказывал и физиологическое действие, представляя телу добавочную волну энергии за счет стимуляции дыхательной системы и надпочечников. Помогая концентрировать мощь тела в броске или точке удара, крик одновременно давал и защиту, поскольку сводимые вместе при его выполнении ребра обеспечивали прочное каркасное прикрытие своих внутренних органов. И, наконец, он ошеломлял противника, озадачивая и дезориентируя его.

Интересно, что методика психологического воздействия звука на человека нашла применение и в современных войнах. Так, гитлеровские конструкторы оснастили пикирующий бомбардировщик Ю-87 специальными душераздирающими сиренами, включающимися при пикировании.

Прикладным применением крика занималась специальная система киаи-дзюцу. Мастера полагали, что восходящий из глубины живота звук может убить мелких животных и парализовать человека. Различали «воскрешающий» вскрик, применяемый при выполнении приемов боевой реанимации с целью восстановления сердечной деятельности и дыхательных функций, и крик «умервляющий».

Издавать крик следовало неожиданно и в момент, когда противник несколько ослабился. При недостаточной концентрации вопль мог не только не пробить ментальной защиты врага, но и придать ему уверенность в превосходстве своих сил.

В качестве оружия звук нашел применение и в животном мире. Не будем говорить о рыке льва, заставляющем дрожать от страха зайца, но упомянем об охотничьем крике дельфина, который вызывает у хамсы кровоизлияние в живот. На практичном Западе ударно разрабатывают акустическое оружие; ну, а у нас, в Союзе, прибалтийский врач Каролис Динейка, опираясь на опыт индийских йогов, давно и с успехом применяет звукодвижительные упражнения в терапии различных заболеваний.

Итак, транс. Среди многих видов и способов использования его состояний, мы привели лишь часть специфических примеров. Тема эта неисчерпаема. И было бы совсем неплохо, если бы современный воин, пытаясь разобратся в ней, нашёл возможность для самоусовершенствования.

Г. ТОВКАЙ,
инструктор рукопашного боя.

197

БРАВЫ РЕБЯТУШКИ НАДЕЛИ... КИВЕРА

На ярко освещенную сцену под звуки старинного марша вышли бравые парни в необычной военной форме. Впрочем, форма-то обычная, только носили ее... в начале XIX века.

...Так в одной из частей внутренних войск началось выступление членов Киевского военно-исторического клуба «Слава Отечеству», посвященное истории русского военного костюма.

— Вы все носите форму, — обратился к присутствующим ведущий, он же председатель клуба, кандидат исторических наук Виктор Бузало. — А известны ли вам вехи ее развития? Уверен, немногие знают, что за одежда сейчас на наших товарищах. А это форма Киевского гренадерского полка времен Отечественной войны 1812 года. Создавался полк два столетия назад, и его имя связано с победами русского оружия под Полтавой, Берлином, Бородино, Парижем, Плевной...

Цвет мундира — темно-зеленый с красным приборным сукном — традиционный для пехоты еще с времен Петра I. На погонах золотым шнуром выложена буква «К» — главное отличие пехотинцев Киевского гренадерского полка. На погонах также номер дивизии, при которой он состоял. Что интересно: в гренадерских полках погоны были только красного цвета, в пехотных же — красные, белые, желтые и зеленые с красной выпушкой. Вообще погоны появились в русской армии в 1732 году. Они пришли на смену «погонному шнуру». А окончательно утвердились в качестве непременного атрибута обмундирования в феврале 1802 года и просуществовали до 1918 года. В Советской Армии погоны были введены в феврале 1943 года после разгрома фашистов под Сталинградом...

Воины с жадностью ловили каждое слово. Казалось, что в гости к ним пришли не просто любители военной истории, а настоящие бравые гренадеры 1812 года, герои Бородино.

В беседу вступил Юрий Полищук. И сразу — вопрос аудитории:

— Знаете ли вы, сколько пуговиц на вашей шинели? А на кителе?.. А на мундире?..

В зале — оживление. Послышались робкие ответы с мест. Кто-то загибал пальцы.

— На мундире русского солдата 1812 года их было... 24! Из них 12 на груди, по 6 в ряд. На клапанах и на рукавах — по 3. По одной на погонах. Сзади на спинке — 2. И еще две пуговицы на фалдах. Причем

количество пуговиц и место их расположения на мундире строго регламентировались.

Вы привыкли к своим головным уборам — фуражке, пилотке, каске. А вот ваши прадеды носили кивер. Появился он в 1803 году. И предназначался только для нестроевых. Называли его фузильерной шапкой. Первоначально изготавливался он из плотного сукна, а с 1807 года стал обшиваться кожей. В начале XIX века на головных уборах появился и репеек — прообраз современной кокарды. По расцветке репейка командир мог определить принадлежность солдата к тому или иному батальону, а порой — и взводу. У гренадеров репейки были красные, у стрелков — желтые. На кивере располагалась гранадка «о трех огнях». В гвардии было свое особое отличие — бляха в форме двуглавого орла.

— Обратите внимание на снаряжение солдата начала XIX века, — продолжал Юрий. — Через правое плечо на портуpee носился тесак, а через левое — патронная сумка. Кроме того, у солдата была кожаная или холщевая сумка, напоминающая по форме противогазную. Непременным атрибутом снаряжения был ранец. К ранцу крепилась жестяная манерка — фляга для воды. Для того, чтобы вода была пригодной для питья, внутрь вставлялась серебряная пластина.

На сцене вновь Виктор Бузало. На нем — воспетая в песнях и балладах солдатская шинель. Свою родословную она ведет от епанчи — шерстяной безрукавной накидки. Появилась она в армии еще при Петре I. В начале XIX века к ней пришли рукава с отложными обшлагами. Воротник был стоячий. Спереди по борту размещалось 7 пуговиц.

В ходе выступления униформированной группы собравшимся рассказали и о единственном ныне в Вооруженных Силах СССР кавалерийском полку, об отдельной роте почетного караула Московской комендатуры. При этом были продемонстрированы атрибуты одежды личного состава их подразделений.

После завершения встречи воины плотным кольцом окружили членов клуба. Вопросам к гостям, казалось, не было конца. Значит, приобщение к истории не прошло бесследно, а многое из услышанного и увиденного запало в душу.

Прапорщик запаса Е. ПОДОБЕД.

Чудеса от Людмилы

ХОТИТЕ — ВЕРЬТЕ, ХОТИТЕ — НЕТ

Кашпировский, Чумак, Джуна... Целый сонм экстрасенсов, ясновидящих, колдунов. До популярности иных из них далеко и самым именитым кино- и рок-звездам. Жаждающих ощутить на себе их «неземное» влияние — многие тысячи. В этом я убедился, побывав на сеансах «белой колдуньи» (доброй колдуньи. — В. Я.) Людмилы Николаевны Герасимовой. Ее бабушка, Ковтун Арина Григорьевна, занималась знахарством, в совершенстве владела рецептами приготовления лечебных трав и... колдовала. Перед смертью все свои секреты передала внучке.

...Я сам был свидетелем, как прямо в зале она «очищала», освобождала от «порчи» многих и многих горемык. Ну, не могли же в самом деле сотни людей поддаться массовому гипнозу? Значит, все-таки сглаз, наговор существуют? Прямоком направился за кулисы, где после сеанса отдыхала «колдунья».

— Людмила Николаевна, вам не кажется, что среди тех, кто бьется в истерику на сцене, много симулянтов?

— Есть и такие. Я им сразу говорю об этом, чтобы не старались обмануть. Они приходят просто за диагностикой. А я ее на сцене не даю. Я таких отсылаю обратно. Подобное в каждом городе происходит. Некоторые люди просто хотят узнать, не болеют ли чем. А я диагностике специально отвожу отдельные сеансы, как правило, в Киеве.

— Сейчас появилось много экстрасенсов, людей, обладающих так называемой космической энергией. Но простому человеку, не разбирающемуся во всех этих премудростях, очень сложно понять, кто действительно обладает необычными способностями, а кто играет на доверии людей. Можно ли отличить шарлатана от профессионала в этом деле?

— А я их вижу. Мне достаточно взглянуть на человека, чтобы определить, наделен ли он способностями исцелять. Ко мне после сеансов много раз приводили различных экстрасенсов, чтобы я на них только взглянула и сказала свое мнение о них. Если я видела, что человек действительно наделен способностями, то я говорила: «Лечите с Богом». Если же нет, пыталась уговорить не заниматься обманом.

— А как вы считаете, таких, как вы, много?

— Таких, как я, на земле всего одиннадцать человек.

— А вы их знаете?

— Да, конечно.

— А кто они?

— Я этого не вправе говорить.

— А болгарская предсказательница Ванга, о которой так много писали у нас, входит в это число?

— Да, она добрая...

— Но она среди них?

— Давайте не будем больше об этом.
— А почему о них нельзя говорить? Вы чего-то боитесь?

— Ничего я не боюсь. Просто все, что могу сказать об этих одиннадцати, это следующее: они наделены способностями от рождения. Родиться с такими способностями еще кому-то нельзя. Они могут их только передать по наследству. Вот и у меня нет и не будет учеников, кроме моей старшей дочери.

— А как вы относитесь к астрологам?

— Нормально, хорошо, это добрые преимущественно люди. Между прочим, я встречалась с Глобой. Она меня признала на все сто процентов.

— Вам не приходилось лечить или просто помогать кому-то из экстрасенсов?

— Лечить не приходилось, но диагностировать — да. Ко мне за помощью обращался Чумак, и я его продиагностировала. Приятный человек, доброй души.

— Людмила Николаевна, поскольку я представляю военную прессу, хотелось бы спросить, как вы относитесь к людям при погонах?

— Очень хорошо отношусь к нашим военным. На земле всегда было зло, с которым надо бороться. Так что, считаю, образно выражаясь, добро должно быть вооруженным.

Ко мне часто приходят военные. От них я узнала, что в армии существуют «деды», которые обижают молодых солдат. Нельзя этого делать. Я об этом говорила, когда выступала перед военнослужащими, и сейчас повторяю: если человек творит зло, насилие, в будущем от этого сам же пострадает.

— Вас приглашали давать сеансы для военных?

— Неоднократно. Выступала и перед «афганцами».

— Людмила Николаевна, слышал, что многие ваши сеансы благотворительные. Куда идут вырученные средства?

— В Киеве есть Дом малютки, на улице Жуковского, 4. Когда возвращаюсь из поездок, сразу иду туда. Каждому ребенку завели сберегательную книжку. Кладу на их счета по 200 рублей.

— Спасибо за интервью, Людмила Николаевна.

— Удачи вам и всем ратным людям.

Интервью вел старший лейтенант В. ЯГОЗИНСКИЙ.

498

«Память Польши» — «Память России»

После моего выступления в журнале «На боевом посту» (№ 12, 1990 г.) о подготовке к выходу в свет второго издания книги Я. Пшимановского «Память Польши» я получила и продолжаю получать массу откликов. Читатели поддерживают идею создания у нас аналогичной книги, содержащей список имен польских солдат и офицеров, погибших на территории СССР, с указанием мест их захоронений. Как считают многие мои корреспонденты, это было бы нашим достойным ответом на ту огромную работу, которую проделали наши польские друзья по установлению на своей земле мест захоронений и выяснению сотен тысяч имен советских воинов, дотол «неизвестных солдат».

Нашлись и энтузиасты, которые, что называется, от слов сразу перешли к делу. Среди них, например, журналистка Светлана Дмитриевна Гладыш, занявшаяся организацией публикации фрагментов писем, поступающих к нам, и Пшимановскому, под рубрикой «Память России» — вариант названия будущей книги.

Конечно, создать подобный фундаментальный труд — дело непростое. Оно потребует помимо времени немалых финансовых затрат. Вот почему я вновь обращаюсь ко всем, кто заинтересуется нашей работой, откликнуться и принять в ней свое посильное участие. Напоминаю адреса, куда следует направлять письма, фотографии, копии документов о польских могилах, а также предложения о спонсорстве, меценатстве, сотрудничестве: 121467, г. Москва, Г-467, до востребования, Осташевой Ларисе Сергеевне; 103006, г. Москва, ул. Чехова, 18, Гладыш Светлане Дмитриевне.

Лариса ОСТАШЕВА,
член Союза журналистов СССР.

МЕЛОМАНАМ, КНИГОЛЮБАМ, КИНОЗРИТЕЛЯМ

«ЗВЕЗДА ФУТБОЛА»

— так называется песня, посвященная выдающемуся мастеру отечественного и мирового футбола Льву Яшину. В соавторстве с композитором Л. Печниковым написал ее один из ав-

торов нашего журнала поэт Е. Янковский.

Кстати, он — автор текстов и остальных трех песен пластинки «Футбол России», выпущенной фирмой «Ме-

лодия». Исполняют их Иосиф Кобзон, Евгений Поликанин, Федор Михеенко, Владислав Коннов, рок-группа «Магнит».

Любителям песен на спортивные темы остается пожелать удачи в поисках этой пластинки, ибо вышла она небольшим тиражом — 5 тыс. экземпляров.

ЗА СВОЙ СЧЕТ

издал книгу стихотворений и поэм ветеран наших войск, ныне философ Георгий Яковлевич Нестеренко. Если

человек решается на это, значит, ему действительно есть о чем рассказать читателю, поделиться с ним

своими мыслями. Не ставим целью писать рецензию на книгу, скажем лишь, что есть в ней и точные наблюдения, и четкая авторская позиция...

Да, а сама книга называется — «Трепет и гнев».

СМЕШНО, НО НЕ КОМЕДИЯ!

Не балует кинематограф зрителя продукцией на войсковую тематику. А тут — не просто фильм, а приключенческий, боевик, и название у него соответствующее «Конец «Скорпиона». «Скорпион» — осужденный, задумавший со своими погаными единомышленниками такую же поганую аван-

тюру, но сержант внутренних войск «со товарищи», естественно, встал на их пути...

Есть в фильме секс, кровь, элементы фантастики и просто нелепости, типа того, что на погонах воина внутренних войск появляются буквы «СА». Авторы фильма, наверно, не предполагали, что именно эти кад-

ры вызовут оживление в зрительном зале. Потому что все остальное было еще слабее как в художественном, так и в познавательном плане.

Оттого и не хочется даже упоминать авторов киноленты, которая не сделала им чести...

И. ТИХОИОВ

ЗАПАСЫ ВПРОК

Сентябрь — грибная пора. Самое время всей семьей, захватив лукошки, корзинки, ведра, отправиться в лес. И отдохнете, надышитесь вволю лесного воздуха, и грибов наберете. Даем несколько рецептов грибных заготовок.

Икра из свежих грибов. Тщательно промоем и очистим грибы, варим 20 мин. в подсоленной воде, промываем, а когда они остынут, пропускаем через мясорубку и сбжариваем в растительном масле. Отдельно поджариваем репчатый лук (200 г на 1 кг грибов) и помидоры (300 г). Перемешав затем все вместе, добавляем соль и перец, прожариваем на сильном огне 10—15 мин. Горячую икру раскладываем по банкам. Банки укупориваем и дважды стерилизуем (см. советы мимоходом).

Мариновать грибы можно различными способами, однако есть общие правила: надо обязательно, не жалея воды, хорошо промыть сырье, рассортировать по видам, подготовить отдельно шляпки и ножки, у маслят и сыроежек снять кожицу. Отваривают грибы для маринада 15—30 мин.,

закладывая в кипящую воду. Очень важно не переварить их, иначе маринад потемнеет. Маринадная заливка должна покрывать грибы, чтобы не заплесневели.

Один из рецептов маринования грибов. Грибы опускаем в кастрюлю с небольшим количеством кипящей воды. Через несколько минут после закипания добавляем половину нормы соли и лимонной кислоты (норма — соответственно 30—35 г и 2—2,5 г на литровую банку готовых маринованных грибов). После 15—20 мин. кипячения добавляем остатки соли и лимонной кислоты. Как только грибы осядут на дно, вместе с кипящим раствором перекаладываем в горячие банки и укупориваем, затем стерилизуем. Вместо лимонной кислоты можно взять уксусную эссенцию (5—6 г на 1 кг отваренных

грибов). Ее разбавляем грибным бульоном (80—90 г) и наливаем в кастрюлю только за 3 мин. до окончания варки, т. к. при кипячении уксус улетучивается.

Экстракт готовят из грибов с сильным запахом и приятным вкусом (белые, подосиновики, подберезовики, сыроежки, рыжики). Можно использовать и чистые отходы после чистки грибов — ножки, крошево. Все это пропускаем через мясорубку, укладываем в эмалированную кастрюлю, солим, подкисливаем по вкусу, доливаем воды (не более 250 г на 1 кг грибов) и тушим 30 мин. Выделившийся сок сливаем в отдельную посуду, а в грибы снова добавляем воду и тушим до выделения сока, и так несколько раз. Разваренные грибы пропускаем через мясорубку и выжимаем сок. Смешав весь сок, выпариваем его на сильном огне, пока не загустеет, как сироп. Горячий экстракт процеживаем через марлю и разливаем в небольшие банки; сразу же герметически их укупориваем, переворачиваем вверх дном и стерилизуем. Через 2 дня стерилизуем снова 30—45 мин.

СОВЕТЫ МИМОХОДОМ

■ Грибы быстро портятся, поэтому надо обрабатывать их как можно быстрее. Но уж если сразу это сделать некогда, то замочите в подсоленной воде, но не надолго!

■ Самый удобный способ заготовки грибов — сушка. Лучше всего сушить грибы в русской печи, раскладывая их на противни или доски после того, как из печи выгребли жар. Некоторые нанизывают грибы на тонкую лучину и размещают «букетом» в чугунках. В городских условиях сушку производят в духовке часов 7—10. Температура в начале сушки — около 54°, затем повыше — 70—80°, досушивают при 50—55°. Можно

и ускорить сушку, если подвешивать в духовку холодный воздух с помощью вентилятора.

■ Хорошо высушенные грибы слегка гнутся, но не крошатся. Пересушенные грибы — «звонкие», плохо развариваются, теряют аромат, становятся невкусными. Из «звонких» грибов лучше приготовить порошок для соусов. Если грибы при хранении отсырели, их нужно сразу же подсушить в духовке.

■ Стерилизуют грибные заготовки так: помещают банки с закатанными крышками в большую кастрюлю с горячей подсоленной водой (чтобы повысить температуру кипения) так, что-

бы она закрывала крышки на 2 см. На дно кастрюли подкладывают деревянный поддон или несколько слоев плотной ткани. Следите, чтобы банки не касались стенок кастрюли. Время стерилизации 45 мин., затем через 2—3 дня надо снова простерилизовать банки уже 60 мин., чтобы уничтожить споры возбудителей ботулизма.

■ Отправляясь в лес за грибами, помните, что лесные кладовые не бездонны, не вытапывайте грибные уголья, не вырывайте грибницы, и лес отплатит вам щедрой благодарностью, подарит радость общения с царством природы.

ЗНАХАРКИНЫ ЗАГОТОВКИ

Шиповник—общепризнанное витаминное растение. Вот в сентябре плоды шиповника как раз и собирать. Только они должны быть красного цвета, хотя немного и недозрелыми. Если их тронет заморозок, то при сушке потеряется большое количество витаминов. Отвар шиповника готовят так: на стакан воды столовую ложку сухих плодов кипятим 10 мин., затем настаиваем сутки. Чуть подсластив, принимаем по 1/3 стакана два раза в день. Очень полезен такой напиток зимой, когда витаминов все меньше в нашем рационе. Хранятся сухие плоды шиповника не более двух лет.

Для сбора клюквы отправляемся с вместительной корзинкой на болото. Ноги проваливаются в толстый мягкий ковер мхов, а на кочках радуют глаз бордово-красные россыпи ягод. Сами ягоды и сок их отлично понижают жар при малярии, различных инфекционных заболеваниях. Это противочинготное, противовоспалительное средство, напитки из клюквы освежают, бодрят, повышают работоспособность и хорошо утоляют жажду. Можно собирать клюкву и ранней весной, тогда ягоды более сладкие, но хранятся они плохо. А осеннюю клюкву можно хранить дома просто в прохладном месте.

И как всегда напоминает вам знахарка: не жадничайте, берите столько, сколько нужно в лечебных целях для семьи.

ПУТЬ К СЕРДЦУ МУЖЧИНЫ

Холодник по-мински. На 1,5 л воды—1 кг щавеля, 2 небольших свежих огурца, 100 г зеленого лука, 2 крутых яйца, 4 чайные ложки сахара. Щавель тщательно перебираем, моем, шинкуем, отвариваем в подсоленной воде или нежирном бульоне. Мелко режем огурцы, зеленый лук, белок крутых яиц, а желтки протираем через сито. Заправляем этой смесью суп, добавляем по вкусу соль и пряности. Отдельно подаем сметану, а сам холодник посыпаем зеленью.

Сбитень «Великий Новгород». На 1 кг меда—4 л кипятка, 20 г хмеля, палочка корицы. Мед растворяем в кипятке, добавляем хмель и пряности, кипятим на медленном огне 2—3 ч., процеживаем и охлаждаем. Подаем с кусочками льда.

Салат из сыроежек. Молоденькие сыроежки кипятим в соленой воде, откидываем на сито. Охлажденные грибы заправляем зеленым луком, растительным маслом и подаем с горячим отварным картофелем.

Жаркое из грибов. На 500 г свежих грибов—150 г сливочного масла, 3—4 столовых ложки пшеничной муки, 1 луковица, гвоздика,

зелень петрушки. Грибы кладем в расплавленное масло, заправляем по вкусу солью, перцем, сахаром и лимонным соком. Дав 5 мин. покипеть, всыпаем струйкой муку, добавляем полстакана грибного отвара, щепотку рубленной петрушки и луковицу, густо нашингованную гвоздикой. Жарим на медленном огне еще полчаса. В конце жарения луковицу вынимаем, а жаркое обрызгиваем лимонным соком.

Лисички отварные с лимонной цедрой. Хорошо промытые, немятые лисички отвариваем, режем, заправляем прокаленным и охлажденным подсолнечным маслом, посыпаем толчеными сухарями и тертой лимонной цедрой. Солим по вкусу.

Если лисичек много, можно сделать заготовку впрок. Оставшиеся лисички надо обжарить в сливочном топленом масле или любом застывающем жире, сложить в банку, залить сверху жиром и поставить в холодильник. Хранятся такие грибы всю зиму. Когда понадобятся, выкладываем на сковородку, заправляем зеленью—и второе блюдо готово.

ПОДУМАЕМ О СЕБЕ

Такую гору овощей, фруктов, ягод приходится перерабатывать запасливой хозяйке в августе—сентябре, что, как говорится, рук не хватает. Да и уберечь руки от разных раздражителей в эту пору трудно, разве что в резиновых перчатках работать. Но если их нет или неудобно в них, после ра-

боты, вымыв руки, смажем их любым кремом, содержащим растительные масла. К сожалению, сейчас кремов на прилавках парфюмерных магазинов мало. Ну что ж, вспомним «домашние» способы. Полезны ванночки из крахмала: чайную ложку крахмала заварить стаканом кипятка, по-

лученный клейстер разбавить теплой водой до 1 л и подержать в этом растворе руки 10—15 мин. Хороши и теплые ванночки из трав—ромашки, крапивы, подорожника, липового цвета, шалфея, лопуха, (по 1 ст. ложке на 1 л горячей воды).

СТУПЕНИ ЗРЕЛОСТИ

Хорошо подготовленная служебная собака обязана освоить прием «задержание преступника». Суть его в следующем. Помощник в дрессировочном костюме, неожиданно появившись в поле зрения собаки, начинает убежать от нее. По команде «фас» собака, спущенная с поводка, устремляется за помощником, быстро настигает и, прыгнув ему на спину, делает крепкую хватку. Задержание убегающего считается более эффективным, если собака прыжком сбивает его с ног.

Добиться этого не просто. Слабо обученная собака перед прыжком обычно гасит скорость бега до скорости движения помощника и сближается с ним почти вплотную. Поэтому-то прыжок получается не горизонтальный, а примерно под углом в шестьдесят градусов. Свалить человека с ног в этом случае способен только очень крупный пес за счет своего веса. Обученная же собака, не снижая скорости, прыгает на спину беглеца за 2—3 метра и сбивает его с ног сильным инерционным ударом. Как достичь такого результата?

Есть два пути. Первый. Собака пускается на задержание. Как только она приблизится к убегающему на 5—8 метров, он тут же предельно ускоряет бег до тех пор, пока она не настигнет его и не сделает хватку. Многократное повторение этого упражнения позволит выработать условный рефлекс прыжка на спину бегущего на высокой

скорости и, следовательно, с дальней дистанции.

Второй путь. Узкий коридор перегорожен барьером высотой 50—60 см, брать который, как вы помните, мы уже научились. По одну его сторону — помощник в дрессировочном костюме, по другую в пятидесяти метрах — специалист с собакой. Как только собаку спускают с поводка, помощник поворачивается спиной и отходит от барьера на 50 см. Чтобы преодолеть препятствие, собака будет вынуждена сделать изрядный прыжок, дабы настичь беглеца в «полете». Постепенно помощник все дальше и дальше отходит от барьера.

Теперь о выборке вещи. Среди специалистов служебного собаководства бытует мнение, что прием этот чрезвычайно сложен и добиться непрофессионалу от собаки четкой и стабильной работы по выборке почти невозможно. Убежден, что это не так.

Начните с выработки условного рефлекса на команду «нюхай». Для чего посадите собаку у левой ноги, сожмите в кулаке правой руки кусочек любимого собачьей лакомства, а кистью левой обхватите ее морду, чтобы она не смогла высунуть язык. Поднесите правый кулак с лакомством к носу собаки и подайте команду «нюхай». Уловив запах съестного, она станет втягивать в себя воздух, принохиваться. Тут-то и подайте команду «хорошо, нюхай», раскройте кулак и угостите питомца. Упражнение повторяйте, пока не

выработается необходимый условный рефлекс.

Второе условие: место занятий выборкой должно быть на первых порах привычным, постоянным, с наименьшим количеством раздражителей.

В-третьих, ни в коем случае не пользуйтесь в качестве предметов одними и теми же палочками, предназначенными для выборки. Это одна из грубейших ошибок, влияющих на чистоту работы. В пористом веществе — дереве — запах сохраняется долго, поэтому «проветривание» палочек бессмысленно, прежний запах (помощника или самого хозяина) наверняка сохранится. Так что не ленитесь — перед каждым занятием подбирайте новые палочки.

Четвертое правило: никогда не предлагайте собаке выборку вашей вещи, сразу начинайте с чужой. Пусть помощники (для удобства назовем одного из них основным, другого — вспомогательным) разживутся в лесу 12—15 палочками и потрут их между ладонями. Три из них вспомогательному помощнику следует разложить на земле на одной линии с интервалом 20—25 см. Посадите собаку у левой ноги, возьмите палочку основного помощника и дайте собаке обнюхать.

В-пятых, начальное знакомство с запахом вещи должно быть продолжительным — не менее трех раз по 15—20 секунд с интервалом в 30—40 секунд. Для этого, левой рукой удерживая собаку за морду, правой поднесите палочку основного помощника к ее носу, подайте команду «нюхай». Медленно поворачивайте палочку вокруг ее оси и перемещайте по диле. После чего спрячьте палочку за спину и дайте собаке спокойно посидеть, чтобы полученная запаховая информация надежно отложилась в памяти.

Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы собак
Главного управления
командующего
внутренними войсками
МВД СССР.

000075 — Т. Р.

Может, кому-то это и смешно, но я уверена, что моя любовь ходит в армейской шинели, и потому никакие тяготы военной жизни меня не пугают. Немного о себе: стройная шатенка, глаза голубые, рост 170, возраст 21 год. Живу с родителями в небольшом украинском городке, работаю учителем. Люблю петь, немного играю на гитаре, баяне. В одежде предпочитаю классический стиль. Обычная жизнь в ожидании счастья...

Татьяна.

000076 — Н. К.

Шатенка, среднего роста, говорят, симпатичная. Шесть лет старалась сохранить семью, но увя!.. Теперь уже больше трех лет живем вдвоем с сынишкой. Люблю заниматься домашними делами, вышивкой, неравнодушна к музыке, спорту, иностранному языку. По характеру добрая, говорят, даже слишком. Но не прощу никогда измены — это, пожалуй, единственный мой недостаток. Хотелось бы встретить человека, который смог бы стать хорошим мужем и отцом. Надежда.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

● Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки "ПВ—МЕСТО" производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

000077 — М. К.

По специальности медсестра, по характеру веселая, отзывчивая. 21 год, рост 168. Люблю книги, музыку, театр. Увлекаюсь кулинарией, садоводством. Ценю взаимопонимание, чувство юмора, доброту. Для дорогого человека сделаю все, чтобы он был счастлив. Надеюсь познакомиться с офицером, для которого буду верным другом. Внешность значения не имеет.

Марина.

000078 — Н. Ж.

Мой знак Зодиака—Стрелец. Мне 20 лет, русская,

рост 164, стройная блондинка, образование средне-техническое. Разведена, детей не имею, а так их люблю! По характеру добрая, отзывчивая, в свободное время вяжу, увлекаюсь выпечкой, люблю домашний уют. Хотелось бы познакомиться с добрым, порядочным молодым человеком от 21 до 28 лет, не пьющим, не курящим, мечтающим создать крепкую семью и дорожить этим. Я так нуждаюсь в надежном плече и ласковом взгляде и очень надеюсь, что встреча возможна.

Надежда.

Напоминаем, что мы работаем на коммерческой основе: пять рублей за один адрес и десять рублей—за опубликование вашего письма-объявления.

Наш расчетный счет — № 340616, в коммерческом банке «Лефортовский» г. Москвы, МФО — 201207.

Более подробно условия работы клуба — в предыдущих номерах.

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
 „Союзпечать“

АБОНЕМЕНТ на газету **70610**
(индекс издания)

на журнал (наименование издания)
На боевом посту Количество комплектов

на 19 _____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

на газету **70610**
(индекс издания)

на журнал (наименование издания)
На боевом посту

Стом-ность	подписки	руб. _____	коп. _____	Количество комплектов:
	пере-адресовки	руб. _____	коп. _____	

на 19 _____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

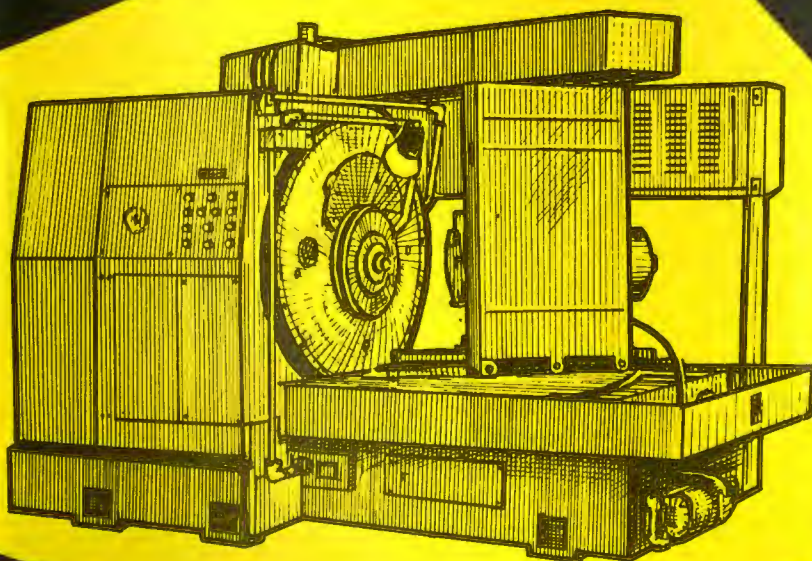
Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия инициалы)

ТОТ,
КТО КУПИТ

ЗУБОРЕЗНЫЙ ПОЛУ- АВТОМАТ

Саратовское станкостроительное производственное объединение выпускает большой набор зуборезных станков. Среди них зуборезный полуавтомат модели 5С280П, предназначенный для чистой и черновой обработки конических и гипоидных колес с круговыми зубьями.

Станок оборудован короткими кинематическими цепями. Цепь главного движения и цепи обкатки и управления имеют раздельный привод.

Механизм деления не входит в цепь обкатки и не влияет на ее точность.

Конечные цепи обкатки отличаются высокими коэффициентами перекрытия и высокой износоустойчивостью, что обеспечивает равномерное движение обкатки и возможность применения коротких циклов.

Регулирование угла качания люльки бесступенчатое, благодаря чему перебеги люльки сводятся до минимума.

Подача обкаткой производится при помощи электродвигателя постоянного тока с тиристорным преобразователем. Скорость обкатки - переменная или постоянная.

Подача врезанием осуществляется при помощи гидроцилиндра со следящей системой. Скорость врезания - переменная.

Бабка изделия установлена непосредственно на столе, что обеспечивает высокую жесткость станка.

Гидропривод размещен вне станка, что гарантирует высокую термическую стабильность.

5С280П

НЕ ОШИБЕТСЯ В СВОЕМ ВЫБОРЕ!

410006, Г. САРАТОВ,
УЛ. БОГОБОДНАЯ, 162,
ОСН.
УШЛЕКС: "ФАКЕЛ"
ТЕЛЕФОН: 44-94-72.

МОСКОВСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
"ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ ЗАВОД"

ПРИГЛАШАЕМ
ЛЮДЕЙ

125040, МОСКВА,
ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ПРОСПЕКТ, Д. 8,
ОТДЕЛ КАДРОВ.

Московское производственное объединение "Второй часовой завод" ПРИГЛАШАЕТ на работу молодых людей, заканчивающих действительную военную службу, наладчиками, операторами автоматических линий и станков с ЧПУ, электриками, специалистами инструментального хозяйства, рабочими инструментального профиля. Лица, не имеющие специальности, обучаются избранной профессии. За время учебы зачисленным в объединение выплачивается в размере 100-120 рублей в месяц.

В объединении имеются детские сады и ясли, пионерские лагеря, спортивный комплекс, базы отдыха под Москвой и в г. Сочи. Ведется жилищное строительство. Желающие продолжить учебу имеют возможность заниматься на вечерних и заочных отделениях техникума и института. Работающим в объединении ежемесячно выплачивается дотация в размере 180-200 рублей.